

ПУБЛИКАЦИИ

ПИСЬМА И. П. БОРИСОВА и Н. А. ШЕНШИНОЙ (БОРИСОВОЙ) к А. А. ФЕТУ и М. П. ФЕТ

Часть I
1850–1861

Публикация И. А. Кузьминой

Авторы публикуемых ниже писем занимали исключительное место в окружении А. А. Фета. Надежда Афанасьевна Борисова, в девичестве Шеншина (1832–1870) была его любимой сестрой, среди Шеншиных единственным, кроме матери, духовно близким человеком, а с мужем ее Иваном Петровичем Борисовым (1824–1871) Фета с молодых лет связывали отношения, которые можно назвать не только дружескими, но и братскими.

Переписка между Фетом и Борисовым началась в 1840-е годы и длилась до смерти одного из корреспондентов, фетовская ее часть недавно вышла из печати в составе очередного тома «Литературного наследства». Письмам Фета предшествует статья Г. Д. Аслановой,¹ в значительной степени посвященная личности Борисова, поэтому в данной публикации ограничимся лишь кратким изложением истории его жизни, неотделимой от жизни Н. А. Шеншиной.

И. П. Борисов родился 11 февраля ст. ст. 1824 года² в деревне Фатьяново Мценского уезда Орловской губернии. Родителями его были

¹ Письма к И. П. Борисову. 1846–1871 / Публикация Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой; Вступит. ст. и коммент. Г. Д. Аслановой // *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 64–75.

² Справка Орловской духовной консистории от 19 января 1831 г. // *РГИА*. Ф. 1343. Оп. 17. № 5309. Л. 14.

Петр Яковлевич Борисов (1790?–1830) и Мария Петровна Борисова, урожд. Денисьева. Фатьяново находилось в 10 верстах от Новоселок, имения Афанасия Неофитовича Шеншина. После смерти П. Я. Борисова, убитого собственными дворовыми, А. Н. Шеншин взял на себя опеку над его детьми, и шестилетний Ваня на некоторое время переселился в Новоселки, где воспитывался вместе с Фетом, считавшимся тогда сыном Шеншина.

Отношения Фета и Борисова возобновились через несколько лет в Москве, где выпущенный из кадетского корпуса Борисов служил при Генеральном штабе, а Фет учился в университете. В 1844 году Борисов перевелся в кирасирский полк, расквартированный в Херсонской губернии, а через год к нему присоединился и Фет, поступивший в тот же полк унтер-офицером. Служили они вместе менее двух лет: в феврале 1847 года Борисов вышел в отставку и зажил помещиком в родном Фатьяново.

В 1848 году в имении А. Н. Шеншина Борисов встретил его младшую дочь Надежду, только что выпущенную из Смольного института. Это событие определило его дальнейшую судьбу. «Весьма интересная» по наружности³ (по словам ее брата Фета) юная смолянка навсегда покорила сердце Борисова, он просил ее руки, но получил решительный отказ. Борисов оказался однолюбом и не смог побороть свое чувство. После очередного отказа Шеншиной он записался в Егерский князя Воронцова (Куринский) полк и отправился на Кавказ, где выказал отчаянную храбрость, участвуя в экспедициях против горцев, а во время Крымской войны сражаясь с турками. Болезнь вынудила его подать в отставку, 9 октября ст. ст. 1856 года он был уволен от службы с чином майора⁴ и вернулся домой.

³ МВ. Ч. 1. С. 2.

⁴ Согласно указу об отставке Борисова, он был выпущен из 1-го Московского кадетского корпуса 8 августа 1842 прапорщиком и определен в 17 артиллерийскую бригаду, в батарею № 3 батарею, с прикомандированием к Генеральному штабу; 3 ноября 1844 переведен в Кирасирский Военного ордена полк с переименованием в корнеты; 15 августа 1845 произведен в поручики; по домашним обстоятельствам уволен от службы 18 февраля 1847; определен вновь на службу в Егерский генерал-адъютанта князя Воронцова полк 9 июня 1850; за отличие в делах против горцев произведен в штабс-капитаны 4 декабря 1851, а за отличие в сражении против турок произведен в капитаны 18 мая 1855. С 7 октября 1855 до самой отставки служил адъютантом наказного атамана Черноморского казачьего войска (РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. № 5310. Л. 6–11).

Разлука с Н. А. Шеншиной не охладила чувств Борисова. В 1857 году девушка перенесла тяжелое психическое расстройство, вызванное любовным разочарованием, но и это не оттолкнуло ее поклонника. Доктора советовали замужество как единственное средство избежать возвращения болезни, а Фет со своей стороны всячески пытался настроить сестру в пользу друга. 8 января ст. ст. 1858 года Борисов и Шеншина обвенчались. Надежда Афанасьевна со временем оценила преданность мужа, ответив на его заботы если не любовью, то нежной привязанностью, но семейное счастье Борисовых продлилось недолго. Через несколько месяцев после рождения сына Петра (1858–1888) болезнь Надежды Афанасьевны снова дала себя знать, а в 1863 году она навсегда рассталась с семьей и остаток жизни провела в психиатрических лечебницах. Иван Петрович посвятил себя воспитанию сына, на которого перенес всю свою любовь. По справедливому замечанию Е. М. Хмелевской, судьба пощадила его только в одном: он не увидел страшный конец Пети.⁵ И. П. Борисов умер от чахотки в мае 1871 года, в возрасте сорока семи лет. Жена его скончалась годом раньше, 1 марта ст. ст., в петербургской больнице Всех Скорбящих.

Переписка Фета и Борисовых имела регулярный характер, но дошла до нас далеко не в полном объеме. В настоящей публикации представлены письма 1850–1861 годов, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (№ 20271, 20272, 20273, 20307) и Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 315. К. 5. № 76,⁶ 77; К. 6. № 23), большинство из них относится к периоду совместной жизни Н. А. и И. П. Борисовых. Это лишь часть выявленных писем, остальные будут напечатаны в следующих выпусках. Почти все письма в полном виде воспроизводятся впервые, отрывки из некоторых писем приведены в упомянутой выше статье Г. Д. Аслановой, а также в примечаниях к письмам Фета к И. П. Борису.

Письма публикуются с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации, в ряде случаев сохраняются авторские особенности написания. Все даты, за исключением особо оговоренных случаев, приводятся по старому стилю. В ломаных скобках раскрываются сокращения, а также восстанавливаются пропущенные слова.

⁵ См. вступит. статью Е. М. Хмелевской к подготовленной ею публикации писем И. П. Борисова к И. С. Тургеневу: *Хмелевская*. С. 336. И. П. Борисов окончил свою жизнь, как и Надежда Афанасьевна, в психиатрической лечебнице.

⁶ Данная единица хранения включает 27 писем Борисова; выражаю глубокую благодарность Л. И. Черемисиновой за помощь в подготовке их к печати.

1

Н. А. Шеншина — А. А. Фету

Октябрь (?) 1850. Из Новоселок в Новогеоргиевск

185<0?>.

Si tu m'avais vu à cet instant tu m'aurais demandé de ce qui me fait rougir, c'est qu'en vérité j'ai extrêmement conscience en commençant cette lettre; je m'imagine que tu t'es moqué de moi en recevant mon ouvrage inachevé. J'ai voulu le doubler mais sur le champ je vais te conter comment et par quelle cause je te l'ai envoyé dans un si grand désordre; tu dois te rappeler que je t'en ai parlé et que j'ai voulu te l'envoyer non arrangé, car on m'avait persuadé que chez vous au régiment il y a des soldats ouvriers, qui devraient te le faire pour rien, vu que tu a le droit de leur commander tout ce qui te plaît. J'ai résolu de le doubler avec de la marceline et de te la transmettre dans cet état. Il faut dire que c'est Lubinka¹ qui devait me donner de la doubleure. Tu a appris par mon père² que nous avons voulu faire un pèlerinage à Woronège³ mais après tout a été échangé à cause de la maladie du pauvre petit *Sacha*.⁴ Je suis restée chez ma sœur, Papa a continué son chemin. Malheureusement, Dieu nous a ôté notre consolation. Il a voulu que ce cher petit être nous quitte.

Tu peux te présenter le désespoir des parents! moi, j'ai été toute attristée de voir souffrir ce pauvre joli petit enfant. En venant à Iwanowskoj⁵ avec Papa, je lui a demandé la permission d'y rester ce qui lui extrêmement contrarié; jusqu'à présent il me boude pour cela et ne peut se rappeler que j'ai osé lui désobéir.⁶ Tu as eu tort de m'écrire ces grandes phrases et me donner toutes sortes de noms illustres (pour te moquer de moi), car ce n'est pas par prêcher la morale que je t'ai priée à ne pas dire des franchises au père, mais c'est lui qui est venu me raconter tes raisonnements sur la conduite de Basile qui n'étaient pas trop avantageux pour lui.⁷ De plus il me demanda maintes fois de quelles causes de maladie tu m'allais <?> dire dans ta lettre et qu'assurément je t'ai confié quelques chagrins. Tu vois bien que ce n'est pas moi qui la prise de ma tête, mais c'est lui qui m'a donné lieu de croire que tu lui a écrit quelques balivernes. Je te répète si c'était le cas, je te recommande à les éviter.

Quant à ce que tu me dis de la jeune personne, je ne sais vraiment si je dois m'en réjouir ou non. Je prie Dieu de t'envoyer une bonne compagne de la vie qui soit en état de t'apprécier et dont les poches soient mieux garnies que celles de m-lle Lasitch.⁸

7

Si tu m'aurais vu à cet instant tu m'aurais
 demandé de ce qui me fait rougir, c'est qu'en
 vérité j'ai extrêmement souscience en commençant
 cette lettre; je m'engage comme tu l'es moi-même
 moi en recevant mon ouvrage inachevé.
 J'ai voulu le doubler mais sur le champ j'
 vais te conter comment et par quelle cause
 je te l'ai envoyé dans un si grand désordre;
 tu dois te rappeler que j'en ai parlé et que j'ai
 voulu te l'envoyer mon arrangement, car on m'avait
 persuadé que chez ^{vous} ton régiment il y a des soldats
 ouverts, qui devaient te le faire pour rien, et
 que tu as le droit de leur donner tout
 qui te plaît. J'ai résolu de le doubler avec
 de la ma saine et de la transmettre dans
 et etc. Il paraît sûrement que c'est subit
 me vient me donner de la double.
 J'ai appris par mon père que vous avez
 voulu faire un pèlerinage à Voronij mais
 après tout ^{est} changé à cause de la maladie
 du pauvre petit Sacha. Je suis restée chez moi
 Papa a continué son chemin. Malheureusement
 Dieu nous a été notre consolation à tous, et il me
 que ce cher petit être nous quitte.

Письмо Н. А. Шеншиной к А. А. Фету. Октябрь (?) 1850 г.

Первая страница

Je ne dis plus comme il y a deux ans de delà: viens nous voir à présent, je comprends que s'il était possible tu l'aurais absolument fait et je ne désire qu'une chose c'est que ton service aille pour le mieux. Ne voudrais-tu pas imiter Basile et en allant prendre du service au Caucase⁹ seulement pas au civil mais au militaire pour recevoir dans deux ou trois ans la grade du colonel.¹⁰ Mais moi, j'aime mieux te savoir tranquillement (c-<'est> à d<ire> pas tout à fait) à Elisavethgrade¹¹ que de craindre pour ta vie pendant les campagnes <que>^a tu devrais entreprendre si tu <es venu au> Caucase.

Notre malheureuse famille a toujours quelques chagrins ou désagréments. Maintenant le tour est venu au pauvre Petinka;¹² ce cher enfant est tombé gravement malade — il a gagné une espèce de fièvre chaude et depuis 15 jours il est alité. Le médecin qui le traite dit qu'il s'est occupé plus que ses forces ne le lui permettaient¹³ et qu'à présent il devra mener un genre de vie tout contraire à celui qu'il a mené jusqu'ici. Dieu veuille qu'il se rétablisse plus vite!

Ma santé va mieux, mais j'ai une habitude de ne pas en parler beaucoup pour lui montrer que je ne fais pas beaucoup de cas d'elle.

Lubinka et Alexandre t'embrassent et te font dire que tu es un paresseux. La santé du dernier est altérée depuis la mort de son enfant mais il ne veut employer aucun remède, je ne sais par quoi ça finira.

Nous voulons bientôt parler au père de <нрзб>tique et n<ou>s tâcheront de lui en demander <1 нрзб> un bon sujet <?>. Je t'embrasse affectueusement, ton amie et sœur <1 нрзб> dévouée

N. Schenchine.

С французского:

185<0?>.

Если бы ты видел меня сейчас, то спросил бы, отчего я краснею, потому что, по правде говоря, мне очень стыдно начинать это письмо; представляю, как ты смеялся надо мной, получив незавершенную работу. Я хотела сделать подкладку, но сейчас расскажу, как и почему я послала ее к тебе в таком ужасном беспорядке. Ты, должно быть, помнишь, как я говорила тебе об ней и хотела выслать тебе в недоделанном виде, потому что меня убедили, что у тебя в полку есть солдаты работники, которым ничего не будет стоить ее доделать, учитывая то, что ты

^a Здесь и далее текст письма сильно попорчен и восстанавливается по смыслу.

имеешь право приказать им все, что тебе пожелается. Я хотела сделать шелковую подкладку и в таком виде переправить к тебе. Надо сказать, что подкладку должна была мне дать Любинька.¹ От отца² ты знаешь, что мы решили совершить путешествие в Воронеж,³ но потом все изменилось из-за болезни бедного маленького *Саши*.⁴ Я осталась у сестры, папá продолжил путь. К несчастью, Господь отнял у нас наше утешение. Ему было угодно, чтобы это дорогое маленькое существо нас покинуло.

Можешь представить себе отчаяние родителей! что до меня, я была совершенно расстроена, видя страдания бедного милого ребенка. Приехав с папá в Ивановское,⁵ я спросила у него разрешения остаться там, чем вызвала огромное неудовольствие; до сих пор он дует на меня за то, что я посмела его послушаться.⁶ Ты напрасно писал мне возвышенные фразы и называл меня выдающимися именами (чтобы пошутить надо мной), ведь я не для того просила тебя не откровенничать с отцом, чтобы читать тебе мораль, но именно он пришел мне рассказать о твоих не слишком лестных рассуждениях по поводу поведения Василия.⁷ Кроме того, он бесконечно расспрашивал меня о каких причинах болезни, о которых ты собирался <?> говорить мне в своем письме, и о том, что наверняка я жаловалась тебе. Ты видишь, что не я взяла это из головы, а он дал мне основание думать, что ты что-то нарасказывал ему. Повторяю: если так и было, советую тебе избегать подобного.

По поводу того, что ты мне говоришь о юной особе, не знаю, радоваться этому или нет. Я молю Бога, чтобы он послал тебе добрую спутницу жизни, которая смогла бы тебя оценить и чьи карманы были бы более полны, чем карманы м<адемуазе>ль Лазич.⁸

Я больше не говорю, как два года назад: приезжай к нам сейчас, понимая, что, если бы у тебя была такая возможность, ты бы ею наверняка воспользовался, я желаю только одного, чтобы твоя служба проходила как можно лучше. Не хочешь ли ты повторить Василия, отправившись служить на Кавказ⁹ не по гражданской, а только по военной части с целью получить через два или три года чин полковника.¹⁰ Я бы предпочла знать, что у тебя все спокойно (т. е. не совсем все) в Елисаветграде,¹¹ чем опасаться за твою жизнь во время кампаний, <в которых> ты должен будешь принимать участие, если <поедешь на> Кавказ.

В нашем несчастном семействе все время какое-то горе или неприятности. На этот раз пришел черед бедного Петиньки,¹² этот милый ребенок серьезно заболел — он подхватил что-то вроде горячки и вот уже

две недели лежит в постели. Доктор, который его пользует, говорит, что он тратил более сил, чем у него было, на свои занятия¹³ и что теперь ему придется вести образ жизни совершенно противоположный тому, что он вел до сих пор. Дай Бог, чтобы он поскорее выздоровел!

Мое здоровье лучше, но я обычно не говорю о нем, чтобы дать ему понять, что не придаю ему особого значения.

Любинька и Александр обнимают тебя и просят сказать, что ты лентяй. Здоровье Александра пошатнулось после смерти ребенка, но он не хочет принимать никакого лекарства, не знаю, чем это кончится.

Мы хотим вскоре поговорить с отцом о <1 нрзб> и просить его о <1 нрзб> хорошем исходе дела <?>. Горячо обнимаю тебя, твой друг и <1 нрзб> преданная сестра.

Н. Шеншина.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 6. № 23. Л. 7–8 об.

Текст письма переведен и подготовлен к печати Н. П. Генераловой. Датирован на основании письма Фета к Борису от 28–30 сентября 1850 г. (см. примеч. 6 к наст. письму).

¹ *Любинька* — домашнее имя старшей сестры Надежды *Любови Афанасьевны Шеншиной* (1824–1880), с 1849 г. бывшей замужем за однофамильцем *Александром Никитичем Шеншиным* (1819–ок. 1872), отставным поручиком (см. о нем: *МВ*. Ч. 1. С. 8–9). Фет вспоминает, что Любинька была прямой противоположностью Нади: «Насколько та наружностью, темно-русыми волосами и стремлением к идеальному миру напоминала нашу бедную страдальницу мать, настолько светло-русыя Любинька, в своем роде тоже красивая, напоминала отца и, инстинктивно отворачиваясь от всего идеального, стремилась к практической жизни, в области которой считала себя великим знатоком» (*МВ*. Ч. 1. С. 8).

² *Шеншин Афанасий Неофитович* (ок. 1775–1854) — ротмистр в отставке, помещик Орловской и Воронежской губерний, предводитель дворянства Мценского уезда (1815–1819; 1824–1827). Был отчимом Фета, который с детства считал и называл его отцом.

³ Аф. Н. Шеншин с младшей дочерью направлялся в воронежское имение Грайворонка, а оттуда на богомолье, см. письмо Фета к Борису от 28–30 сентября 1850 г. (*Письма к Борису*: С. 104–105).

⁴ Речь идет о первенце Л. А. и Ал. Н. Шеншиных.

⁵ Деревня *Ивановское* (Мосоловка) — имение Ал. Н. Шеншина на юге Мценского уезда, в 54 верстах от Мценска (*ОГ*. С. 167. № 3477).

⁶ Недовольство поступком дочери Аф. Н. Шеншин высказал в письме Фету, полученном адресатом 28 сентября; из того же источника Фет узнал о болезни своего маленького племянника (*Письма к Борису*: С. 104–105). На этом основании комментируемое письмо Нади, написанное несколько позднее, уже после смерти ребенка, предположительно датируется октябрём 1850 г.

⁷ Шеншин Василий Афанасьевич (1827–1859) — старший сын Аф. Н. Шеншина. Как и Фет, воспитывался в Верро, затем продолжил образование в киевском Императорском университете св. Владимира, но, не кончив курса, к 1849 г. вернулся домой. С августа 1850 г. в письмах Фета к Борисуву появляется резкая критика в адрес брата, который сначала решил «взять ружье и юнкерствовать», а потом остановился на гражданской службе, пожелав служить подальше от дома, на Кавказе. Возможно, это желание появилось у Василия во время его пребывания в Пятигорске, где он провел несколько месяцев (см. письмо к нему Н. А. Шеншиной, помещенное в приложении к настоящей публикации).

⁸ Лазич Мария Козьминична (1823–1852) — старшая дочь отставного генерал-майора, имевшего в Александрийском уезде Херсонской губернии небольшое имение. С осени 1848 по июнь 1849 гг. Фет часто посещал усадьбу родственников Лазичей, где и познакомился с Марией (кирасирский полк, в котором служил поэт, тогда временно стоял поблизости). Мария и Фет полюбили друг друга, но роман их с самого начала был омрачен мыслью о невозможности брака: у обоих не было средств. Тем не менее Фет всерьез думал о женитьбе, рассчитывая на помощь со стороны родных, пока поездка домой в декабре 1849 г. не разведала его надежды. С этого времени «несчастный гордиев узел любви» стал для Фета неразрешимой проблемой. «Я не женюсь на Лазич — и она это знает, а между тем умоляет не прерывать наших отношений, — писал он Борисуву 1 июля 1850 г., — она передо мной чище снега — прервать неделикатно и не прервать неделикатно — она девушка» (*Письма к Борисуву*. С. 101). Как долго продолжались отношения влюбленных, которые после отъезда Фета в основном свелись к переписке, неизвестно. Летом 1852 г. девушка погибла от несчастного случая (см. об этом: *РГ*. С. 543–544; *Письма к Борисуву*. С. 111).

⁹ Очевидно, Надя имела в виду не службу, а только планы В. А. Шеншина, о которых Фет иронически писал Борисуву в начале декабря 1850 г.: «Вася собирается в министры к Воронцову» (речь идет о светлейшем князе М. С. Воронцове, кавказском наместнике). В конце концов Василий прислушался к увещаниям Фета и остался в родных краях. Согласно сохранившимся формулярным спискам, 7 ноября 1851 г. он поступил в канцелярию орловского гражданского губернатора канцелярским служителем, затем (10 марта 1852) был перемещен в Орловскую палату уголовного суда и в 1854 г. вышел в отставку по болезни в чине коллежского регистратора (*РГИА, ГАОО*). За сведения из *ГАОО* приношу благодарность Е. Н. Ашихминой.

¹⁰ Перевестись на Кавказ, чтобы быстро выслужить необходимый для потомственного дворянства чин, советовал Фету Аф. Н. Шеншин, см. письмо к Борисуву, датированное началом декабря — 30 декабря 1850 г. (*Письма к Борисуву*. С. 106).

¹¹ Фет служил тогда в Новогоргиевске (Херсонская губерния) полковым адъютантом; в Елисаветграде располагался корпусный штаб.

¹² Речь идет о младшем сыне Аф. Н. Шеншина — *Петре* (1834–после 1879).

¹³ Вероятно, Петр готовился к вступительным экзаменам (через некоторое время он стал студентом Харьковского университета).

2

Н. А. Шеншина — А. А. Фету

14 июня 1854 г. Из Орла в Эстляндию

Любезный друг Афоня. Завтрашний день мы все собираемся в Клеменову¹ для совершения богослужения в память покойного батюшки, который скончался 40 дней тому назад.² Не принимая твои чувства за экзальтацию, уверена, что и ты поймешь, как трудно отдавать этот долг тем, которые всегда любили его, а еще более сблизилась с ним последнее время, когда он ясно и благородно доказал всем, что имел доброе и любящее сердце и что все дурное в его поступках происходило от внешних причин.

Он простился со всеми нами как лучший христианин и добрейший отец, и кончина его не только у детей, но и всех посторонних, присутствовавших при ней, не может изгладиться как редкий пример терпения, преданности судьбе и твердости души. Если судить об жизни по концу ее, то можно сказать, что он прекрасно <жил>, потому что конец его завидный и служит большим утешением тем оставшимся, которые жалеют об нем.

Перед кончиной он препоручил меня Любиньке и Александру, так трогательно, с таким чувством, что я об этой минуте равнодушно ни говорить, ни думать не могу, и вообще все горе, через которое я прошла это время, так меня расстроило, что я не имела достаточных сил, чтоб из Орла следовать за телом, которое повезли в Клеменову, где оно и было похоронено на четвертый день. Пробывши больше недели в Орле под присмотром доктора, Любинька с мужем и я отправились в Ивановское, где и останусь пока будет угодно Богу.

Не стану оправдываться перед тобой в молчании, но скажу, что оно происходило не от небрежности к тебе, не от равнодушия к постигнутому нас горю, но от тягостного впечатления, которое оно на меня сделало, так что я с духом не умела собираться писать все эти подробности, которые живо представляют мне все прошедшее, столь, повторяю, тягостное для меня. Читая письмо,³ я понимала то затруднительное положение, в котором ты находишься, и те мысли, которые должны были тебе приходиться насчет меня и всех нас; но про себя скажу, что я виновата только в том, что не предупредила тебя об невозможности для меня говорить до некоторого времени об этом предмете. Любинька и Александр писали тебе, кажется, из Орла 10 или 11-го мая, и я не понимаю, каким образом и отчего ты не получил их писем.

Что касается дел, то я тебе почти ничего не скажу, потому что столько же сама знаю, все препоручено Васиньке, он теперь всем занимается, а я с своей стороны не хотела и слышать, как и каким образом что делается. Надеюсь вместе с тобой, что дружба в нашем семействе не была только на словах, но окажется и на деле, впрочем, сознаюсь тебе откровенно, что^а вопрос, касающийся собственно интереса, меня в эту минуту мало занимает и, зная намерения братьев насчет тебя (не думай, чтоб я что-нибудь положительного или, лучше, назначенного слышала, но только верное и твердое решение поступить благородно, по совести), я покойна и ожидаю объявлений настоящего положения дел с большим терпением.

Когда придет время, сделаю все, что может женщина в этом случае, чтоб ты был доволен окончанием дела,⁴ и когда буду иметь точное понятие обо всем, немедленно отдам тебе подробный отчет.

Александр и Любинька так добры в отношении меня, что после потери, которая для меня больше, чем для кого-либо другого чувствительна,⁵ я должна благодарить Бога, давшего мне таких друзей. Теперь я на опыте узнала, что только в горе можно расположение людей, и я убедилась в справедливости этого мнения; много пришлось бы мне рассказывать, почему я заключаю, что из родных, бывших со мною это время, они больше других меня любят.

До следующего письма, друг мой Афоня, нам пора в экипаж садиться, чтоб ехать в Клеменову, на следующей почте мне придется еще писать к тебе, а пока извини, что, не имевши лучшего целого листа (потому что мы в Орле, а послать купить некогда), написала на клочках.

Целую тебя от души и остаюсь

навсегда искренно преданная сестра твоя

Надежда Шеншина.

14 июня 1853.⁶

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 6. № 23. Л. 1–4 об.

В автографе неверная дата: 1853 г. Письмо датируется по содержанию: Аф. Н. Шеншин умер 7 мая 1854 г.

¹ *Клейменово* (Покровское, Скородино) — село Мценского уезда Орловской губернии, в 30 верстах к юго-западу от Мценска, а от Орла — в 25 верстах (близ железнодорожной станции Отрада). Некогда там селились клейменные за воровство

^а *Далее было*: этот

⁶ *Так в подлиннике.*

крестьяне, вернувшиеся в родные места после отбывания ссылки в Сибири. В XVIII в. помещик Петр Афанасьевич Шеншин (ум. 1760) построил в Клейменово церковь во имя Покрова Богородицы, давшую селу новое название и ставшую местом погребения его родственников. Отчим Фета, Аф. Н. Шеншин, унаследовал Клейменово после своего брата Петра Неофитовича (1780–1844) (см.: *Маричева Л. Родовое гнездо Шеншиных // История русской провинции. Орел, 2000. Т. 9. С. 11–13; ОГ. С. 173. № 3600, 3601).*

² Аф. Н. Шеншин умер в Орле 7 мая 1854 г. «от антонова огня» (гангрены), в возрасте около 79 лет. О причинах болезни, повлекшей его смерть, см.: *МВ. Ч. 1. С. 68–69*. Был похоронен в Клейменово, рядом с женой Елизаветой Петровной.

³ Фет тогда служил в Эстляндии в составе лейб-гвардии Уланского наследника цесаревича полка, который с начала Крымской войны охранял Балтийское побережье. Письма Фета к родным этого периода не сохранились.

⁴ Братья и сестры Фета считали его сыном Аф. Н. Шеншина и предполагали разделить с ним наследство, на которое он не имел права с юридической точки зрения. Судя по некоторым данным, они осуществили свое намерение, выдав старшему брату его долю в виде векселей. Так, 16 июля 1857 г. Фет писал В. П. Боткину: «У меня 35 т<ысяч> сер<ебром> капиталу <...>» (*Переписка с Боткиным. С. 188*). А в своих воспоминаниях уточняет: «...все это было разбросано по разным рукам, и, что еще хуже, — по родственным» (*МВ. Ч. 1. С. 193*). Трудно представить, что Фет мог скопить 35 тысяч рублей, откладывая со своего офицерского жалованья или с гонораров за литературные труды. Известно, что впоследствии (1863) брат Петр уступил Фету свое ливенское имение в счет значительного долга (Там же. С. 420).

⁵ Надежда не разлучалась с отцом с 1848 г., когда была выпущена из Смольного. Другая дочь Шеншина, Любовь, после замужества жила в имении мужа, на юге Мценского уезда. Отдельно от отца, в Клейменово, жил и сын Василий, женившийся в 1852 г. на Екатерине Дмитриевне Мансуровой. Наконец, младший сын, Петр, судя по воспоминаниям Фета, по крайней мере по 1853 г. был студентом Харьковского университета.

3

И. П. Борисов — А. А. Фету

23 июня 1854 г. Из Закавказья в Эстляндию

23 июня /54. Лагерь на Ценис-Цхале.¹

Вчера вернулся из Кутаиса, куда на минуточку съездил проведать наших раненых.² Нашел их как нельзя лучше расположившимися в доме у военного губернатора князя Гагарина,³ и не терпи они страданий, непобедимых еще для человечества, то лучше бы и жизни не надо. Вот у них-то прочел я «Каленика»,⁴ и нужно ли тебе говорить, друг мой,

сколько навалилось воспоминаний прошлого. Я не знал ведь твоего гениального денщика, а все, что тебя окружает и живет с тобою, мне необходимо знать как дополнение самого себя, самого необходимейшего из остатков счастливых моих времен. Я люблю безгранично предаваться прошлому, когда в нем видится твоя физика. Жалею поминутно, что ты далеко, но все-таки благословляю судьбу, что ты вышел на настоящую дорогу;⁵ тут ты лучше сохранишься, и вернее обеспечены будущие твои и мои житейские помышления. Среди всех кочевьев и битв я их не откладываю совсем, — подумываю иногда, так, про себя, вернусь же когда-нибудь я из Азии, увижу и тебя, а там увидим, как жить-то будет лучше. Не хотел бы видеть тебя здесь, потому что, как будто нарочно, судьба преследует меня во всем, что мне более дорого по сердцу. — Были у нас дела жаркие — и без примеси грусти не могу о них вспомнить — потерял лучших моих товарищей, с которыми не то что служил, но жил вместе;⁶ заменить их некем, а одиночество так тяжело, что начинаю впадать в прежнюю тоску, от которой не находил и места. Мне делали разные предложения перейти в штаб, тогда я отказался, теперь, быть может, решусь. Верно ты где-нибудь да прочтешь о делах в Гурии,⁷ о сражении при *Ланчхуте* 27 мая⁸ и на *реке Чолохе* 4 июня.⁹ Я в обоих боях был участником, и случайности боев этих доставили и мне случай быть заметным участником. Оба дела так прославили наши Куринские батальоны,¹⁰ что с другими не хотелось бы и становиться в ряды. Князя Гурии и Имеретии¹¹ задают нам пиры, угощают всем, чем богаты. Не довольно того, что приглашают к себе, нет, и в лагерь присылают и вино, и зелень, даже говядину, людям водку; и, видя, чувствуя в душе, что это заслужено кровью, испытываешь не виданное прежде уважение к себе, к товарищам, к молодцам солдатам, с которыми составляя^{ешь} какую-то неразделимую единицу. Вот истинная уж награда за все мнимые опасности. Твой Каленик верно бы отозвался на это своим хи, хи, хи! А наши старики ахультинцы¹² толкуют одно: «Што турки — дрянь, стоило ли сюда за ними прибегать. Дай-ка хранцуз! Што они там в Одесту-то суются¹³ — на хохлов лезут. Мы бы их и здесь проморозили». Получил я недавно от Ивана из Фатьяновой¹⁴ письмо, оно от 8 мая, а 7-го скончался твой почтенный батюшка. По давно полученному письму от Васи я ждал уже эту грустную весть, но получить и прочесть, что кончено уже, было так больно, так тяжело. Я от него кроме добра во всю мою жизнь ничего не знал¹⁵ и искренно любил старичка со всеми его особенностями. Уезжая в последний раз из наших краев, я не представлял себе, что не увижу его более, надеялся, что война к осени потухнет и я буду опять травить русаков. Но, видно, не судь-

ба и в этих надеждах. — Прости, моя душа, и верь, что столько у меня к тебе дружбы, братской дружбы, что хотел бы бесконечно с тобою быть хотя в мыслях. Но и тут препятствие — начал это письмо несколько дней тому назад командиром 1 караб<инерной> роты, а оканчи<ваю> дежурным штаб-офицером¹⁶ Гурийского отряда — у нас 20 бат<альонов>, пропасть милиции, госпиталей, <1 нрзб> транспортов и еще более бумаг. Со вчерашнего дня начались мои подвиги на этом поприще. Ты сам отъявленный писака, знаешь, что это за гиль. Нет писарей, нет нужных офицеров, но есть желание оправдать выбор начальства, назначившего меня и не по чину, и не по росту. Авось Бог поможет. Вот если б ты-то был поближе — так бы и вцепился. Христос с тобою, друг мой.

Твой И. Борисов.

Пиши <?> <1 нрзб> мне <1 нрзб>¹⁷ в штаб Гурийского отряда. Да черт знает, долго ли останусь, во фронте лучше,¹⁸ как говорит жуир Михайла,¹⁹ кучер *Капитана*.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 5. № 76. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано (без постскриптума, со стилистической правкой): МВ. Ч. 1. С. 70–72, с датой 3 июня 1854 г.

¹ Имеется в виду река *Цхенис-цхале* — правый приток Риона, крупнейшей реки западного Закавказья, впадающей в Черное море у г. Поты. В 1854 г. Борисов служил в Гурийском отряде, который вел боевые действия против турок в Рионском крае; после Чолокского сражения (см. примеч. 9 к наст. письму) он вместе со своей войсковой частью находился близ селения Усть-Цхенис-Цхале (Указ об отставке Борисова // РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. № 5310. Л. 6–11).

² Речь идет об офицерах Егерского генерал-адъютанта князя Воронцова (Куринского) полка, получивших ранение в делах 27 мая и 4 июня, среди которых были близко знакомые Борисову штабс-капитан В. А. Полторацкий и подполковник А. Х. Бреверн. В 1893 г. «Исторический вестник» под заглавием «Воспоминания» опубликовал отрывки из дневников Полторацкого, где неоднократно упоминается Борисов; первая из посвященных ему записей (1853) дает представление о душевном состоянии Борисова в период его кавказской службы: «Кружок наш по-прежнему был дружным и тесным, увеличенный еще новой личностью: Иваном Петровичем Борисовым, человеком хорошим, честным и очень сердечным. <...> Раньше он кратковременно носил кирасирский мундир Орденского полка; представляю себе маленького, очень пропорционально-миниатюрного Бориньку в кирасирском мундире! Любовь сильная, страстная, но несчастная увлекла его на гибельный Кавказ. В первое время он без надобности лез на опасность и как будто бы искал смерти, но время взяло свое. Теперь он не пьет, не играет, но с пылким увлечением говорит о своей любимой страсти — охоте» (*Полторацкий В. А. Воспоминания // ИВ*).

1893. № 6. С. 672; далее ссылки на эти воспоминания: *Полторацкий*, с указанием номера журнала и страницы).

³ Князь *Александр Иванович Гагарин* (1801–1857) — генерал-майор, кутаисский военный губернатор. Во время Крымской войны командовал Гурийским отрядом, был ранен в сражении при Чолоке. В. А. Полторацкий в своем дневнике подробно описывает восторженный прием, оказанный ему и Бреверну в Кутаисе, а также гостеприимство военного губернатора: «...мы были внесены в прекрасную, светлую, а главное прохладную комнату, где стояли две кровати и до последней мелочи все было предусмотрено заботливостью гостеприимной и в высшей степени любезной княгиней Тассо Гагариной. Сам дорогой наш хозяин, князь А. И. Гагарин, встретил нас с левой рукой на перевези, и мы, к великому удивлению, только здесь узнали, что и он ранен пулею, но, к счастью, без перелома костей» (*Полторацкий*. № 9. С. 586).

⁴ Рассказ Фета «*Каленик*», опубликованный в журнале «Отечественные записки» (1854. № 3) с посвящением Борисову.

⁵ Борисов имеет в виду переход Фета в гвардейский полк с чином поручика, состоявшийся в январе 1854 г. Следующий гвардейский чин, штабс-ротмистра, давал тогда право на потомственное дворянство.

⁶ Полторацкий рассказывает о дружеской пирушке, устроенной Борисовым 25 мая. Многие ее участники вскоре были убиты в сражениях 27 мая и 4 июня, в том числе капитан Егор Швахгейм, с которым Борисов был очень дружен, жил в одной палатке и держал общее хозяйство (*Полторацкий*. № 7. С. 52–54).

⁷ *Гурия* — историческая область в Западной Грузии с центром в Озургетах.

⁸ В *сражении при Ланчхуте* (27 мая 1854 г.) двухтысячный отряд подполковника князя Эрштова разбил 12-тысячное войско Гасан-паша, при этом неприятель потерял тысячу человек убитыми, погиб и сам Гасан-паша. От Куринского полка в сражении участвовал 1-й батальон, в котором служил Борисов. За отличие в этом деле Борисова представили к производству в капитаны (приказ был подписан императором 18 мая 1855 г.).

⁹ В *сражении при р. Чолок* (4 июня 1854 г.) 9-тысячный Гурийский отряд под командованием генерал-лейтенанта князя Андроникова (в который входили 1-й и 3-й батальоны Куринского полка), одержал победу над 34-тысячным корпусом Селима-паша. Потери турок составили 4 тысячи человек убитыми и ранеными, с русской стороны было убито и ранено до 1500 человек. Борисов, оставшийся невредимым, был отмечен орденом св. Анны 3-й степени с бантом. Поражение при Чолоке совершенно расстроило одно из важнейших соединений Анатолийской армии, которая так и не оправилась до начала следующей кампании.

¹⁰ Оба батальона Куринского полка получили новые Георгиевские знамена с надписью: «За отличие против турок в сражениях: у Нигонитских высот 27 мая и за р. Чолоком 4 июня 1854 г.». Кроме того, 6 офицеров были награждены орденами св. Георгия 4-й степени, а 106 нижних чинов — знаками отличия Военного ордена.

¹¹ *Имеретия* — историческая область в Западной Грузии с центром в Кутаисе.

¹² *Ахультинцы* — видимо, участники штурма крепости Ахульго (1839).

¹³ Подразумевается Одесса, которую 10 апреля 1854 г. обстреляла объединенная англо-французская эскадра. В результате обстрела порт и коммерческие суда, в нем

находящиеся, были сожжены, однако ответный огонь русских береговых батарей не допустил высадки десанта. После обстрела эскадра союзников ушла в Крым.

¹⁴ Речь идет об *Иване Федорове* — управляющем имением Борисова, деревней *Фатьяново* Мценского уезда Орловской губернии (ОГ. С. 160. № 3328). Фатьяново находилось в 12 верстах к юго-востоку от Мценска, в близком соседстве от имения Аф. Н. Шеншина — Новоселки.

¹⁵ После смерти П. Я. Борисова, убитого в 1830 г. собственными дворовыми, Аф. Н. Шеншин стал опекуном его малолетних детей, причем мальчики, включая Ивана, до определения в учебные заведения жили в Новоселках (РГ. С. 53–54).

¹⁶ *Дежурный штаб-офицер* — должность, существовавшая с 1812 по 1864 г. Дежурный штаб-офицер заведовал инспекторской, санитарной и судебной частью, а также делопроизводством по вопросам, касающимся личного состава армии.

¹⁷ Чернила первой строки постскриптума выцвели и едва заметны.

¹⁸ В указе об отставке Борисова нет записи о службе его дежурным штаб-офицером, так как он недолго был в этой должности и вскоре вернулся во фронт. Затем, 21 августа 1854 г., последовало его назначение командующим ротой (сдал ее по случаю болезни 21 января 1855 г.). Последняя должность Борисова, которую он исполнял с 7 октября 1855 г. и до увольнения от службы, — адъютант наказного атамана Черноморского казачьего войска. Высочайшим приказом от 9 октября 1856 г. Борисов вышел в отставку «за болезнь» майором и с мундиром.

¹⁹ *Михайла Краснобаев* — знакомый Фету по службе в кирасирском полку слуга Борисова (РГ. С. 267, 319–321).

4

И. П. Борисов — А. А. Фету

14–19 июля 1857 г. Из Фатьянова в Москву

14 июля 57. *Фатьянова*.¹

Петруши² все еще нет, об Алекс<андре> Никит<иче>³ тоже не имею слухов, писал к нему, напомни<л> о паспорте.⁴ Ну, Физик,⁵ время летит, и близится к тебе час роковой.⁶ Ты решительно в августе отправляешься.⁷ Не спрашиваю и не гадаю, когда вернешься — осенью, зимою или весной. Как знать, что случится. Ты и сама всего предвидеть не можешь. Дело сложное, зависящее не от одного тебя, поэтому, если у тебя роятся в мозгу такие и такие планы, не советую тебе крепко на них рассчитывать, чтоб не оказались воздушными замками. Приехать тебя проводить, да и благословить по-братски не удастся, я уже не думаю, чтоб когда-нибудь выздоровел.⁸ Но верь, мой друг, что никого у тебя нет, кто бы так живо, всем сердцем делил с тобою и настоящие минуты ожидания, и будущие надежды на счастье. Судьба лишила тебя на это время сест-

ры.⁹ Она, верно бы, сумела сделать для тебя все это время отграднее, и ты живее бы чувствовал свое счастье, не понеделничал бы и вообще не проявлял несвойствен<ых> тебе капризов. Только бы суетился по обыкновению. — Вот никак этого не думал, чтоб ты, Физик, мог ходить в «Исаие ликуй»,¹⁰ а меня тут возле не будет. Но что ж делать-то — лишь бы ты, моя дорогая, была счастлива. Буду ждать с трепетным нетерпением от тебя вести о событиях, писать к тебе туда, кажется, не придется. Если ты, как Бог поможет, покончишь это дело молодцом, что тебе там делать? Вот дело другое, если уже останешься, для себя ли, для Н<адежды> А<фанасьевны> зимовать, тогда спишемся. Я не могу еще вполне решить, проклинать ли погоду, какая у нас держится, или благословлять — редко-редко термометр поднимается выше +12°, и я сижу в комнатах да топлю камил. А для ее болезни, быть может, такое время будет спасительно — дай-то, Господи.

17. Какой вчера был вечер! О, Физик, таких и в Италиях не бывает — с закатом солнца как будто все остановилось отдохнуть, остановился северный ветер, запахло летом. Третий день взялись за уборку хлеба, по ржаным клинам виднеются копны. Гречиха цветет, так медом и обмажет чутье; только в чреве моем все еще горько и горько, но все не так, как после хинин<а>. Одним словом, еще *жив Курилка*. И ты дура, и весь мир дура, кто не убежит в такое время из белокаменных палат хоть бы под какую ракету. Ах! Ивушка ты ивушка — зеленая моя! Как же мне, ивушке, зеленой быть.¹¹ Вот оно что, Фетушка. Взглянул на твой портрет¹² и теперь только заметил в нем несвойственное тебе выражение, как будто не хочешь отвечать. Губы надул, тогда как у тебя они беспрерывно в работе. О Физик! Что из тебя будет, когда поженитесь. Неужели такая неряха как ты, такой рассеянный курьер суеты может быть женатым. И после этого ты если осмелишься мне когда пожаловаться даже на судьбу твою, не только на родителей,¹³ то проклянута. Для благополучного исполне<ния> всего в будущем советую тебе перед выездом из Москвы запереться в комнату одному, потом под звуки трепака и слова веселых попов «буки-аз — ба, веди-аз — ва» пройтись плавной павушкой, а потом и: «буки-ер-веди-ер», — рассыпсы в присядку да обними себя на дорогу за меня — вот наше прощание какое. А уж как буду дожидаться тебя! Давно моя жизнь идет в ожиданиях, надо бы уже привыкнуть ничего не ждать хорошего. Нет, сударь ты мой, сиди и сиди в чистилище, как будто я какой католикос и в папу верую. — От Алекс<андра> Никитича получил записку — обещает быть 26 ко мне, а теперь поехал в *Орел*, по делам, говорит, — авось вышлет к тебе и паспорт. Вчера у меня гостила сестра,¹⁴ кланяется тебе. С нею была новая

Фет с сестрой в Риме

(Н. А. Шеншина, Н. А. Некрасов, А. А. Фет, П. М. Ковалевский)

Рисунок А. Ф. Чернышева. Рим, январь 1857 г.

моя кума, барышня тоже. Вообще, что такое за пустяки наши барышни и барыни, я понимаю, что гораздо, гораздо более развлечения с борзыми, чем в их обществе. Да, кстати, о борзых и легавых тоже. В 76 № «Мос<ковских> в<edomостей>» вызывают на сочинение по программе об егерском искусстве.¹⁵ Только в программе этой многого нет, необходимого такому сочинению, за что я и озлился так, что готов написать целых три листа, и если напишу, то пришлю тебе прочесть и бросить в «Москов<скую> ведомость».¹⁶ Только от твоего имени, если будешь со мною согласна, а обо мне чтоб не было помину, а не согласна — то бросай в огонь.

19. Разом два <письма> получил твоих,¹⁷ добрая милая братка, и мне досадно уже на себя, зачем тебе так жестко ответил на твою шутку, — что ж делать-то мне с собою, когда и шутки не умею ни понять, ни перенести в моих к тебе отношениях. У меня как будто сердце вещун. Вот когда ты строчил свои строки ко мне, я в те же минуты мысленно тебя провожал уже, только не хочу, чтобы ты уехал в таком настроении, каких-то ожиданий беспокойных, мрачных, и это тем более тебе непро-

ститительно, что, значит, ты не подумал в настоящее время о себе самом, не сравнил прошлого всего с настоящими минутами и не благодарил судьбу, по крайней мере, за то, что доводит тебя с разбитой колеями дороги от Новоселок¹⁸ на *sose*¹⁹ или с *sose* на чугунку. Каждый подобный выезд должен отозваться на душу чем-то радостным, а ты все, все вопишь. Много, много тебе еще предстоит тяжелых испытаний, но у тебя впереди и так близко, что носом чуешь, минута покоя и счастья. Этою-то близостью и оживляй свой усталый дух. Твоя решимость везти сестру теперь же и все, что ты пишешь об ее положе<нии>, может уже быть тебе порукою за твое будущее счастье<е> — Бог наградит тебя за нее. Лучше ли для нее остаться или ехать, верно, ни ты, ни я не решим и не откроем умными головами своими. А кого можно избрать решителем. Говорят, вези, так и думать нечего. Друг мой, как ты, при всей твоей любви к сестре, до сих пор не можешь сбросить с себя тяготения всего остального мира, что можешь смущать себя тем, что кто-либо может сделать тебе за нее упрек. Ты давно уже знаешь, давно убедился, что одна настойчивость твоя и могла ее спасти.²⁰ Что бы с нею было, если б выдал ее твоим родител<ям>, которые, быть может, тоже любят ее искренно, тоже и люди честные, и с благороднейшими понятиями, я все это в них допускаю, но допускаю и то, что они в наше время способны потащить кого-нибудь на костер по случаю приближения кометы или войны с туркою, поэтому-то и *наплевать* следует на их мнения и не обижаться даже разными выходками. — Дай, Господи, чтоб поскорей миновалось это тяжкое время ожидания. Прошу тебя, друг мой, об одной милости: уведоь меня, когда кончишь все и пристроишь ее за границею, и что тебе скажут тамошние доктора. Писать к тебе, как я уже и думал, мне не придется, да и что особенно для тебя интересного отсюда, дай Бог, чтоб его и не было, а что тебе встретится нужное, то пиши, повелевай и приказывай, я твой верный слуга.

От Васи я не получал никакой вести. Петруша молчалив, как могила, от него и ждать нечего. Удивительное ваше семейство. Невольно воспоешь с псалмопевцем Давидом: «Чудо преестественное! *Росодательному* духу песнь пояху...».²¹ Но не могу отвязаться и от твоей икры, ну можешь ли ты по совести отвечать мне, что ты не дура аристократка. Если затеяли ездить на воейковских вороных жеребцах.²² Ах ты, мати моя!²³ У меня уже глаза заранее щурятся на несущуюся карету, и вижу в ней в одном углу шляпку, ленточку, шаль, цветок, а в другом... Ах! Это он! Ах! Это он. Ах, это ты.

Что ж ты об охоте-то не писала, мог бы что *сочинить*, а я только и надеялся поохотиться, читая твое описание, — сам же, кроме пяти-шес-

ти ворон в саду, не убил ни одной дичины. Верстах в четырех, именно в смородинском лесу,²⁴ появились в нынешнем году тетереви. Масониус²⁵ звал меня, но нет даже сил на такую экспедицию. Просто извела меня злодейка, догорай, моя лучина,²⁶ а я еще подожду. Привози новых песен — счастливых, не заунывных. Эти надоели. Но довольно с тобою болтать. Почеломкаемся и до свидания, милый мой друг. Помоги тебе, Господи, на всей дороге. Буду ждать твоего словечка и надеюсь, дождь дня радостного, в который оживет и моя душа.

Обнимаю тебя крепко-накрепко, друг твой и брат

И. Борисов.

20-г<о> отпр<авляю>.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20273. Л. 1–2 об.

¹ *Фатьянова* — имение Борисова, см. примеч. 14 к письму 3.

² Речь идет о брате Фета — П. А. Шеншине, см. примеч. 12 к письму 1.

³ Имеется в виду зять Фета — Ал. Н. Шеншин, см. примеч. 1 к письму 1.

⁴ Речь идет о паспорте для Надежды Афанасьевны Шеншиной. Врачи советовали везти ее за границу на лечение.

⁵ *Физик* — одно из характерных слов сослуживца Фета по кирасирскому полку Э. И. Гайли. «Неизвестно, почему плохой кавалерист был в глазах Эдуарда Ивановича физик. Это презрительное название давал Эдуард Иванович всякому неловкому и неуклюжему человеку» (*РГ*. С. 288).

⁶ Речь идет о предстоящей женитьбе Фета на М. П. Боткиной, находившейся в то время в Германии. Венчание состоялось 16 (28) августа 1857 г. в Париже.

⁷ Фет отбыл за границу на борту парохода «Нева», который 31 июля 1857 г. покинул кронштадтский порт и взял курс на Любек.

⁸ Борисов страдал малоазиатской лихорадкой, приобретенной во время службы на Кавказе.

⁹ Надежда Шеншина, в которую Борисов был много лет безответно влюблен, в начале 1857 г. лишилась рассудка и находилась в московской психиатрической больнице В. И. Красовского (*МВ*. Ч. 1. С. 184–187).

¹⁰ Имеется в виду обряд венчания. Священник, соединив руки новобрачных, трижды обводит их вокруг аналая. При первом обхождении поется тропарь «Исаеи ликуй».

¹¹ Слова народной песни «Ивушка, ивушка зеленая моя...». Ср.: *Великорусские народные песни* / Изд. проф. А. И. Соболевским: В 7 т. СПб., 1896. Т. 2. С. 29–31.

¹² Какой именно портрет Фета принадлежал Борисову, неизвестно. Портрет этот упоминается также в письме б.

¹³ Родители (*ирон.*) — подразумеваются Л. А. Шеншина и ее муж.

¹⁴ *Борисова Анна Петровна* (1829–1878) — около 1858 г. вышла замуж за Ф. Ф. Казначеева. Кроме нее, все братья и сестры Борисова умерли от чахотки в юном возрасте.

¹⁵ В 1857 г. Ученый комитет Министерства государственных имуществ объявил конкурс сочинений на различные темы, касающиеся природы и ее использования. В «Московских ведомостях» публиковался не только список предлагаемых тем, но и развернутые планы сочинений, в частности, была напечатана «Программа Руководства по егерскому искусству», состоящая из введения и шести глав (*МВед.* 1857. 25 июня. № 76. С. 655–656).

¹⁶ Несколько позднее Борисов осуществил свое намерение, 14 января 1859 г. Фет писал ему: «Чрезвычайно рад, что ты писнул об охоте. Предоставь мне эту вещь в полное моральное и физическое распоряжение. Мы ее прочтем с Ник<олаем> Толстым и решим, хороша ли она» (*Письма к Борису*. С. 136), а 6 февраля 1859 г. сообщал: «Прочли вчера с Николаем Толстым твою охоту и решили ее напечатать с поправкой некоторых обмолвок» (Там же. С. 139). Дальнейшая судьба рукописи Борисова неизвестна.

¹⁷ Эти письма Фета неизвестны.

¹⁸ *Новоселки* (Козюлькино) — деревня с помещичьей усадьбой в 7 верстах к юго-востоку от Мценска, у реки Зуши, где родился Фет и где прошло его детство (*ОГ.* С. 164. № 3410). После смерти А. Н. Шеншина перешла к его младшей дочери Надежде.

¹⁹ Т. е. на шоссе. В то время уже существовала шоссеиная дорога, связывавшая Мценск с Москвой.

²⁰ С начала болезни Надежды Шеншиной именно Фет пытался лечить ее в Орле, а затем, следуя совету орловского врача, привез ее в Москву для консультации у знаменитого психиатра В. Ф. Саблера.

²¹ Борисов пародирует следующий фрагмент православного богослужения: «Чуда преестественнаго рододательная изобрази пещь образ: не бо, яже прият, палит юныя, яко ниже огонь Божества — Девы, в Нюже вниде утробу, Тем, воспевающе, воспоем: да благословит тварь вся Господа и превозносит во вся веки». Перевод: «Окропляющая рососо пещь представила образ сверхъестественного чуда: ибо она не опалает юношей, которых приняла в себя, как и огонь Божества утробы Девы, в которую нисшел. Поэтому воспоем песнь: „Да благословляет все творение Господа и превозносит во все века!“».

²² Фет вспоминает, что перед женитьбой купил «к небольшой четвероместной карете» «пару воейковских вороных лошадей» (*МВ.* Ч. 1. С. 195). *Воейковскими* назывались лошади знаменитого коннозаводчика Дмитрия Петровича Воейкова (1780–1876).

²³ Начало народной песни «Ах ты, мати моя, матушка...». Слова эти приводятся также в письме Фета Борису от 10–28 апреля 1849 г. (*Письма к Борису*. С. 90). Ср.: *Великорусские народные песни.* Т. 7. С. 50 (2-й паг.).

²⁴ Видимо, этот лес находился у деревни *Смородиновки*, расположенной как раз в 4 верстах от Фатьяново (*ОГ.* С. 160. № 3330).

²⁵ *Масониус Андрей Петрович* — муж двоюродной сестры Фета Любови Ивановны (урожд. Шеншиной).

²⁶ Слова из популярной песни «То не ветер ветку клонит...» (муз. А. Варламова, слова С. Стромиллова).

5

И. П. Борисов — А. А. Фету

25 июля 1857 г. Из Фатьянова в Москву

25 июля 57. Фатья<но>во.

Прощай еще раз, моя холостая, неженатая братка, авось еще разик успею тебе на дорогу крикнуть «с Богом!», ну трогай, чугушка, покачивай. Кланяюсь тебе *до зема*, милая разумница, за твое последнее письмо,¹ где пишешь, что Н<адежда> А<фанасьевна> не едет, — и сами родители так согласны, и у меня сердце спокойнее. Ты, французский король, не знаешь сестры твоей и не воображаешь, как для нее было бы тяжело очнуться от сна ее в Германии — свежий рассудок должен был выдержать сильный удар воспоминания.² Но Господь все, все и все делает недаром, даже и моя проклятая лихорадка, спасибо ей, все-таки развлекает, а то едва ли голова не свернулась бы от всего. Напрасно ты не послушалась влечения ко мне на минуту, спокойней бы для тебя прошло время ожидания и, может, не ездил бы совсем за границу, а послушайся-ка лучше Марию Петров<ну> и жди ее. А меня-то бы просто осчастли<вил>, дома мы питались бы какими вареньями, да побалтывали о том и сем, а тут возле есть и тетереви в смородинском лесу.³ Сегодня я нарочно проезжал к леснику справляться. «Старых, — говорит, — и теперь спугиваю, а молодых, по правде сказать, не видал. Лисицы вижу — должен быть выводок». Вот какие сведения собрал. Только как же я устал, Фетушка, пишу по совиному полету, разбирай, как знаешь. — Всякий день жду, что Петр Петрович придет с Ванею,⁴ который теперь должен уже быть в Рязани. Авось свидание с ними меня оживит. Я не знаю, друг мой, что со мною делается, словами не выскажу — не тело, но душа избилась и истрепалась, а чем ее вылечишь. Бодись и крепись, у тебя доходит дело до развязки, и, Бог поможет, будешь счастлив. От Васи я хоть бы строчку. Не пишет. Тоже ничего не знаю и о Петруше. Алекс<андр> Ник<итич> обещал ко мне 26, т<о> е<сть> завтра. Вот и все об наших краях. Дожди мешают уборке. Третьего дни ко мне ехала вся компания бабья обедать, да около Ильковой⁵ *обмочились*, как объявил посланный, — дождем и вернулись, так не удались и мои замыслы подпоить их какую-нибудь малиновкою.

Я избегаю даже и с тобою говорить об Н. — будем говорить тогда, когда это обоим нам будет полегче. Храни ее, Господи. Крепко, крепко

обнимаю тебя, моя добрая братка милая. Не забывай никогда прежнюю мою любовь и как мы с тобой, моя любезная, погуливали.⁶

Христос с тобою и со мною

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 3–4 об.

¹ Это письмо неизвестно.

² Во время пребывания за границей в 1856 г. Н. А. Шеншина серьезно увлеклась неким Эрбелем (вероятно, это вымышленное имя) и считала себя помолвленной с ним. Свадьба должна была быть в Париже, но Эрбель не сдержал слова. Это разочарование тяжело сказалось на сестре Фета, послужив толчком к пробуждению душевной болезни (см.: *МВ*. Ч. 1. С. 143–147, 165–166).

³ См. письмо 4, примеч. 24.

⁴ *Новосильцов Петр Петрович* (1797–1869) — действительный статский советник, помещик села Воин Мценского уезда; в 1838–1851 гг. московский вице-губернатор, в 1851–1858 гг. рязанский губернатор. Близкий Борисову человек. Во время службы в Москве в 1842–1844 гг. Борисов проживал в доме Новосильцова, впоследствии Петр Петрович был посаженным отцом на его свадьбе, а затем заочным воспитанником при крещении его сына Петра (*РГ*. С. 206; *МВ*. Ч. 1. С. 221–222, 281). *Иван Петрович Новосильцов* (1827–1890) — единственный сын Петра Петровича.

⁵ *Ильково* — деревня, расположенная в 12 верстах к югу от Мценска (*ОГ*. С. 159. № 3314).

⁶ Перифраз слов народной песни «Вспомни, вспомни, мой любезный, мою прежнюю любовь, / Как мы с тобой, мой любезный, погуливали...». См. также письмо Фета к Борисову 1852 г. (*Письма к Борисову*. С. 112, 113). Ср.: Великорусские народные песни. Т. 5. С. 518–519. Слова той же песни приводятся в рассказе Фета «Кактус».

6

Н. А. Борисова — М. П. и А. А. Фетам

Около 17 января 1858 г. Из Фатьянова в Москву

Милая и добрая сестра Мари. Не знаю, исполнили ль Вы просьбу мою написать мне несколько строк на другой день моего отъезда;¹ завтра посылают в Мценск на почту, привезут ли весточку от Вас! Уже девять часов, как я поселилась в Фатьянове, не скрою, что против воли и желанья, тоска забирается в душу;² я так привыкла к нашей уютной и мирной жизни на Полянке;³ рассудок, занятия и доброе расположение Ивана Петровича изгладят это тяжелое чувство; мне бы не следовало

говорить Вам об нем, не знаю, как оно написалось. Что Вы подделываете, где были это время, здоровы ли? Пишите, пишите обо всем искренне любящей сестре.

Н. Борисова.

Друг мой Афоня! В эту минуту сижу перед известным тебе письменным столиком Ивана Петровича; отрывая глаза от этого листка, встречаюсь лицом к лицу с тобой; портрет поразительно верен оригиналу.⁴ Ты смотришь на меня серьезно, строго-испытующим взглядом; как будто хочешь проверить сокровеннейшие мои мысли и знать, можешь ли ты быть доволен мною...

Сегодня в семь часов утра мы приехали без приключений в Фатьяново; нас по старинному обычаю встретили с хлебом-солью и поздравлениями. Меня водворили с правами полной хозяйки; уже спрашивали приказания, но я еще не собралась с силами, чтобы достойно начать *новое поприще*, и добрый И<ван> П<етрович> спас меня. Послезавтра мы собираемся в Клеменово⁵ с тем, чтобы оттуда ехать в Ивановское взглянуть на Володю;⁶ ты, верно, узнаешь в этих планах мое желание и не ошибаешься; так как дорога меня не утомила, то И<ван> П<етрович>, не отказывая и не отлагая, велел готовить лошадей к субботе.⁷

Не взывайте за краткость послания. В следующий раз, когда все придет в надлежащее состояние, будет иначе. Пока обнимаю вас обоих крепко и прошу не забывать преданную вам сестру и друга.

Н. Борисова.

И<ван> П<етрович> целует ручки Мари и тебе просил поклониться.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20307. Л. 1–2 об.

Впервые опубликовано (с датой: февраль 1858 г.): *Маричева Л. М.* Письма Н. А. Борисовой (Шеншиной) к А. А. Фету и его жене М. П. Фет // *Фетовские чтения* (1990). С. 172.

Датируется на следующих основаниях: письмо было отправлено на другой день после написания и получено Фетами 20 января (*Письма к Борисову*. С. 115), при этом доставка писем из Мценска в Москву (310 верст) занимала около двух дней.

¹ 8 января 1858 г. Н. А. Шеншина вышла замуж за Борисова, венчание произошло в Москве, в Петро-Павловской церкви, что на Калужской улице (*РГИА*. Ф. 1343. Оп. 17. № 5310. Л. 13). Как вспоминает Фет, через неделю после свадьбы Борисов увез жену в свое имение Фатьяново (*МВ*. Ч. 1. С. 225). Первое письмо Фетов к новобрачным датировано 17 января (*Письма к Борисову*. С. 114).

² Н. А. Шеншина не любила Борисова и вышла за него неохотно, под влиянием Фета, сославшегося на рекомендации лечившего ее психиатра Саблера, который утверждал, что лишь замужество устранит угрозу возвращения болезни (*МВ*. Ч. 1. С. 220–222). Впоследствии она оценила преданность мужа и привязалась к нему.

³ До замужества Н. А. Шеншина жила у Фетов, снимавших в Москве квартиру в доме Елизаветы Николаевны Сердобинской на Малой Полянке.

⁴ См. примеч. 12 к письму 4.

⁵ См. письмо 1, примеч. 1 и 5. Клейменово находилось примерно на середине пути из Новоселок в Ивановское.

⁶ Речь идет о племяннике и крестнике Н. А. Борисовой — *Владимире Александровиче Шенишине* (р. 1855), сыне ее сестры Л. А. Шеншиной.

⁷ Если Борисовы прибыли в Фатьяново 17 января, т. е. в пятницу, то их отъезд в Клейменово, намеченный на «послезавтра», должен был произойти не в субботу, а в воскресенье. Возможно, Борисова ошиблась в дне недели.

7

Н. А. Борисова — М. П. Фет

7 февраля 1858 г. Из Фатьянова в Москву

7 февраля.

С повинной головой читала я милое письмо Ваше,¹ добрая, дорогая Мари; оно перенесло меня вновь к Вам; я выслушивала Ваши упреки и, не имея оправданий, могу только сказать, что вперед буду благоразумна. Неосторожностей я никаких не делала, и все это произошло оттого, что я не умела понять, до какой степени двое суток, проведенных в дороге, развили во мне склонность к простуде. Но это в сторону; я вывернулась из-под тяжелой лапы Эскулапа, бросила все порошки и мази. Как здоровье Анны Петровной?² Бедная Надежда Кондр<атьевна>³ опять хворает — многие вздыхали, я думаю, о неудавшемся танцевальном вечере,⁴ особенно те, которые в первый раз могли выказать искусство в лангире; Вы не принадлежите к страстным охотницам до танцев, и для Вас это не было тяжким лишением. Впечатление, произведенное Мазуриной на Дмитрия Петровича,⁵ меня порадовало; трудно решать, что может нужно для счастья другого — мне казалось, что <Ваш> брат скорей многих уживется с семейными неудобствами и не будет тяготиться ими, а такому человеку женитьба ведет за собою счастье. Ему нужно выздороветь, до вашего отъезда отпраздновать Гименей и навестить вас летом. У вас веселие, пост и молитва идут об руку и прекрасно; суровый мистицизм не украшает жизнь; мне здесь рассказыва-

ли, что один господин до того уносится в мир духовный, что, приступая к какому-нибудь житейскому делу, предваритель<но> творит молитву, так он не выпьет чашки чаю, не перекрестив ее; и все-таки он вполне несчастлив. На Маросейке⁶ вспомните обо мне и передайте, пожалуйста, всем Вашим мой усердный поклон. Что, каково идут концерты Толстого?⁷ Были Вы у них? Что у него за фантазия ехать на чужую сторону, он, кажется, недавно вернулся оттуда. Верно, к Вашему брату⁸ и Тургеневу⁹.

С тех пор как Алена Як<овлевна>¹⁰ находится под мечом Дамокла, все предубеждения Ваши превратились в заботливость; узнаю в этом Ваше доброе сердце, благодарю за то, что Вы защищаете ее от нападения^а мужа и услаждаете ее жизнь чаями и сахаром. Ив<ан> Петр<ович> хотел деньги на все эти издержки <выслать> вместе с теми, которые он должен Петру Петр<овичу>.¹¹ Может, весной наша больная соберется в деревню — впрочем, в хорошей больнице не нужно терять места, представляю ее решению. Поклонитесь ей, пожалуйста, от меня. Григорьева¹² удовлетворила давнишнее желание участвовать в ваших семейных вечерах; неловкость ее доходит до крайних пределов и бесцеремонность с вами напоминает первобытную простоту нравов. Если она вздумает учащать свои визиты, то это сделается невыносимым.

Получаете ли Вы письма от Любиньки?¹³ Как мне иногда хотелось бы послушать Екатерину Серг<еевну>.¹⁴ Вы скоро услышите Жени Линд¹⁵ и других; напишите, как и что. Прощайте, друг мой, ожидаю известий от Вас всегда с равным нетерпением.

Преданная Вам сестра

Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20307. Л. 3–4 об.

¹ Это письмо неизвестно; Фет писал Борисовой 4 февраля 1858 г. (*Письма к Борисову*. С. 118–119), очевидно, тогда же к ней писала и Марья Петровна.

² *Пикулина Анна Петровна*, урожд. Боткина (1833–1900) — сестра М. П. Фет, была замужем за доктором медицины Павлом Лукичом Пикулиным (см. о нем: *МВ*. Ч. 1. С. 219, 220).

³ *Боткина Надежда Кондратьевна*, урожд. Шапошникова (1830–1908) — жена Петра Петровича Боткина (см. примеч. 11 к наст. письму).

⁴ 12 февраля М. П. Фет писала В. П. Боткину: «Масленицу я провела очень тихо, устраивала на Маросейке вечер, но он не состоялся. Надежда Конд<ратьевна> захворала <...>» (*Переписка с Боткиным*. С. 258).

^а *Далее было: ее*

⁵ *Боткин Дмитрий Петрович* (1829–1889) — пятый по старшинству из братьев М. П. Фет (всего у нее было девять братьев и четыре сестры), совладелец семейной чаеоторговой фирмы «Петра Боткина сыновья», в которой наряду с братом Петром играл ведущую роль; впоследствии обрел известность в качестве крупного коллекционера произведений живописи. Был шафером Надежды Шеншиной на ее свадьбе с Борисовым (*МВ. Ч. 1. С. 222*). *Мазурина Софья Сергеевна* (1840–1889) — внучка А. А. Мазурина, в 1828–1831 гг. московского городского головы, и дочь владельца Реутовской мануфактуры Сергея Алексеевича Мазурина (1802–1850), жена того на Елизавете Владимировне Третьяковой. После смерти родителей находилась на попечении бабушки Ульяны Алексеевны Третьяковой (1790–ок. 1863). Д. П. Боткин долго присматривался к Софье Сергеевне, прежде чем решился на женитьбу. «Ей было тогда около 17 лет, и дело об ее браке с Дмитрием Петровичем Боткиным было уже в ходу, но почему-то задерживалось. Она не обладала красотой черт в лице, зато при светлых волосах пленяла роскошным цветом лица. Прелестью ее была несказанная доброта» (*Харузина В. Н. Прошлое. М., 1999. С. 167–168*).

⁶ Имеется в виду семейное гнездо Боткиных: двухэтажный особняк в Петрове-ригском переулке (близ Маросейки), в 1832 г. приобретенный основателем рода Петром Кононовичем. В конце 1850-х гг. в этом доме проживали Петр Петрович Боткин с семьей, его холостые братья Василий, Николай, Иван, Дмитрий и Владимир, а также две родственницы Боткиных. В 1863 г. дом перешел в единоличное владение Петра Петровича, а впоследствии был отдан в приданое его дочери Вере (в замуж. Гучковой).

⁷ Фет и Л. Н. Толстой познакомились в 1856 г. в Петербурге, но тогда, в силу обстоятельств, их общение свелось к нескольким встречам в конце января — начале февраля и в мае. В октябре 1857 г. общение Фета с Толстым, поселившимся в Москве вместе с сестрой Марией Николаевной, возобновилось. Тогда же с Толстым познакомились жена Фета, его сестра Надежда и Борисов. «Мы все скоро сблизились», — отмечает Фет в своих мемуарах (*МВ. Ч. 1. С. 214*). Под концертами Толстого Борисова, возможно, подразумевает его планы основания в Москве добровольного музыкального общества (осуществленные впоследствии братьями Рубинштейнами) (см. об этом: *Родионов Н. Москва в жизни и творчестве Л. Н. Толстого. М., 1948. С. 24–25*).

⁸ Имеется в виду *Василий Петрович Боткин* (1811–1869) — совладелец семейной чаеоторговой фирмы, старший из детей Петра Кононовича, оказавший большое влияние на воспитание своих братьев и сестер. Автор ряда очерков и критических статей; с молодых лет находился в центре русской литературной жизни, в числе его друзей и близких знакомых были Белинский, Герцен, Грановский, Некрасов, Тургенев, Толстой, Фет и многие другие. С апреля 1857 г. путешествовал по Западной Европе.

⁹ В октябре 1857 г. И. С. Тургенев вместе с В. П. Боткиным прибыл в Рим, где находился до марта 1858 г. Толстой отправился за границу позднее, в 1860 г.

¹⁰ *Алена Яковлевна* — бедная дворянка, жившая при Н. А. Шеншиной. После отъезда Надежды в Фатьяново осталась в Москве, Фет по просьбе сестры выплачивал ей жалованье. Упоминается в письмах Фетов 1858 г.

¹¹ *Боткин Петр Петрович* (1831–1907) — шестой из братьев М. П. Фет, совладелец семейной чаеоторговой фирмы, которую возглавил после смерти брата Дмитрия.

¹² *Григорьева Лидия Федоровна*, урожд. Корш (р. 1826) — жена поэта и литературного критика А. А. Григорьева. К этому времени ее брак фактически распался, муж обвинял ее в пьянстве и разврате и даже не признавал своими родившихся детей.

¹³ Л. А. Шеншина в это время была в Париже.

¹⁴ Пианистка *Протопопова Екатерина Сергеевна* (1832–1887) принимала участие в музыкальных вечерах, регулярно бывавших у Фетов (*МВ*. Ч. 1. С. 216). В 1863 г. вышла замуж за композитора А. П. Бородину.

¹⁵ *Дженни Линд* (Lind; 1820–1887) — знаменитая шведская оперная певица (сопрано). На самом деле Феты вскоре (10 февраля) посетили концерт другой знаменитости, Анджолины Бозио (см. об этом письмо 8 и примеч. 9 к нему).

8

Н. А. Борисова — М. П. и А. А. Фетам

15 февраля 1858 г. Из Новоселок в Москву

Любезный друг Афоня. Сегодня утром привезли твое письмо,¹ ты видишь, что я не медлю ответом; об здоровье своем ни словечка, из чего я заключаю, что оно недурно, и Мари, надеюсь, в эту же минуту уже поправилась, и на этот счет я покойна.

Мы уже неделю живем в Новоселках,² устроились довольно уютно и удобно — вечером усаживаемся к камину, которого я так давно желала, читаем «Переселенцы»³ «Русского вестника» и ждем весны. Иногда в хороший день я засматриваюсь на окрестности Новоселок — они так прелестны уже в эту пору, что не сомневаюсь более, понравится ли этот уголок Мари; ты прав, говоря, что трудно найти у нас в России лучшей местности, по крайней мере, я не променяла б ее ни на какую из виденных мною. Мы не ждем вас и не думаем, чтоб вы приехали прежде Фоминой недели,⁴ но тогда, если ничего не задержит, торопитесь в деревню, потому что лето не вознаградит потерянной весны. На днях Владимир Алекс<андрович>⁵ просидел с нами до полночи; он весь предан современному вопросу, ревностно занимается делами, пишет проекты, сзывает дворян и составляет парламенты; все им довольны, и, если это ему понравится, он может долго предводительствовать. Васенька вчера был у нас и по обыкновению в хандре, обещал приехать во вторник, я вспоминала об тебе, как ты боишься, чтоб он от усердия камнем в лоб не попал; в нем эта способность сильно развита, и я стараюсь не выпускать этого из вида. Добрая Любинька сокрушается, что я к свадьбе не наготовила пуховиков и шалей — не суди ее строго; заботливость и же-

ланье наделить всеми благами мира сего проистекают из самых чистых чувств дружбы; я с благодарностью принимаю их, не следуя тому, что необдуманно и неблагоразумно. Напиши, пожалуйста, возьмет ли г-н Вогау⁶ (кажется) на себя труд переслать деньги в Париж. Александр⁷ послезавтра к нам будет, я передам ему просьбу супруги доставить через комиссионера дома Боткиных нужные ей капиталы. Марфа Семеновна, няня, просит передать тебе поклон и сказать, что она явится баловать тебя, чесать голову и сказывать сказки; эта почтенная старушка приходила несколько раз ко мне — она сохранила память и рассудок — право, удивительно в 90 лет. Прощай, до будущего письма, будь здоров — обнимаю тебя от души.

Сестра твоя

Н. Борисова.

15 февраля 1858.

Ты прекрасно придумал выручить Башмачнина <?>. Перед вашим отъездом я пришлю тебе его брата, которого нужно будет ему препроводить. 22-го числа⁸ мы спечем кулебяку, раскупорим и осушим бутылку Клико за твоё здравие.

Вы, верно, пьете Тримиров чай эту неделю, вот почему я не горюю насчет того, что брат пишет о вашем здоровье, друг мой Мари; это весьма скучное время, но по прошествии его все пойдет опять хорошо. Бозио⁹ накликала на себя проклятия Афони. Когда-то будут железные дороги у нас, по которым в несколько часов перелетишь в Москву, послушаешь итальянцев, Mortier de Fontaine¹⁰ и назад. Предупреждаю, что вы найдете в деревне все в совершенной ветхости — я сама удивилась, как все постарело здесь. Дом, мебель приходят в изнеможение; мне жаль, друг мой, что вокруг вас не будет светло и хорошо, как бы я этого желала; я знаю, что вы невзыскательны и всюду совсем у места <быть> умеете, но я бы хотела уменьшить неприятное впечатление, которое разрушение навевает на душу. Будущий год все надо будет обновить, починить, поправить, а теперь нечего делать, нужно закрыть глаза на эти недостатки. Прощайте, друг мой, целую вас крепко.

Сестра ваша Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 1–2 об.

¹ Н. А. Борисова отвечает на письмо Фетов от 12 февраля 1858 г. (*Письма к Борисову*. С. 119–120).

² Новоселки — см. письмо 4, примеч. 18.

³ Речь, вероятно, идет о романе Д. В. Григоровича «Переселенцы», который, однако, был напечатан не в «Русском вестнике», а в «Отечественных записках» (1855. № 11–12; 1856. № 4–8).

⁴ *Фомина неделя* — первая неделя после Пасхальной. В 1858 г. понедельник Фоминой недели пришелся на 31 марта.

⁵ *Шеншин Владимир Александрович* (1814–1873) — отставной поручик, помещик села Волково (см. письмо 15, примеч. 6); в 1850–1868 гг. предводитель дворянства Мценского уезда.

⁶ *Wogau Максим* (Филипп Макс) *Максимович* (Wogau; 1807–1880) — основатель одной из крупнейших торгово-промышленных и финансовых фирм в России.

⁷ Александр Никитич Шеншин, муж Л. А. Шеншиной (см. примеч. 1 к письму 1).

⁸ 22 февраля Фет отмечал свои именины.

⁹ *Бозио Анджолина* (Bosio; 1824–1859) — знаменитая итальянская оперная певица (сопрано), в 1856–1859 гг. выступала в Петербурге и Москве. 10 февраля 1858 г. Фет сбежал с концерта итальянских артистов с участием Бозио, о чем рассказал Борисовым в письме от 12 февраля (*Письма к Борисову*. С. 119). Этот эпизод отражен также в мемуарах Фета (*МВ*. Ч. 1. С. 285–286).

¹⁰ *Мортье-де-Фонтен Генрих-Луи-Станислав* (1816–1883) — известный пианист. В 1853–1860 гг. давал концерты в Москве и в Петербурге, впоследствии жил за границей.

9

Н. А. Борисова — А. А. Фету

20 февраля 1858. Из Новоселок в Москву

20 февраля.

Друг мой Афоня. Пишу тебе наскоро несколько слов, чтоб объяснить историю с каретой.¹ Мужички от излишнего усердия сами вздумали вывозить ее из Москвы, им никто слова не говорил, и, признаюсь, я совсем не благодарна им за хлопоты и беспокойство, которые они тебе наделали. У нас гостит Наталья Никитична,² просит поклониться вам. Шепелевой³ я еще не видала, но она обещает быть на днях, у нее развелось трое детей, с которыми ей жаль расставаться, да и притом она больна. На Фоминой в среду или четверг⁴ буду во Мценске ждать вас, ради Бога, приезжайте. К этому времени «Антоний и Клеопатра» будут кончены; ты молодец, из писем видно, что ты неутомимо работаешь за^а

^а Так в подлиннике.

Н. А. Борисова (Шеншина)
Фотография. Москва, конец 1850-х гг.

ним, куда ты его определишь?⁵ Если возможно, пришли тогда с подводой «Библиотеку для чтения»;⁶ в целости и сохранности доставим осенью в Москву, даже не дадим тебе труд самому довозить ее. Прощай, друг мой, иду к Натали, обнимаю вас от души, скоро буду к вам писать.

Преданная сестра
Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 3–3 об.

¹ 12 февраля Фет писал Борисову: «Тут есть мужики из Новоселок и хотят везти карету. Что за чепуха? Отчего ты мне ничего не пишешь? Мы условились карету сами привезть, т. е. в ней приехать на Фоминой <...>» (*Письма к Борисову*. С. 119).

² *Шеншина Наталья Никитична* — сестра зятя Фета А. Н. Шеншина.

³ *Шепелев Яков Никитич* в 1820-е гг. был помещиком деревни Прилепы (15 верст от Мценска), его жена *Аграфена Александровна* фигурирует в документах Департамента герольдии в качестве крестной матери одного из сыновей помещиков Каврайских, близких знакомых и соседей Шеншиных (*РГИА*). Кроме того, в письме Фета к Борисову от 28–30 сентября 1850 г. упоминается некая «m-те Шепелева», взятая в компаньонки к его сестре Надежде (*Письма к Борисову*. С. 104). Видимо, именно эта последняя Шепелева и подразумевается в данном случае,

какое отношение она имеет к помещикам деревни Прилепы, неизвестно. В одном из предыдущих писем Фет спрашивал: «Отыскала ли ты свою Шепелеву?» (Там же. С. 115).

⁴ Т. е. 2 или 3 апреля. 19 февраля Фет писал Борисовой: «...мы с женой выезжаем во вторник на Фоминой и в четверг утром будем пить чай и кофей в Новоселках» (Там же. С. 120).

⁵ Работу над переводом пьесы Шекспира «Антоний и Клеопатра» Фет начал еще до отъезда сестры из Москвы, в октябре 1857 г. Отвечая на вопрос Борисовой, он писал: «„Антоний“ вчера кончен, принимаюсь за „Юлия Цезаря“ Шекспира, а где будет „Антоний“, не знаю» (*Письма к Борисову*. С. 122; письмо от 23 или 24 февраля 1858 г.)

⁶ «Библиотека для чтения» — ежемесячный журнал «словесности, наук, художеств, новостей и мод», выходивший в Петербурге в 1834–1865 гг. В 1856–1860 гг. редактором журнала был А. В. Дружинин. В письме от 27 января Фет рекомендовал Борисову прочесть жене опубликованную в январском и февральском номерах «Библиотеки» повесть немецкого писателя Б. Ауэрбаха «Босоножка» (*Письма к Борисову*. С. 118). Видимо, Борисовы не смогли достать в деревне этот журнал. В одном из следующих писем Фет писал: «„Библиотеку“ привезу и „Босоножку“ прочтем вслух. Нарочно не читаю Мари» (Там же. С. 122).

10

Н. А. Борисова — М. П. и А. А. Фетам

24 февраля 1858 г. Из Новоселок в Москву

24 февраля 1858.

Неужели ты еще можешь упрекать меня за неаккуратность в переписке с тобой, друг мой Афоня, каждую неделю непременно отправляю послания и все-таки не изглаживаю из твоей памяти непродолжительное время болезни, в которое не могла писать. Знаешь пословицу французов: «point de nouvelles — bonnes nouvelles»^a — мне приходилось за границей часто утешать себя ею, когда по пяти месяцев из дому не получала ни одной весточки; теперь же, сознаюсь, в свою очередь подумала бы Бог знает <что>, если б в субботу или в воскресенье не принесли от вас письма.¹ Сердце наше привыкло чутя недоброе, и ты с Мари ожидаете какого-нибудь препятствия в исполнении весенних планов, зачем же? Никто не снимет вашего следа (тебе известно русское поверие — порча), стало быть, благополучно доедете к нам, и нуж-

^a «отсутствие новостей — лучшая новость» (франц.).

но ли повторять, какое удовольствие с собой привезете нам, пустынным, — не обманываю себя настолько, чтоб думать, чтоб оно было ободно. Веселий в деревне мало, чтоб не сказать нет; только в большом, многочисленном обществе людей составляются разного рода развлечения, занимающие свободное время, только люди, вместе живущие, думают пользоваться всем и не теряют минуты, подстрекаемые друг другом. — В деревне это иначе, образ жизни не способствует к сближению, зато покой вознаграждает неполноту жизни, и если лишен средств частых столкновений с другими, то глубже и лучше сознаешь самого себя и живешь более внутреннею жизнью. Если внутренний мирок мал, круг тесен — скучнее, если ж, наоборот, источники не сухи, мне кажется, тогда и в Соловецком монастыре^б будет^в терпимо. Ведь Робинзон жил на необитаемом острове и не скучал, делая себе зонтики и выдалбливая лодки.

Люди отправятся отсюда, как ты назначил, а мы в четверг на Фоминой будем на почтовом дворе и вместе проедем реку и все *опасные* места.² Надеюсь, что Мари не будет бояться. Когда-то, когда настанет блаженный день въезда вашего в Новоселки! До свидания, будь здоров. Сестра и друг твой Н. Борисова.

Целую вас обоих много раз. Николай Петрович³ надолго приехал в Москву? Что он говорил о Любиньке? Я уже слышала от Александра, что благодаря его любезности сестра совершенно довольна проведенным с ним Новым годом.⁴ Кажется, Париж ей очень понравился, она весной опять туда едет. Не нужны ли комиссии в Париже, друг мой Мари, торопитесь отправкой. Съезжаются ли у вас по средам как прежде?⁵ Всем Вашим от меня, пожалуйста, усердный поклон. Почтенному Саблеру⁶ мою искреннюю преданность. Каково здоровье Елены Яковлевной?⁷

Я не сомневаюсь ни на минуту, что гулянья, купанья, деревенский воздух восстановят Ваши силы, милая и добрая Мари. Дай Бог только, чтоб Вы с нами не скучали; я бы желала передать Вам частичку той радости, которую я чувствую при мысли прожить вместе до глубокой осени.

Друг мой Афоня, когда увидишь д<октор>а Саблера, спроси у него, пожалуйста, что могут значить звон и шум, но без боли, которые я иногда чувствую и слышу в голове; после болезни я более, нежели когда-

^б Далее было: не

^в Далее было: дурно

либо, слежу за собой, и неясные движения в мозгу, которые я раза два заметила, заставляют меня опасаться. Может, это ничего дурного не обещает, но решит один доктор.

Рукой И. П. Борисова:

Друг мой, не сердись, что нет письма, а только приписка, выберу минутку посвободней и навалю, а теперь везу это в Амченск.⁸ Марье Петровне ручки расцелуй и обними себя. На Святой явятся от нас подъемные.⁹ Что за галиматью нагородили новосельские мужики насчет кареты.¹⁰ Уверен, что ты не положишься на слово без грамоты. Целую тебя еще, еще, И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 5–6 об.

¹ Н. А. Борисова отвечает на письмо Фета от 19 февраля 1858 г. (*Письма к Борисову*. С. 120–121).

² От Москвы к Мценску вела шоссейная дорога, на которой были почтовые станции. Дальнейший путь, несмотря на то, что расстояние от Мценска до Новоселок составляло всего семь верст, весной был сопряжен с трудностями и даже опасностями, так как следовало по тающему льду переправиться через Зушу (приток Оки) и речку Ядринку (см.: *МВ*. Ч. 1. С. 291–295). Летом берега Зуши связывал паром, Ядринку, когда уровень воды падал, можно было пересечь по мосту.

³ *Боткин Николай Петрович* (1813–1869) — второй по старшинству из братьев М. П. Фет, совладелец фирмы «Петра Боткина сыновья». С молодости много путешествовал, имел постоянную квартиру в Париже. Там же, в Париже, присутствовал на венчании сестры Марии с Фетом, которому оказал помощь в подготовке к свадьбе (*МВ*. Ч. 1. С. 202–203).

⁴ В письме от 19 февраля 1858 г. Фет сообщает о приезде Н. П. Боткина в Москву: «Как бы ты думала, с кем он встречал Новый русский год в Париже? С Любинькой — она его сыскала у обедни, и он ее возил обедать и вечером на бал» (*Письма к Борисову*. С. 120).

⁵ В начале своей семейной жизни Феты устраивали приемные дни по средам, а потом перенесли их на четверг.

⁶ *Саблер Василий Федорович* (1797–1877) — доктор медицины, главный врач московской Преображенской психиатрической больницы. В 1857 г. Саблер руководил лечением Надежды Шеншиной (*МВ*. Ч. 1. С. 187).

⁷ О Елене (Алене) Яковлевне см. письмо 7, примеч. 10.

⁸ *Амченск* — простонародное название Мценска.

⁹ Имеются в виду подводы для перевозки вещей.

¹⁰ См. письмо 9 и примеч. 1 к нему.

11

Н. А. Борисова — М. П. и А. А. Фетам

24 марта 1858 г. Из Новоселок в Москву

Ты видишь, друг мой Афоня, что боги в гневе на нас слабых смертных перемешали времена года и стихии, посылают снега после того, как мы пекли и ели пшеничных жаворонков¹ и слышали пение живых из мяса и костей и пр<очего> в полях за оранжереями. Ведь это несносные капризы нашей северной весны. Она этот год не заслуживает твоих стихов. Как хорошо ты обдумал твой itinéraire,^a начал бы водолечение, глаза были <бы> светлы и здоровы, и от всех тяжелых недугов избавился б.² Салат и редис поспевают, вальдшнепы должны б скоро *потянуть*.³ — Что же делать? Зима все испортила. Ив<ан> Петр<ович> кланяется, у Marie ручки целует. До свидания, надеюсь — скорого. Будь здоров.

Твоя Н. Борисова.

24 марта 1858.

Каково было мое удивление и горе, друг мой Мари, когда, проснувшись вчера утром, увидела белый саван на земле, деревьях и крышах — неужели откладывать приезд к нам и в четверг вас еще не будет в Новоселках,⁴ вот вопросы, которыми я преследую Ив<ана> Петр<овича>. Говорят, что нет в настоящую минуту никакой возможности переехать на ваш берег Оки⁵ — мы несколько дней не посылали за письмами в Мценск — на страстной неделе в четверг получили следующий ответ: несколько дилижансов еще не приезжало и неизвестно, когда можно будет почте переправиться. Почту не перевозят, что будет с Палочкиным,⁶ если подобного рода беда застигнет его; сегодня посланный от Васиньки был на почте, куда только что приехал транспорт от 18-го числа, но подробностей⁶ его путешествия неизвестны. Завтра надеюсь узнать что-нибудь положительного, и если возможно, то сейчас же отправятся подводы в Москву.

Вчера весь день мы говорили об вас, мысленно поздравляла с Светлым праздником,⁷ желая вам всякого счастья.

^a маршрут (франц.).

⁶ Так в подлиннике.

Здоровы ли Вы, милая Marie, напишите хоть строчку любящей вас сестре

Н. Борисовой.

24 марта 1858.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 7–8 об.

¹ «*Жаворонками*» назывались булочки в виде птичек, их пекли в день 40 мучеников Севастийских, 9 марта, что символизировало приход весны.

² В декабре 1857 г. Фет перенес желтуху, а затем долго не мог оправиться. П. Л. Пикулин нашел, что у него «легкие засорены и печень не в порядке», и настоятельно советовал весной заняться своим здоровьем (*Переписка с Боткиным*. С. 244). В феврале 1858 г. М. П. Фет писала В. П. Боткину о муже: «Здоровье его хотя и лучше, но все еще плохо, летучий ревматизм его сильно беспокоит, ужасно устает скоро; <...> и как похудел теперь <...>» (Там же. С. 258)

³ *Тягой* называется своеобразный ток вальдшнепов, когда вскоре после весеннего прилета они начинают рано утром и по вечерам («на зорях») летать («тянуть») над лесом, издавая при этом характерные звуки — свою брачную песню. Яркое описание вечерней тяги дал в «Записках охотника» И. С. Тургенев: «За четверть часа до захождения солнца, весной, вы входите в рощу, с ружьем, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки, оглядываетесь <...> Вы ждете. <...> В лесу всё темней да темней. Деревья сливаются в большие чернеющие массы; на синем небе робко выступают первые звездочки. Все птицы спят. Горихвостки, маленькие дятлы одни еще сонливо посвистывают... Вот и они умолкли. Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей щелкнул в первый раз. Сердце ваше томится ожиданьем, и вдруг — но одни охотники поймут меня, — вдруг в глубокой тишине раздается особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл, — и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу. Вот что значит „стоять на тяге“» (*Тургенев. Сочинения*. Т. 3. С. 19).

⁴ Феты выехали из Москвы вместе с Л. Н. Толстым 9 апреля, остановились на ночлег в Ясной Поляне и на следующий день прибыли в Новоселки.

⁵ Переправиться через Оку, пересекавшую путь из Москвы в Мценск у Серпухова, можно было зимой по льду, а летом на барке. Во время ледохода переправы не было (*МВ*. Ч. 1. С. 186–187).

⁶ *Палочкин Иван* — крепостной кучер Борисовых.

⁷ С воскресенья 23 марта 1858 г. началась пасхальная неделя.

12

**Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам
и П. А. Шеншину**

3 октября 1858 г. Из Новоселок в Москву

Рукой И. П. Борисова:

3 окт<ября> 58. Новоселки.

Милые друзья Марья Петровна, Афоня и Петруша,¹ всех вас трех обнимаем и крепко целуем — мысленно преследова<ли> и угадывали, где вы были в тот и в другой час, и когда добрались до Сердобинской,² и что нашли в Москве, ну, одним словом, поминутно были с вами, а теперь посылаем на почту, чтобы верно знать о вас. Надя только до вечера в воскресенье была здорова, а потом и начала сваливаться и большую часть времени оставалась в постельке. Теперь же, слава Богу, кажется, чувствует себя получше. — Во вторник вернулся из Кочетов Лев Николаевич.³ Охота там была неудачна, гончие скверно гоняли, волков нашли, но никто не травил, только одного молодого застрелили. Но все-таки Кочеты и разные чуда восхитили Толстого, и он очень доволен этою поездкою. У нас он познакомился с Симоном,⁴ который на *собственной коняке* нежданно навестил нас во вторник и почти уже вылечил меня, немного еще остается прежней боли, немного оглох, но жить можно. В среду я с Толстым полями к Ивану Сергеевичу,⁵ который к нам выехал навстречу. У него мы так напитались разными рыбами, раками, птицами, говядинами, теляти<нами>, арбузами и прочими, что оставалось только ложиться поскорей спать, и укладывание происходило в самых скоромных разговорах. Так что Иван С<ергеевич> во сне тотчас же встретился с Магометом и дал слово пророку обратиться на его путь. Толстой утром уехал в Ясную Поляну, куда к нему обещал заехать Сухотин С. М.,⁶ а мы поехали с собаками в Новоселки. Но было очень холодно, и Тургенев возвратился, обещав на днях нас навесить. — Твои записки, Петруша, отослал на другой же день к Васе.⁷ Ну что еще вам сказать — это я не пишу, а так только подаю голос, что мы живы. Шарлотт Карловна⁸ вам кланяется, она ни минуты не оставляет Нади. Дайто Бог, чтоб наша жизнь протекла потихоньку до вашего возвращения, но еще долго ждать. Зима длинная — а какие дни стоят — прелесть. Обнимаю вас еще, друзья мои, до будущего письма.

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Добрые друзья. Как-то вы доехали и каково здоровье Мари. Я с вашего отъезда почти не вставала, и вам всем желаю всего лучшего.

Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 5–6.

¹ П. А. Шеншин зиму 1858/1859 г. провел вместе с Фетами в Москве.

² Феты, вероятно, выехали в Москву 28 сентября (воскресенье), на что указывает недатированное письмо Тургенева, написанное, как следует из данного письма, перед их отъездом, во вторник — 23 сентября ст. ст. 1858 г. (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 344. Зд. письмо датировано приблизительно: концом сентября).

³ Вторник пришелся на 30 сентября. Толстой бывал в Новоселках и до отъезда Фетов (*МВ*. Ч. 1. С. 245). *Кочеты* — родовое имение помещиков Сухотиных (см. примеч. 6 к наст. письму) Тульской губернии Новосильского уезда.

⁴ *Симон Александр Андреевич* (ум. 1863) — провизор Мценской вольной аптеки. Лечил гомеопатическими средствами.

⁵ Борисов познакомился и сблизился с Тургеневым летом 1858 г. Знакомство произошло в конце июня в Новоселках, куда писатель впервые приехал к своему приятелю Фету (*МВ*. Ч. 1. С. 251), общение продолжалось до отъезда Тургенева из Спаского.

⁶ *Сухотин Сергей Михайлович* (1818–1886) — второй сын М. Ф. Сухотина (1780–1858), богатого орловского и тульского помещика, владельца нескольких имений, включая Кочеты. Воспитанник школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров; в 1837–1851 гг. был офицером Преображенского полка, затем служил в Московской дворцовой конторе, где в 1874–1884 гг. занимал пост вице-президента. Был особенно дружен с Борисовым.

⁷ Имеется в виду В. А. Шеншин.

⁸ *Нибергаль Шарлотта*, урожд. Беккер — двоюродная сестра Фета по матери. В 1858–1859 гг. гостила в России.

13

И. П. Борисов — А. А. Фету

9 октября 1858 г. Из Новоселок в Москву

9 окт<ября> 58. Новоселки.

Нет, Афоня, решительно ты и из меня сделаешь Надиньку и заставишь принимать такие меры осторожности против тебя и Марьи Петровной, каких ты и не запомнишь в войну с англами. Друг мой, всему есть мера. Досадно видеть человека, когда он начинает «раздираша ри-

за и одежда», и досадно не на одну Надю, а на всех — по очереди. То Петруша,¹ то ты, то Марья Петровна — право, голубчик, это нехорошо. Я всеми силами, растопыривая ногами, упираюсь против всякой роскоши, а вы ее разводите. Дай Бог уладить удобство, а тут мрамор на камине — это не по Сеньке шапка. И я понимаю, с какими чувствами вы об нас печетесь, и коленопреклоненно целую вас в сердечко ваше общее, но молю вас, остановитесь. Палочкин с неимоверною быстротою, т<о> е<сть> на 5-й день, был уже в Новоселках и все довез в исправности.² В глазах его я прочел столько гордости в своих успехах, словом, все экспедиции произошел и молодцом вернулся на родину. Я устроил ему триумф, какой только мог, тут и м<онаршее> благоволение и пр<очее>, пр<очее>. Прибыл он под вечер, и началась обыкновенная горячка. Сердца дамские забили тревогу: скорей — открывать, смотреть, а тут нужно и чай пить, и не переколотить, и не тронуть чужого, и читать твои хитродумные + и Петрушины снотолкования. Ну уж, вы голубчики, т<о> е<сть> ты и Петруша тоже, что многоглаголевыи Авакум. Читаешь, читаешь, мямлишь, мямлишь, о Господи, а все от беспредельного рвення прославиться немецкою аккуратност<ью>. Но это все бы ничего — а изволь-ка вот я на другой день разослать гонцов в Клеменово, в Ивановское. Ты еще верно не забыл, как меня всякие гонцы приводят в ярость, ну и тут не без того обошлось. Дни теперь маленькие, говорю нашим барыням, если хотите писать, то пишите, чтоб не задерживать. Как бы не так, как начали с 8 ч<асов> вечера, то до 12 час<ов> утра все молотили об ленточках да бантиках. Наконец, налитературили записки, и все исполнено в точности по вашим велениям. Сундуков и не открывали, и ключи запечатали, и *Любиньку* — исполнили все-все-все. Я и не воображал, до какой степени Надя нетерпеливая, и как все приводило ее в восторг — посмотрели б вы на ее глазенки, когда открывалась коробка с рубашечками и чепчиками, что Марья Петровна послала будущему прародителю человечества³ — какие нотки брали и Надя, и Шарлотта Карловна. Сегодня целый день еще прошел в рассматривании и кроениях, и к вечеру обе уходились, в 9 часов ушли спать, едва кончили чай. Только бы не заболели обе, а то два дня, слава Богу, Надя была здоровенькою — может, и Симон⁴ помог — я его привозил, и всем нам задал по 4 №. Как будто и помогает.

Как было мы все встревожились Иваном Сергеевичем, который вам очень, очень кланяется. Он, бедный, чуть было совсем не раскланялся — простудился на охоте, т<о> е<сть> и не на охоте, а поехал было со мной верхом с собаками. День был холодный, ветровой, он прозяб и тотчас же вернулся в Спасское, а я уехал в Новоселки. К вечеру уже он со-

всем свалился, и начиналась горячка,⁵ да, слава Богу, прервали — третьего дня я был у него и нашел уже вне всякой опасности, у него виделся с Майделем,⁶ который тебе очень кланяется. Послезавтра я надеюсь опять его проведать. — Не удалось Ив<ану> Серг<еевичу> и *своих* борзых посмотреть, которых Афанасий⁷ успел-таки купить. Четыре таких суборзка,⁸ что 40 к<опеек>, а не рублей, не стоят. «Уж это, — говорит, — мое такое во всем счастье». — От Некрасова он получил весть, что В. П. Боткин в Питере уже.⁹ — Собирается и Ив<ан> Сергеевич в Орел около 15 окт<ября>. Пробудет там дней 10, потом в Тулу, Москву и в Питер и т<ак> д<алее>, даже в Оренбург на охоту — там, говорят, такие *Поныры*,¹⁰ что по 48 тетеривей нипочем, а кабанов можно пиками колоть.

Ну, довольно, однако ж, и болтать. Пора и нам спать. Всякий день привожу домой по *два* русака. А как ловят!!! Ведьма¹¹ и-и-и, одним словом, жаль мне вас обоих, что не понимаете псовых удовольствий, а то пожили бы мы и пороши в Новоселках. — Эх, милые! Голубята.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 7–8 об.

Ответ на письмо Фета от 6 октября 1858 г. (*Письма к Борису*. С. 125).

¹ Брат Фета — П. А. Шеншин.

² Палочкин выехал из Москвы с вещами для Борисовых, а также для Л. А. Шеншиной и Вл. А. Шеншина 4 октября (*Письма к Борису*. С. 125). О Палочкине см. примеч. 6 к письму 11.

³ Борисовы ждали рождения ребенка (сын Петр появился на свет 14 ноября 1858 г.).

⁴ См. примеч. 4 к письму 12.

⁵ 10 октября 1858 г. Тургенев писал А. В. Дружинину из Спасского: «Я все эти дни был болен — я простудился на охоте и провалялся целую неделю в постели; я еще до нынешнего дня не выхожу» (*Тургенев. Письма*. Т. 3. С. 341).

⁶ Барон *Петр* (Петер Магнус Фридрих) *Астафьевич* (Густавович) *фон Майдель* (1819–1884) — доктор медицины; с 1864 г. занимал ряд важных постов, связанных со здравоохранением Петербурга. Однокашник Фета по школе Крюммера, которую закончил в 1837 г. В 1853–1863 гг. — инспектор медицинского управления в Орле, где имел обширную частную практику. Лечил Аф. Н. Шеншина, а в 1857 г. и его дочь Надежду. Именно по совету Майделя Фет увез сестру в Москву к известному психиатру Саблеру (*МВ*. Ч. 1. С. 68, 185–186).

⁷ *Алифанов Афанасий Тимофеевич* (ум. 1872) — охотник, крепостной одного из соседей Тургенева, к этому времени уже выкупленный им; выведен в «Записках охотника» под именем Ермолая.

⁸ *Суборзок* — видимо, щенок борзой собаки.

⁹ См. письмо Некрасова к Тургеневу, написанное в конце сентября 1858 г. (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1999. Т. 14. Кн. 2. С. 114–115).

¹⁰ *Поньры* — село Фатежского уезда Курской губернии при реках Снове и Поньре.

¹¹ *Ведьма* — собака Борисова, упоминается также в письме его к Тургеневу от 12 октября 1861 г. (*Хмелевская*. С. 351).

14

И. П. Борисов — М. П. Фет

7 февраля 1859 г. Из Новоселок в Москву

7 февр<аля> 59.

Милая, добрейшая Марья Петровна.

Вчера получил Ваше письмо и мысленно расцеловал Ваши ручки за родные, дружеские Ваши строки. Наделал я Вам и хлопот, и беспокойств, и тревоги. Дай Бог, чтоб скорей, скорей успокоились — Вы сами хвояленькие, и Вас нужно беречь и не тревожить. Но никак не пришло мне в голову, что письмо мое не застанет Афони¹ и все обрушится на Вас. Слава Богу, здоровье Нади оправилось, она посердилась только на меня, что я напрасно наделал Вам беспокойств, я же уверен, что Вы, голубочка, простите меня за мои невольные тревоги. Благодаря Вам почтенный Василий Федорович² не замедлил подать спасительные советы, но и к ним прибегать, слава Богу, уже не нужно. Мы Вас ждем нетерпеливо. И теплые дни, и солнышко стали чаще заглядывать в серенький домик. Вы пишете, что принимаете рыбий жир. По опыту знаю, какой он противный, но вместе с тем не раз удивлялся могучей силе, с какою он оказывает свою помощь, это должно подать Вам твердость глотать невкусные приемы. Только бы дождь и ветры не нападали слишком на нас летом, а то я уверен, что новосельский воздух и наша тихая мирная жизнь, какую постараемся оградить наш кружок, сделает Вас здоровенькою.

После тревожного моего письма я послал два одно за другим, чтоб успокоить Вас, и теперь повторяю, что все, слава Богу, миновалось. И мы с полным счастьем продолжаем жить, и Петруша,³ умница, выучился *смеяться*, начинает понимать. Выносим его погулять в Надину комнату, где он понемногу знакомится и с плющом, и с фонарем, помните, который по вечерам освещал нашу террасу. — В последнем письме к Афоне я называл Вас ленивкой и не предчувствовал, что почта везет уже опровержение. И я еще более жалею, что заставил Вас покинуть Надю — оставить ее одну быть ленивкой. Утешусь только тогда, когда

увидю Вас, что будете с нею в ненарушимом союзе. К вам примкну и я, вполне довольствуясь только взглядом на парового двигателя Афоню, которого за меня прошу поцеловать, как только явится перед Вами. Паспорта Лотты все нет еще,⁴ да этого и надо было ждать, когда дело это устраивается Вашим Афоней. Надя Вас целует за себя и за Петрушу, я же крепко, крепко целую Ваши ручки, милая Марья Петровна, желаю, чтоб были здоровы и поскорей в нашу сторону.

Искренно Вас любящий брат

И. Борисов.

Петрушу целуем оба, т<о> е<сть> не маленького, а большого, московского.⁵ Пожалуйста, Марья Петровна, за нас передайте неизменный постоянный сердечный поклон всем добрым Вашим родным, а кого из них я особенно уважаю и люблю, Вы знаете,⁶ я Вам говорил.

К Афоне и Петруше не пишу, бо некогда, до будущей почты.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 5. № 77. Л. 1–2 об.

Ответ на письмо М. П. Фет от 3 февраля 1859 г. (РГБ. Ф. 315. К. 5. № 21).

¹ Фет ездил в Петербург, откуда вернулся 5 февраля (*Письма к Борису*. С. 139).

² Имеется в виду В. Ф. Саблер (см. письмо 10, примеч. 6).

³ Сын Борисовых.

⁴ Речь идет о хлопотах, связанных с предстоящим отъездом из России Ш. Нибергаль.

⁵ Речь идет о брате Фета — П. А. Шеншине.

⁶ Имеется в виду Д. П. Боткин.

15

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

6 сентября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

6 сент<ября> 60.

Друг мой Афоня, каково-то ты доехал — до Спасского и Степановки,¹ и как там все у тебя нашлось. Я бы, кажется, и теперь не писал к тебе, еще бы ждал, чтобы хоть что-нибудь сказать тебе хорошее, и только зная тебя, твое беспокойство от неизвестностей, пишу сегодня. Здоровье Нади совсем расклеилось, видно, она простудилась. Головная

боль страшная, зубы, в ушах, словом, те же мучения простуды, от которых я ежегодно умираю. А с доктором не хочет советоваться и лечиться. — Маленький, слава Богу, здоров. Квартира наша оказалась уже слишком теплою. Как вставили рамы, да пригрело солнышко — снизу кухня, да со входа наша затопилась, то к вечеру такая теплота, что только что тебе бы здесь жить, — а форточки боюсь открывать. — Теперь о твоих поручениях. Был я, друг мой, у Казакова в понедельник и услышал о тулупчике ответ, что *маненичка* не готов, я даже и не плюнул и не сказал ни слова, что их до крайности удивило, видно, что не привыкли без ругни, авось, этим усовестятся. Как только выручу, то перешлю по почте. Не мог, друг мой, еще навеститься и на Полянку к Ивану.² Потому что решительно *мне* теперь не до того — в первую свободную минуту все исполню и немедля тебя уведомя. Только бы здесь Господь помог. Ну, толковать больше нечего, проща<й>, друг мой, крепко тебя целую.

Твой брат и друг
И. Борисов.

Здравствуйте, милая Марья Петровна. Целую Ваши ручки, и все как будто не увере<н>, что мы расстались. Не успел еще до сих пор навеситить ни Анны Петров<ной>, ни Катерины Петровной³ и только на минуту забегал на Маросейку, но никого не застал, кроме Надежды Кондратьевны да деток,⁴ и познакомился с женой Сергея Петровича.⁵ Его же самого тоже не застал, и теперь они должны быть уже в П<етер>бурге. Все Ваши живы и здоровы, слава Богу и за это. — Что Ваше-то здоровье? Каково Вы съездили в Спасское, Волково.⁶ Как провели 5-е, то-то, я думаю, был пир.⁷

Целую Вашу ручку и желаю Вам всего-всего лучшего.

Брат Ваш И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Любезный друг Афоня. С самого твоего отъезда я больна; зубы, лицо, шея, голова мучают ужасно. Квартиру отделали *tant bien que mal*,^a взяла фортепиано. Ив<ан> Петр<ович> купил вчера довольно хорошую пролетку у Пирогова,⁸ и теперь поживем здесь, пока презренный металл не иссякнет из кошелька.

Прощай, пиши, сделай милость, об вашем новоселье. Преданная сестра твоя Н. Борисова.

^a кое-как (*франц.*).

Милая и добрая Marie, как могла ты позволить мужу отказываться от Сердобинской и поселяться на зиму в деревню — тебе нужно за это памятник — bravo, это в высшей степени благоразумно. Зато как я жалела, что дела так сложились, одно утешает, что будущее обеспечивается, и ты можешь со временем жить в Москве без малейшего затруднения. Афоня, верно, тебе рассказал, какую мы квартиру наняли. — Муж мой был вчера на Маросейке, а когда выздоровлю, и я непременно съезжу к Надежде Кондратьевной.

Кухня у нас немецкая — я кроме крайне необходимого ничего покупать не буду, а денег вышло уже тьма. Петю я совсем не узнала,⁹ он вырос и совсем изменился, с раннего утра в его комнате подымается крик и маленькие капризы. Девушка, которую я на волю отпустила, была у меня и объявила, что теперь рукава носят опять длинные, узкие <?>, на пуговицах у кисти руки. Сообщаю тебе эту приятную новость. Преданная сестра твоя Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 10–10 об.

¹ В конце августа Борисов, получив известие о выздоровлении жены (см. примеч. 9 к наст. письму), выехал в Москву, где снял квартиру. Фет пробыл с Борисовыми несколько дней и вернулся в Орловскую губернию (см. письмо Борисова к Тургеневу от 8 октября 1860 г.: *Хмелевская*. С. 338). *Степановка* — хутор на юге Мценского уезда, купленный Фетом в начале августа 1860 г. По пути из Москвы в Степановку Фет остановился в имении Тургенева Спасском-Лутовиново (см. примеч. 7 к наст. письму).

² Подразумевается служивший у Фетов в Москве поваром крепостной из Новоселок *Иван Беляк* (Беляков, Белый), который после отъезда хозяев в Степановку некоторое время жил в их квартире на Малой Полянке. Упоминается в письмах Фета 1858–1859 гг., в начале 1858 г. получил вольную (*Письма к Борису*. С. 121).

³ Речь идет о сестрах М. П. Фет — А. П. Пикудиной (о ней см. примеч. 2 к письму 7) и Е. П. Щукиной (1824–1904), которая с 1849 г. была замужем за богатым московским купцом Иваном Васильевичем Щукиным (1817–1890).

⁴ У П. П. и Н. К. Боткиных было три дочери: Вера, Анна (р. 1854) и Надежда (р. 1855).

⁵ Седьмой из братьев М. П. Фет — *Сергей Петрович Боткин* (1832–1889), в будущем знаменитый терапевт, в апреле 1859 г. женился на *Анастасии Александровне Крыловой* (1835–1875).

⁶ *Волково* — село на реке Мецне в 4–5 верстах к юго-западу от Мценска. При Волкове, по обеим сторонам реки, находились усадьбы, именуемые в окружении Фета Ближним и Дальним Волковым. В Ближнем Волкове проживал с семьей — женой Елизаветой Дмитриевной (урожд. Карповой) и детьми — Николай Никитич Шеншин (1816–1879), брат зятя Фета — Александра Никитича. Дальнее Волково, отстоящее в полуверсте от Ближнего, принадлежало мценскому предводителю дво-

рянства Владимиру Александровичу Шеншину (1814–1873), который был женат на Анне Семеновне Шеншиной и также имел несколько детей. Борисовы и Феты были близко знакомы с обитателями как Ближнего, так и Дальнего Волкова (*Чернов Н. Фет в кругу сородичей // Истории русской провинции. Орел, 2000. Т. 9. С. 9*).

⁷ В 1853–1867 гг. Спасским управлял дядя писателя, Николай Николаевич Тургенев (1795–1881), проживавший там с женой Елизаветой Семеновной (урожд. Белокопытовой), свояченицей и двумя дочерьми. Фет был с Н. Н. Тургеневым в добрых отношениях и, как правило, приезжал в Спасское на именины Елизаветы Семеновны, которые отмечались 5 сентября.

⁸ *Пирогов* — московский каретник, упоминается в мемуарах Фета (*МВ. Ч. 1. С. 290*).

⁹ Через девять месяцев после рождения сына, в конце сентября 1859 г., у Н. А. Борисовой случился приступ душевной болезни, вследствие чего она вновь была помещена в московскую лечебницу Красовского и находилась там по август 1860 г. (см.: *МВ. Ч. 1. С. 310*).

16

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

19 сентября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

19 сент<ября> 60. Москва.

Вчера принесли, милый Афоня, твое милейшее письмо.¹ Я за тебя вполне радуюсь, и когда только мысленно залезу в твою всем озабоченную, суетливую, ворчливую деятельность, то становится как-то лучше. И эта грязца, на которую утренняя приходиться ступить твоему сапогу, и сырость свежая, деревенская, а не московская тухлятина умывает тебя, когда, неумытый, выходишь посмотреть, что на дворе, какова погода, что люди делают, — все это меня здесь даже нежит. Не говорю уже, как отдается во мне твой выстрел по вальдшнепу — самому Снопке² он не звучит так раздражительно, и как тяжело усидеть здесь, чтоб не броситься в гущу осинника, молодого березняка и покрасневшего уже дубняка, но, видно, мы пиль-авансы³ не то, что Непирка⁴ и Снобка, и жизнь парфорсная⁵ прошла недаром. — Тубо!⁶ Ни с места. — Все дни я думал: сяду и напишу к Афоне, и не мог присесть, потому что решительно ничего не мог не только сказать, но и подумать. Вот и теперь, как двуглавый российский орел новейшей формы, т<о> е<сть> с взерошенными перьями, взмахиваю крылами и не могу вылететь из круга копейки, и в то время, когда одной головой начинаю думать с тобою,

другая неугомонно поет свои песни, заглушающие все человеческие помышления. — До сегодня время прошло ах, как хорошо. Начало ты видел, далее начались мелкие развлечения — простуды, кашель, насморк, головная боль, спинная боль и до уложения на диван, и в зубы, наконец, — все это не у меня, а у Нади, и все, как следует, прекрасно и бесподобно. Федор Ив<анович>⁷ заезжал раза два, и 17 был Василий Федор<ович>,⁸ но что же тут могут пособить и они. Поговорят и бесплодно посоветуют, дружески пожмут руку и уедут. Не стоит, друг мой, говорить об этом. Не знаю, что будет далее, но надеяться на лучшее уже не умею. Сарачевы меня сразили вестью, что нет няньки их, что она где-то в Ревеле. Ищем, но еще не нашли новую, а старая у меня зудит уже под ложечкой. На днях был у Анны Петровной.⁹ Она уже помирилась с мыслью, что у вас деревня и свой угол. Катерины Петров<ной>¹⁰ не видал еще, заходил к ней, но невовремя. Надежда Кондр<атьевна>¹¹ процвела здоровьем, да, впрочем, ты же ее и сам видел. Я все дома и только минутами оставляю д<ом> Миллера.¹² В Опекунском совете познакомился с Данилом Даниловичем,¹³ мне он пришелся как-то по сердцу. Расспрашивал в подробности о вашем житье и планах и только что не говорил вслух: «Вот бы и я так пожил». — Получил ли ты кожух дубленый, отправлен давно. В Сердобинку,¹⁴ друг мой, еще не заглядывал после прощанья с тобою — но время нет. Впрочем, кажется, барыня только для пущей важности порассказала о ночных приключениях и участии в них самого Беляка.¹⁵ Он на днях приходил — одет прилично — выбрит до чистоты китайских кукол, под лак, щеки нежны, как студень или галантир, — и даже нет запаха дурного поведения, а скромность, а чистота нрава. Живет у купца за б р<ублей> и готовит ежедневно по 4 блюда на 12 ч<еловек>. Нарочно сообщаю тебе эти сведения как любителю российской *словесности*.¹⁶ У Марьи Петровны уцелуй ручки, когда-то дождемся вас в Москву — жаль, что не мы к вам, туда, в черноземную теплую сторону. Что Петруша, отыскался ли хотя по слухам? Целую тебя крепко-накрепко, твой брат и друг

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Ты, кажется, смотришь на меня, Афоня, как на коренную горожанку, не выходившую за предел дачи и потому не способную принять участия в теперешних твоих занятиях. Ты забываешь, что я в продолжение шести лет ничего другого не слышала и от людей, которые в этом только и узревали следы мудрости человеческой. Голубой картуз прикажешь прислать? Впрочем, я на тебя смотрю, как на Петра I, ты заведешь ре-

гулярность и порядок, доселе неизвестные в наших патриархальных деревнях, где безграмотные Обломовы отдыхают на домашних пуховиках в беспечной, ничем не прерванной дремоте. Ты же с своею деятельностью — редкость, исключение. Тысячу раз благодарю тебя и Мари за письмо. Пожалуйста, извещайте об том, что делается в Степановке, мы каждый день об вас говорим. До будущего письма. Обнимаю тебя крепко. Преданная тебе Н. Б.

Любезный друг Мари. Ты всегда выбираешь гомеопатический кусочек бумаги, чтоб писать к нам. Кроме трех слов, ничего не устанавливается, даже не скажешь ничего о своем здоровье. На Чистых Прудах я два раза встретила Лизав<ету> Василь<евну>¹⁷ с детьми¹⁸ К<атерины> П<етровны>, она, на мои глаза, помолодела. Ив<ан> Петр<ович> был у всех дома <?> и в лоне.¹⁹ У меня платья не готовы, и я жду своих нарядов, чтоб навестить их. Прощай, милая Мари, я думаю, ты много гуляешь благодаря хорошей погоде. Целую тебя крепко. Поклонись Любиньке и ее мужу. Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 11–12 об.

¹ Это письмо Фета неизвестно.

² *Снопс* или *Сноб* — кличка легавой собаки Фета (пойнтера) (*МВ*. Ч. 1. С. 286–287).

³ *Аванс!* (Вперед!) — команда легавой собаке идти вперед и искать дичь. *Пиль!* (Возьми!) — команда прекратить стойку и броситься к дичи.

⁴ *Ненир* — легавая собака, приобретенная Фетом в период службы в уланском полку. Названа в честь Чарльза Нейпира (1786–1860), английского вице-адмирала, который в 1854 г. участвовал в блокаде русских берегов и портов на Балтийском море (именно на Балтийском побережье нес службу Фет во время Крымской войны).

⁵ *Парфорс* — ошейник, снабженный с внутренней стороны тупыми гвоздями, применялся при дрессировке легавых собак.

⁶ *Тубо!* (Нельзя! Не тронь!) — команда легавой собаке, противоположная по значению команде «Пиль!».

⁷ Возможно, имеется в виду *Федор Иванович Красовский*, доктор медицины, ординатор Преображенской больницы.

⁸ Василий Федорович Саблер (см. примеч. 6 к письму 10).

⁹ Борисов имеет в виду сестру М. П. Фет — А. П. Пикулину (см. примеч. 2 к письму 7).

¹⁰ Речь идет о сестре М. П. Фет — Е. П. Щукиной.

¹¹ Имеется в виду Н. К. Боткина (см. примеч. 3 к письму 7).

¹² Борисовы снимали квартиру в Яузской части, по адресу: Большой Казенный переулок, дом Миллера (*Хмелевская*. С. 339).

¹³ Имеется в виду муж Ю. Б. Шумахер (близкой приятельницы М. П. Фет) — Данила Данилович Шумахер (1819–1908), один из директоров Сохранной казны Московского опекунского совета. Впоследствии действительный статский советник (1862), управляющий Московской сохранной и ссудной кассой Опекунского совета, директор Московско-Рязанской железной дороги, товарищ председателя правления Московского коммерческого ссудного банка, московский городской голова (1873–1876). В 1876 г. был привлечен к судебному разбирательству по делу о финансовых махинациях в Московском коммерческом банке и приговорен к месяцу тюремного заключения. Упоминается Достоевским в «Дневнике писателя».

¹⁴ *Сердобинкой* прозвал квартиру Фетов в доме Сердобинской Л. Н. Толстой.

¹⁵ Бывший повар Фетов (см. письмо 15, примеч. 2).

¹⁶ 11 февраля 1859 г. Фет по предложению Толстого был избран действительным членом Общества любителей российской словесности.

¹⁷ *Чичерина Елизавета Васильевна* (1830–1879) — родственница Боткиных. 29 июля 1879 г. Павел Петрович Боткин писал М. П. Шеншиной: «Перед отъездом из Москвы похоронили мы Елизавету Васильевну Чичерину. Слез, конечно, было мало, покойная была одинока, жила хорошо, но, увы, не на свой счет» (*ИРЛИ*).

¹⁸ В 1860 г. у Щукиных было шестеро детей: Александра (р. 1851; в замуж. Люциус), Николай (1852–1910), Петр (1853–1912), Сергей (1854–1936), Дмитрий (1855–1932) и Надежда (1858–1956; в замуж. Мяново). Впоследствии родились Антонина (1862–1935; в замуж. Лагодина), Ольга (1863–1930; в замуж. Иост), Владимир (1867–1895), Иван (1869–1908).

¹⁹ *Лоно* — дом Боткиных на Маросейке.

17

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам и П. А. Шеншину

Конец сентября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

Здравствуйте, милые друзья Афоня, и Марья Петровна, и Петруша¹ (должно быть, он с вами). Поутру рано, ввечеру поздно, до, по и во всякое время вспоминаю об вас таким вопросом: «что-то они поделывают?». Для меня все представляется в пребесподобном свете: Марья Петровна понемножку начала привыкать к своим комнаткам, и ее хозяйство наладилось уже тихо и стройно, только бы Бог дал, чтобы все вы были здоровы — это первеющая необходимость везде, а в деревне в особенности. У тебя же, Афоня, верно, день за днем вырабатываются новые нужды. Печи, я уверен, уже не дымят, мешки на крупу добыты и крупы много-много. Индюки, индюшки, куры, гуси, поросята сосредото-

точены и ждут, жирея, своего смертного часа. Некогда и заглянуть в березняк пробежаться со Снобкой.² Но тут тебя выручает Петруша с бланжевым³ Асюром и снабжает вас всякой всячиной. Как хорош в это время застылый дупель, возьмешь в руку и невольно взвесишь его, мягкого лентяя. Досадно, досадно, что не могу взглянуть на вас хоть <на> минутку. Ну, про нас и говорить нечего. Пока еще была хорошая погода, то как будто клеилась и жизнь, мы всякий день гуляли. Дунул ветер Сиверко, и Наденька улеглась на диване. Ох, спина, ох, бока, а лечиться, кроме гомеопатии, — ни за что. Доктора все врут. Она же *сама*, во-первых, умнее всех и *все* знает. Мне все это подчас до того напирает в горло, что готов провалиться хоть в Черноморию к комарам на съедение. — Ты, Афоня, не смеешь вопиять ни на одну печаль и заботу деревенскую — все это сам сочинил себе, это твоя поэма, а вот лучше для собственного успокоения вспомни об нас и спроси только: «Ну вот она в Москве зачем?». Чтоб могла пользоваться докторством, когда нужно. Нужно, а-а я их не хочу. Это такая чепуха, что отвратительно. До сих пор мы все еще набирали разных необходимостей — мебели, и из-под Сухаревой,⁴ и обмундировку, а деньги улетай-улетай во все стороны. Пролетку у Пирогова⁵ приобрел за 200 лучше твоей. Хозяин и Звездочка⁶ выделывают такие курбеты, точно в первой молодости, боюсь, как бы не перед последним проездом с хомутом. Но как мы на днях были упуганы: ночью в 3 часа будят, и в окне зарево, пламя и искры. Пожар! Беда была, но, слава Богу, миновала. Мы и не суетились, и не выносились, а довольно благоразум<но> выдержали опасные минуты и скоро все потушили — сгорел дом извозчика через несколько домов от нас. Петька,⁷ слава Богу, здоров и Наде сегодня лучше, а я должен выехать, многое множество предстоит объездов по знакомствам и гамазеям.⁸ Прощайте пока и не взыскивайте за самое бестолковейшее, ничего сам не разберу, что написал. Что Николай Толстой?⁹ Дай мне его адрес. Об Льве ничего не слышно,¹⁰ только что *Сергей* там за границами продулся в пух. Целую Ваши ручки, милая Марья Петровна, и обнимаю вас крепко, обоих братьев.

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Вчера вечером пришло к нам письмо от Любиньки, она пишет и про вас, любезные друзья Магге и Афоня. По ее словам, все у вас идет ладно и хорошо — это производит всегда благотворное действие — даже на свои дела смотришь с большею надеждою. Это время мы все планы

строили, что делать, чтоб встретить будущие перевероты без банкротства. Иван Петр<ович> против чаяния (ибо он уже расположился на покой) ищет места с хорошим жалованьем. Он писал об этом своим знакомым, чем кончится — не знаю. Не правда ли, что это хорошее решение. Дай Бог, чтоб это сладилось, так мы рассчитываем.

На прошлой неделе я была на Маросейке. Застала только Надежду Кондр<атьевну>¹¹ и Пр<асковью> Ефр<емовну>.¹² Первая, на мои глаза, очень изменилась к лучшему. Дмит<рия> Петр<овича> тогда ждали со дня на день. Малютка их здорова.¹³ Прощайте, будьте здоровы. Целую вас всех и прошу, и жду писем.

Преданная вам Н. Борисова.

Болезнь, которою ты, Marie, так долго страдала, и у меня открылась, я почти ходить не могла.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 13–14 об.

Датируется по содержанию и по связи с письмом 18.

¹ Имеется в виду брат Фета — Петр Афанасьевич Шеншин.

² См. примеч. 2 к письму 16.

³ *Бланжевый* — песочного цвета.

⁴ Возможно, имеется в виду *Сухаревский рынок* (находился на Большой Сухаревской площади), где торговали съестными припасами, а также картинами, скульптурами, изделиями прикладного искусства.

⁵ См. письмо 15, примеч. 8.

⁶ Лошади Борисова. *Звездочка* упоминается в воспоминаниях Фета (*МВ*. Ч. 1. С. 182, 190).

⁷ Сын Борисовых.

⁸ *Гамазея* — хлебный амбар, склад. Здесь — в значении «магазин».

⁹ *Толстой Николай Николаевич*, граф (1823–1860) — старший брат писателя, владелец имения Никольское-Вяземское Чернского уезда Тульской губернии. Был дружен как с Фетом, так и с Борисовым; познакомился с Фетом в Москве зимой 1858 г., а с Борисовым летом того же года в Новоселках (*МВ*. Ч. 1. С. 217–218, 237–242). Был болен чахоткой, 28 мая 1860 г. выехал за границу на лечение вместе с братом Сергеем Николаевичем.

¹⁰ Л. Н. Толстой несколько позже (2 июля 1860) выехал вслед за больным братом, его сопровождала сестра М. Н. Толстая с детьми.

¹¹ Имеется в виду Н. К. Боткина (см. примеч. 3 к письму 7).

¹² Речь идет о родственнице Боткиных, фамилия ее неизвестна.

¹³ Речь может идти как о младшей дочери П. П. Боткина Надежде (р. 1855), так и о первом ребенке Д. П. Боткина — Елизавете (р. 1859).

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

1 октября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой Н. А. Борисовой:

Любезные друзья Мариэ и Афоня.

Мы поселились в таком месте, где беспрестанно пожары. Ив<ан> Петр<ович> писал вам о первом случившемся ночью;¹ третьего дни вечером мы читали в нашей маленькой спальней, я лежала — как человек вызвал Ив<ана> Петр<овича> объявить, что в ближнем переулке опять пожар. Какое неприятное чувство рождается в душе в минуту, где кажется, что все нажитое долгими годами в короткое время исчезнет. Но, слава Богу, этот раз не дали дому сгореть, и все кончилось очень скоро. Представляю себе, что бы с тобою было, Мариэ, если б на Полянке что горело. Я благословила Сердобенской дом за то, что там никаких треволнений не бывает. А у меня просьба к тебе, Мариэ, и весьма неприятная: нянюшка отдавала Марьюшке² шить свое черное шелковое, как она говорит, совсем новое платье. Теперь только она вспомнила о нем и просит тебя узнать, где оно — в деревне, в таком случае будь так добра привезть его сюда, или здесь. Ибо в случае потери она намерена потребовать с Марьюшки, на которую она очень сердита, деньги. А прогроз,³ Афоня спрашивает, сколько в месяц мы на кухню тратились; в прошедшем месяце при самой умеренной трате 50 р<ублей> с<еребром>, а всего 1000 р<ублей>, в том числе 50 р<ублей> отдано за пролетку,³ 125 за подарки, доктора, 90 за мебель, 40 за фортепиано, 40 за ситец на мебель, 105 квартира и 50 за сено. Вот главные 550, а куда остальные 450, не понимаю. Из деревни 10 дней тому <назад> прислали 300 р<ублей>, из <них> осталось 100 р<ублей>. Если в будущем все пойдет по той мерке, то мы можем поздравить <себя> с умением жить.

Недавно у нас была m-me Сарачева, очень добрая, как мне показалось, женщина. Она много говорила о тебе, Мариэ, и видно, что она тебя очень полюбила, что можно было вывести из множества похвал, которые она присоединила к рассказам о своем знакомстве с тобою. Афоня уже успел на балу побывать, вот какая у вас просвещенная сторона; а ты, бедняжка, также больна; жир твой вчера отправлен во Мценск. Надеюсь, что к именинам Катерины Петр<овны>⁴ вы приедете в Москву.

¹ Кстати (франц.).

Петя⁵ в своих играх уже несколько раз был в гостях у тети Маши, а какая бы лошадь не пробежала, все это *пру* дяди⁶ Фони.

Меня гонит Борис, явившийся с щеткой чистить комнату. Я решительно не только выехать не смею, но и много сидеть. В фр<анцузской> лит<ературе> явился роман, который, верно, наделал много шума, ибо в префасе⁶ к нему Jules Janin⁷ восхваляет <его> до небес. Это «Fanny», пламенный, страстный рассказ молодого 24-хлетнего человека <о любви> к женщине 35-и лет какого-то Feudeau (Фейдо).⁸

Когда ты приедешь к нам, Marie, ты сочтешь наши комнаты за птичьи клетки. Мы без твоего разрешения с позволения Афони взяли красную мебель. Она нас спасла от больших расходов. В сравнении с нашей Сердобинская квартира — палаццо.

Прощайте — будьте здоровы, и, Marie, не забывай нас.

1-г<о> октября.

Рукой И. П. Борисова:

Твое письмо,⁹ Афоня, о фортепьясах заставило меня взбаламутить многих мирных москвичей и не добиться никакого толка, но, слава Богу, получил и Годе — утолись, голубеночек. — Все бы было хорошо, когда б здоровье Нади было не скверно, а лечиться не хочет. — Познакомился я с Владимиром Петр<овичем> Боткин<ым>.¹⁰ Дмитр<ий> Петр<ович> поправился молодцом, но уже сырость московская успела его съежить. Про Льва Толстого никто ничего не знает и не ведает, а Гирерские острова находятся в Средиземном м<оре> близ берегов Франции — бедный, бедный Николай Толстой.¹¹ Как грустно подумать, что мы похоронили уже его в нашей жизни. Жив ли он, или перестал страдать и кашлять. Петр Петрович Боткин имеет злостные намерения снова возложить на Петрушу¹² о лошадях, как я его ни убеждал, чтобы воздержался, но нет, непременно хочет открыть новые переговоры по этой задорной охоте. — Теперь некогда рассказывать тебе мои проекты на улаживание нашей жизни, но, кажется, решусь и достану себе место такое, что будет занятий довольно и денег, денег столько, что закрома насыпем остатками^в от карбованцев, только уедем в Австралию. Поцелуй ручки Марьи Петровны, обнимаю тебя

И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 9–10 об.

⁶ Далее зачеркнуто: Аф<они>

^в В оригинале: озатками

¹ См. письмо 17.

² *Марьюшка* — горничная М. П. Фет.

³ Борисов писал, что пролетка стоила 200 рублей (см. письмо 17).

⁴ Имеются в виду именины Е. П. Щукиной. Память Екатерины Великомученицы отмечается по юлианскому календарю 24 ноября.

⁵ Сын Борисовых.

⁶ От франц. *préface* — предисловие.

⁷ *Жюль Жанен* (1804–1874) — французский романист и журналист, один из популярных критиков своего времени, член Академии (1864).

⁸ *Эрнст Фейдо* (1821–1873) — французский писатель, его роман «Фанни» (1858) имел скандальную известность и выдержал несколько переизданий. В России перевод «Фанни» вышел уже в конце 1858 г. в качестве приложения к октябрьскому номеру «Библиотеки для чтения».

⁹ Это письмо Фета неизвестно.

¹⁰ *Боткин Владимир Петрович* (1837–1869) — восьмой по старшинству брат М. П. Фет, в январе 1861 г. женился на Анне Ефимовне Гучковой.

¹¹ О намерении Толстых ехать на Гиерские острова и тяжелом положении больного Фет узнал из письма Тургенева от 27, 31 августа (8, 12 сентября) 1860 г. (*Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 234).

¹² Имеется в виду П. А. Шеншин.

19

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

10 октября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

10 ок<тябрь> 60. Москва.

Что-то давно нет от тебя весточки, друг мой Афоня, и Надинькины *предчувствия*: «вот сегодня получим от Афони письмо», — проходят без исполнения. Из деревни-то только можно что да-нибудь написать — там жизнь, работа и тишина, ничто не взбунтует. Мы же ведем такую жизнь, что сказать про нее нечего. Все болеем. И Надя хворает и недели две не выходит из комнат, и Петя¹ так кашляет, что больно слышать. Призываю уже доктора гомеопата Гольденберга,² кажется, из немцев, а может и иерусалимский, как будто и помогает. Был я недавно в Сердобинке — самой нет, уехала к братцу в С.-П<етер>бург, впрочем, штаб-лекарь³ бодрствует и предлагал мне взглянуть на ваши покои, и так убедительно совал ключ в замок, что я едва не соблазнился заглянуть, что там делается, но было некогда, и я упросил его не беспокоиться. — К Григорьевым не заходил, все думается, ну как встречаюсь с нею!⁴ Ну

как она заговорит! Ну как она налетит к нам! А иногда и хочется хотя взглянуть на твоего оракула, что он теперь бы порассказал.

Был я у Козлова и поразил его под ложечку, рассказав про Снобку.⁵ Он очень огорчился, что собака не порадовала тебя, а своего желтого щенка, который вышел красавец, Козлов совсем загубил — я его видел с разбитыми ногами — следствие простуды. Нет, напрасно вы разгорячились на сеттеров.⁶ Поворачивай к старым друзьям немецким, они надежней.

От Иван<а> Сергеевича получил писульку из Куртав<неля>.⁷ Он радуется за тебя, что ты уладился, наконец, на земле, и милейшим образом обещает весной оживить наши места. Охотиться ему не удастся — льют дожди. На новую собаку мало уже надеется и уверен, что она не заменит ему Бубульки. Обещает выслать тебе свой «проект распространения грам<отности> в Рос<сии>»,⁸ который он вместе с Анненковым⁹ сочинил и надеется через год видеть плоды. Это что-то больно скорая надежда. В октябре он в Париже и поселяется на зиму. Что это за милейший человек и сколько доброты и жизни в нем, видно, что все, с чем он поживет, оцепляет его, как дикий виноград. Из Парижа его уже тянет желание навестить Николая Толстого на Гиерских островах.

Пошли *сильные* слухи, что к Новому году произойдет развязка крестьянскому вопросу. Тебе, фермеру, и горя мало, а нам, крепостным, пожалуй, и не поздоровится — дело в том, что окончательной развязки не полагается, о выкупе правительство и ни-ни, а полагают отдать по две или по три десятины на душу — с тем, чтобы души эти платили по 9 р<ублей> оброка (чего, разумеется, не состоится). Такой порядок обязателен на 3 года, в течение которых должны *полюбовно* согласиться крестьяне с владельцами о выкупе земли, а не согласятся, то *усадыбь* остаются даром крестьянам, земля же владельцам, т<о> е<сть> помещикам — вот и все. О чем гласят слухи — мудрено. Поцелуй ручки Марье Петровне. Вчера я был у Юлии Богдановны.¹⁰ Она здорова и обещала похлопотать нам об няне — к нам уже являлись две, но одна *по молодости* забракована, а другая показала уж слишком похожею на галку. Трудно найти похожею на человека, а наша старая хуже всякой птицы. Обнимаю тебя крепко.

Твой И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Я начинаю завидовать Шумахер, что ты, Marie, ей пишешь, а нас совсем забыла. Афоня, вероятно, завертелся на балах у фанатиков и на охоте, хоть бы ты строчкой порадовала. Все это время Петя бедный кашляет страшно, я, как тебе писала, все больна, сегодня по совету док-

тора выезжаю и думаю побывать у твоих сестер,¹¹ погода отличная. На днях дают новую комедию Островского «Старый друг лучше новых двух», и мы хотим взять ложу или кресло — нужно будет за уши брать, ибо это в первый раз еще.¹² Юл<ия> Богд<ановна> завидует тебе, Marie, что ты в деревне, она и муж ее говорили Ив<ану> Петр<овичу>, что они мечтают о деревенском уголке, подальше от Москвы. Мы никуда и к нам еще никто, выключая Сарачева, Красовского и Саблера. Ив<ан> Петр<ович> был у Опухтина, жена которого зовет меня также, как Юл<ия> Богд<ановна>, которая послала мне с Ив<аном> П<етрови-чем> любезное приглашение быть у нее. Да еще С. Сухотин на днях должен быть здесь, и я познакомлюсь с его женой.¹³ Но это все еще в будущем, а пока я регулярно каждый день — лежала на диване.

О журналах Ив<ан> Петр<ович> поручает сказать, что он их выхлопотал, и в определенное время редакции высылают нам на дом.

Как-то ты поживаешь — хорошо, я надеюсь, с своими, а скоро опять в Москву, жителями которой мы, как предполагали прежде, не будем, если удастся Ив<ану> Петр<овичу> получить хорошее место. Прощай, милая Marie и любезный друг Афоня. Обнимаю вас крепко.

Преданная вам сестра Н. Борисова.

Рукой И. П. Борисова:

Не хлопочи, Афоня, забирать с собою № «Р<усского> вестника», я здесь все выхлопотал и получил все с 14-м ном<ером>, а тут есть что и тебе прочесть — это «В ожидании лучшего» Крестовского.¹⁴ Действительно, это лучшее из всего, что было.

А каков Островский и Писемский, получая по 1500 т<ысяч>¹⁵ за свои драмы. Но, Господи, какая скверность жить в Москве, с каждым днем убеждаешься только, что это не жизнь, а прозябание. Боюсь, что это доведет меня до такого равнодушия ко всему в мире, что сделаюсь клячею такою, что никакими кнутами не сдвинушь с места. А все оттого, что вижу, что тут решительно ничего невозможно поделать и только разве кричать крестноносцем: «Так хочет Бог»!

Обнимаю тебя еще, еще крепко — что Петруша? Где он? Жив ли, здоров ли. На днях зашел Архип Сташков, медвежатник,¹⁶ разыскивая его. Получил рюмку водки за преданность и уважение и на дорогу *1 р<убль>*. Говорит, что и домой не с чем добраться; верю Надиньке, что и я медведь, *ибо* и на меня уже начали охотиться.

На конверте:

Орел.

Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Фету.

В Степановку.

Ю. Б. Шумахер
Рисунок И. Петровского (?)

Почтовые штемпели: Москва. 10 окт. 1860. 1 эксп.; Орел. 12 окт. 1860.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 15–16 об.

¹ Сын Борисовых.

² В то время в Москве служили два врача по фамилии *Гольденберг*: *Иван Федорович* и *Давыд Федорович*, причем оба проживали поблизости от дома Миллера, в Яузской части.

³ Муж Е. Н. Сердобинской.

⁴ Имеется в виду Л. Ф. Григорьева, о ней см. примеч. 12 к письму 7.

⁵ См. примеч. 2 к письму 16.

⁶ Разведением сеттеров занимался брат Фета П. А. Шеншин (*МВ*. Ч. 1. С. 287–288).

⁷ Это письмо неизвестно.

⁸ О проекте Общества для распространения грамотности и первоначального обучения Тургенев писал и Фету 27, 31 августа (8, 12 сентября) 1860 г. Об истории написания этого проекта, а также его текст см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л., 1968. Т. 15. С. 245–252, 425–427.

⁹ *Анненков Павел Васильевич* (1812–1887) — литературный критик, первый научный биограф и издатель сочинений Пушкина; друг Тургенева.

¹⁰ *Шумахер Юлия Богдановна*, урожд. Мюльгаузен (р. 1827) — сестра Е. Б. Грановской, давняя приятельница М. П. Фет.

¹¹ Имеются в виду А. П. Пикулина (см. примеч. 2 к письму 7) и Е. П. Щукина (см. примеч. 3 к письму 15). Другие сестры М. П. Фет: Александра Визигина

(1818–1892), овдовевшая около 1858 г. и Варвара Исаева (1820–1896), во втором браке Ястребцова, в то время проживали в Петербурге.

¹² См. письмо 20.

¹³ С. М. Сухотин (о нем см. примеч. 6 к письму 12) был женат на *Марье Алексеевне Дьяковой* (1830–1889), с которой развелся в 1868 г.

¹⁴ Этот роман В. Крестовского печатался в «Русском вестнике» с июля по сентябрь 1860 г.

¹⁵ Борисов, очевидно, имел в виду 1500 рублей (полторы тысячи).

¹⁶ *Архип Осташков* — охотник. П. А. Шеншин увлекался медвежьей охотой.

20

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

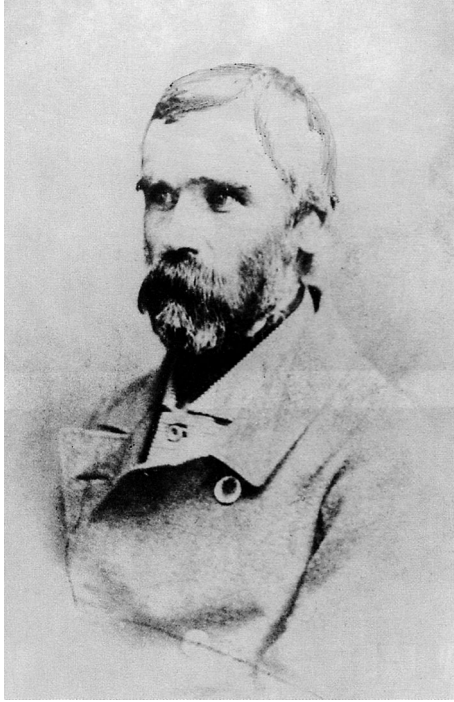
14 октября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

14 окт<ября> 56, т<о> е<сть> 60-го года. Москва.

Мы только что вернулись из театра. Смотрели новую Островского пьесу — «Старый друг лучше новых двух»,¹ и Надинька осталась много довольна, я же, видно, не гожусь в бублию² на эти комедии — при самом усиленном напряжении посмеяться не удастся как-то выдержать характер, чтобы нет-нет да не подумалось: «как, однако, здесь скучно». Три барыни говорят безукоризненным языком московских мещанок или, пожалуй, подбелевских³ аристократок, сплетничают, ссорятся, поднимают неизбежный гвалт — так радующий всегда не только праведников рая, но и всю Россию — это главное, потом уже *сивулле*⁴ подается. Живокини молодцом играет слугу, испитого резонера.⁵ Садовский⁶ — купца из пожилых кутил по Марьиным рощам и другим заведениям, да еще чиновник, животное тоже пьющее и берущее, но ничтожное, вот и все. Все это люди живые. И кто их не знает, кому они не опротивели, может, и приятные на погляденье. Разыграна и обставлена пьеса превосходно — а мне все-таки было скучновато. Видел Островского, он спрашивал о тебе *с самым живым участием*. Но как его рука была холодна и как дрожала и, когда глянул на его лицо, то тут только я вспомнил, что *для него* значит ожидание его пьесы. Вот тебе мой краткий отчет о сегодня.

Но прежде бы надо тебя побранить, во-первых, за то, что долго не писал, во-вторых, за то, что написал такую коротенькую,⁷ сегодня что получили, это никуда не годится. Именно, что пишешь, когда нарочный ждет. Тут и спешишь, и кубырдохает, а ты вот по-моему. Надюлька

И. П. Борисов
Фотография. 1860-е гг.

улеглась и бай-байкает, я же строчу помаленьку — и не знаю даже, придет ли сон мой милый и счастливый. Так мне все не спится. Петька⁸ все еще кашляет, но вот теперь, слава Богу, почивает тихо. — Что ты спрашиваешь о рыбьем жире. Я тебе уже писал, что на другой же день по получении письма он был уже отправлен чрез Шмарова⁹ во Мценск. Пора бы ему быть в Степановке.

Маслова¹⁰ видел, поклон вам обоим поручил. Что тебе еще новенького. Писал ли тебе, что журнал *«Моск<овский> вестн<ик>»*¹¹ куплен Рудаковым¹² (молодым ротмистр<ом>, имеющим прекраснейшее сердце и под сердцем в кармашке 1000000 р<ублей> серебряны<х>). Превжние редакторы обанкротились.¹³ И. В. Павлов¹⁴ тебе кланяется. Трудное и претрудное его положение от бедности — вот тебе и литературн<ые> заработки. Сердце сжималось, смотря на его четырех детенков, — живых, веселеньких вокруг грустно задумчивой матери и отца. Когда поглядишь случайно на такую картину, то совестно становится за себя. Какой я богач и смею тоже петь лазаря. Но это только на минуту впада-

ешь в благодетельное смирение. Оно действует, как купанье в Зуше, холодно, но укрепительно, поэтому на твоё NB насчет службы за 4 т<ысячи>, не менее, я тебе отвечаю — какой ты, однако ж, стал в деревне смирененькой. Нет, я не мирюсь и на 12 и веду переговоры. Теперь нечего тебе говорить, что и в чем. Приедешь, тогда уже можно будет об этом и потолковать, а пока знай молчи. Твоя весть о посадке более 1000 деревьев заставляет и меня заботиться об них, т<о> е<сть> о их спасенье. Вот главное условие их сохранения: возьми нож сам и всех вооружи косярами, и немилосердно обрежьте у всех верхушки и все ветви, и, чем деревце старше, тем его беспощадней обрезай какое бы ни было, кроме, однако, хвойных (т<о> е<сть> сосен, елей, лиственниц и т<ому> п<одобных>). То же со всякими кустарниками: малин<ой>, смород<иной>, крыжовн<иком>, сиренью, акацией и пр<очим>, смело обрезай, этим лучше всего дашь им силу приняться и быстро разрастись. — Ну, не знаю, что тебе еще сказать, а пока спать, хотя еще и не хочется, только поясника болит — пора.

Поцелуй ручки Марьи Петровны, хотя бы она не забывала нас весточками, когда тебя пруды или труды поглощают. Помаленьку начинают уже появляться на улицах шубы. Значит скоро «Не белы то-а-а снега — а-а-а-а-а! в чистом поле забелелись»¹⁵ и тут снаряжай-ка тройку — повозку али кибитку. Между прочим, с получением сего нет ли у вас чего нужного в Москву? Только немедленно отпр<авь>, сегодня же. Пишу Ивану Ф<едорову>¹⁶ отправить сюда четырех борзых. — Обнимаю тебя горячо и крепко.

Твой брат и друг И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Любезные друзья Marie и Афоня. Стыдно так лениться, почти три недели ни строчки, этакого греха за вами не водилось, вышли, Афоня, хоть журнал своих занятий, которые, как видно, в настоящую минуту окончательно поглотили тебя, а Marie, я знаю, не затруднится. Вчера в театре видела Дмитрия П<етровича>,¹⁷ он изменился, но заметно, что он уже выздоравливающий. Сухотин,¹⁸ приехавший с запасом охотничьих анекдотов, между ними — о дуэлях по поводу лисицы, привез нам известие о вас. Он поклонник покойника Хомякова, тело которого привезли в Москву и сегодня хоронить будут.¹⁹ Островский едет на погребение, и, должно быть, провожающих соберется много. Гольденберг²⁰ помог и маленькому и мне, но от его рвения не знаешь, как спастись, он, кажется, готов ежедневно по несколько раз посещать нас. Кроме того, заставляет нас покупать гомеопатические книги и порошки, которые страшно дороги. Прощайте, будьте здоровы и давайте по-

М. П. Боткина (Фет)
Рисунок И. Петровского (?), 1848 г.

чаще вестей о себе. Marie, я к тебе обращаюсь и на тебя надеюсь. Обнимаю вас крепко. Преданная сестра

Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 18–19 об.

¹ Пьеса эта впервые была поставлена в Петербурге на сцене Александринского императорского театра (10 октября 1860 г.), московская же премьера состоялась в Малом театре 14 октября.

² *Бублия* (ирон.) — публика.

³ *Подбелевец*, где проживали дворяне Мансуровы и Лыковы, — село, расположенное в трех верстах от Новоселок.

⁴ От франц. *s'il vous plaît* — пожалуйста. Здесь — в значении «десерт».

⁵ Роль лакея Ореста в спектакле исполнял знаменитый комик *Василий Игнатьевич Живокини* (1805 или 1807–1874), служивший в Малом театре в 1824–1874 гг.

⁶ *Садовский Пров Михайлович* (1818–1872) — прославленный актер, играл на сцене Малого театра в 1839–1872 гг. Считался выдающимся исполнителем ролей в пьесах Островского, 14 октября 1860 г. выступил в роли Густомесова.

⁷ Это письмо Фета неизвестно.

⁸ Сын Борисовых.

⁹ *Братья Шмаровы* содержали постоянные дворы, один в Москве, другой во Мценске, и через извозчиков подряжались доставлять вещи туда и обратно. Фет не раз пользовался услугами Шмаровых. Мценского Шмарова звали Иваном Степановичем.

¹⁰ *Маслов Иван Ильич* (1817–1891) — с 1860 г. управляющий Московской удельной конторой. Друг Тургенева, который останавливался в его квартире во время приездов в Москву и вел с ним переписку.

¹¹ «Московский вестник» — газета политическая и литературная, выходила в Москве еженедельно в 1859–1861 гг.

¹² Рудаков Владимир Алексеевич — отставной поручик.

¹³ Совладельцами «Московского вестника» (в равных долях) являлись его ответственный редактор Н. Н. Воронцов-Вельяминов, А. Н. Плещеев, И. В. Павлов (см. примеч. 14 к наст. письму) и Н. А. Основский (см.: Письма А. Н. Плещеева / Публ. Г. М. Фридлендера // Литературный архив. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 263, примеч. 6).

¹⁴ Павлов Иван Васильевич (1823–1904) — писатель, критик, журналист. В конце 1860 — начале 1861 гг. в связи с так называемым «делом Основского» Фет вступил с Павловым в конфликт, который едва не привел к дуэли между ними (см. об этом: МВ. Ч. 1. С. 355–357; Письма А. Н. Плещеева. С. 308–319).

¹⁵ Ср.: Не белы-то снеги во чистом поле забелелися... // Великорусские народные песни. Т. 6. С. 13.

¹⁶ Иван Федоров — управляющий Фатьяновым (см. примеч. 14 к письму 3).

¹⁷ Имеется в виду Д. П. Боткин.

¹⁸ О С. М. Сухотине см. письмо 12, примеч. 6.

¹⁹ Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) — поэт, публицист, философ, один из основоположников славянофильства; умер от холеры 23 сентября в Рязанской губернии, погребен 15 октября в Москве в Даниловом монастыре (Объявление о предстоящих похоронах напечатано: МВед. 1860. 14 октября. № 222. С. 1757).

²⁰ См. примеч. 2 к письму 19.

21

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

20 октября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

20 окт<ября> 60. Москва.

Вчера получил от Николая Никола<евича> краткую запись, и вот тебе их адрес: France, à Nières, dans la maison de m-me *Senequier*, rue du Midi.^a

Он очень плох. Лев Николаевич с ним и приписывает только, что Николай не встает уже с постели и просит писать к нему и тебя и меня.¹ Грустно и тяжело. — Марья Николаевна кланяется Марье Петровне. Ужасное положение этого семейства.

У нас ничего нет новенького. Пете,² слава Богу, лучше, кашель прекращается и, вероятно, это было к зубам. Только бы Надя поправилась,

^a Франция, в Иере, в доме г-жи *Сенекье*, улица Миди (франц.).

и было бы все хорошо. — У меня для тебя есть превосходная книжица, *Бажанова об вольнонаемном труде* с разными рассудительствами и выводами из опытов на здешнем хуторе.³ Но не посылаю, во избежание невероятных отправок с почтою, да и время — теперь ни к чему, сам будешь сюда и прочтешь с умилением и спасибо. — Не хочешь ли сегодня со мною в *баню* ехать — на Самотеку,⁴ это мое величайшее наслаждение в Москве. Ни комедии Островского, ни концерты, ни «Московские ведомости» не в силах возбудить такого наслаждения. «Поддай-ка парку — любезнейший!», — буду скоро приговаривать, предчувствуя заранее шу-уу. Эх, жаль, что ты еще не здесь. Пора, однако, вам собираться, зима подходит, морозы заковали, только еще снежку нет. Целую ручки Марье Петровной и обнимаю тебя всем сердцем. Твой брат

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Милая добрая Marie. Я не ошиблась, надеявшись на тебя для нашей корреспонденции; но ты напрасно собираешься бранить меня, я 2 раза в день принимаю лекарство. Вчера Ив<ан> П<етрович> получил с Гирских островов⁵ письма от Толстых; несчастный Н<иколай> Н<иколаевич>, кажется, не выздоровеет; брат пишет как-то так, что сквозит та безнадежность, которую чахоточный <внушает> окружающим его. Жаль, если действительно этот человек так рано выйдет из нашего общества — я никак не ожидала, что за этим кашлем стояла страшная болезнь, от которой он погибнуть должен. Сестра его тоже больна; она тебе очень кланяется.

Афоня писал, что ты уже с некоторыми соседями познакомилась, я была уверена, что тебе не будет скучно, а для здоровья тебе необходима была покойная деревенская жизнь. Твои нервы десять лишних лет прослужат, и болезнь, которая от езды по мостовой каждую осень снова открывалась, совсем пройдет теперь. Ты же такого рода человек, что всегда и во всякой жизни сумеешь найти то, что делает ее терпимой и приятной. Я замечала, что в деревне оживление и интерес кочуют с одного места на другое, кажется, что в вашем уголке завязывалась и готовилась жизнь; ваше присутствие может только прибавить, если я не ошибаюсь, что ты найдешь около себя людей приятных. Павлов, издававший «Московский вестник», хочет опять с семейством поселиться в деревне. Он близкий ваш сосед⁶ и, как говорит И<ван> П<етрович>, очень милый человек. Кажется, Афоня знает его. Петя выздоравливает — сегодня опять день ясный, и мне так бы хотелось его вынести погулять. Он уже давно в затворе. Прощай, друг мой Marie. Обнимаю тебя креп-

ко. Не скучай, это на тебя совсем не похоже, да я надеюсь, что мне совершенно лишне предупреждать тебя. Я понимаю, что тебе трудно не видеть своих, а ты помнишь, что в Евангелии сказано, что женщина должна от всего отказаться и прилепиться к *главе* своей *мужу*. Пиши, пожалуйста, ты знаешь, как нетерпеливо я жду всегда известия от тебя.

Н. Борисова.

Иван Петрович страшно жалуется на нашу жизнь здесь, и мы уже помышляли о переселении на новое место, которое, как мы имели все причины думать, могло открыться в начале будущего месяца. Но, хладнокровно осмотревшись, увидели невозможность этого плана: дороги теперь непроходимы, сырость вследствие осенних дождей или морозы — дурные спутники для Пети. Нужно выждать весну и тогда приниматься за все. Мне более всего жаль, что мы, может, надолго расстанемся, а делать что-нибудь нужно, чтоб все не развалилось; мы в такое время живем, что даже богатые барыни покупают менее косметиков, как мне рассказывала Над<ежда> Кондр<атьевна>,⁷ боясь будущих переворотов и разорения. Что делать бедным людям, как ни работать. Из деревни пишут о лошадях, которых почти на 1 т<ысячу> р<ублей> купить, а здесь мелочная книга глотает беспощадно ассигнации всякого достоинства без различия. Так <как> мы всего на одну зиму здесь, то и не имеем ничего, ни знакомства, ни оседлого водворения и живем как птицы, перелетающие из Африки к нам, вот это-то и портит все. Хотела я съездить к старику Григорьеву,⁸ но Ив<ан> Петр<ович> восстал против этого и не желает видеть у нас ни Аполлона Ал<ександровича> с женою, ни Дрианского⁹ с компанией. Я покоряюсь, но прошу, чтоб старик <знал>, что я против него не виновата.

Ив<ан> Серг<еевич> Тургенев, который недавно писал Ив<ану> П<етровичу>,¹⁰ сочувствует твоим инстинктам землевладельца, дай Бог, чтоб рвение твое не остыло, а теперь со дня на день разница между деревенской и столичной жизнью сглаживается, так что со временем об этом говорить будут, как мы говорим о местничестве и кафтанах. Прощай, друг мой Афоня, поклонись от меня Любиньке и Александру. Будь весел, здоров и пиши нам почаще и побольше, а то твои записки со всяким <разом> сокращаются и не заслуживают названия письма.

Преданная тебе Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 20–20 об.; № 20307. Л. 5–6 об.

¹ Это письмо неизвестно. О болезни брата Л. Н. Толстого Николая см. примеч. 9 к письму 17.

² Сын Борисовых.

³ *Бажанов Алексей Михайлович* (1820-е–1889) — агроном, в 1850-е — 1860-е гг. заведовал образцовым хутором Московского общества сельского хозяйства. В это время им были опубликованы «Опыты земледелия вольнонаемным трудом», выдержавшие два издания (СПб., 1860, 1861). Впоследствии — профессор агрономии в Горыгорецком институте и зоотехник в Лесном институте.

⁴ *Саметёка*, или Неглинная — река в центре Москвы, приток Москва-реки.

⁵ На самом деле последним пристанищем Н. Н. Толстого стал город Гиер на южном побережье Франции, откуда и было отправлено письмо Борисову.

⁶ И. В. Павлов (о нем см. примеч. 14 к письму 20) и его брат Николай были помещиками села Шишкина Мценского уезда Орловской губернии (ОГ. С. 167. № 3485). Шишкино находилось в 51 версте к югу от Мценска, т. е. относительно недалеко от Степановки.

⁷ Имеется в виду Н. К. Боткина (см. примеч. 3 к письму 7).

⁸ *Григорьев Александр Иванович* (1787–1863) — отец Аполлона Григорьева.

⁹ *Дрянский Егор Эдуардович* (1812–1872) — писатель круга А. Н. Островского, известен своей книгой о псовой охоте «Записки мелкотравчатого», впервые опубликованной в 1857 г. в «Библиотеке для чтения» и с тех пор много раз переизданной.

¹⁰ Это письмо Тургенева неизвестно.

22

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

Около 25 октября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой Н. А. Борисовой:

Любезный друг Афоня. Получили мы твое длинное письмо,¹ и не могу не поблагодарить за него. Как жаль бедного милого Н. Н. Толстого;² я заметила что Ив<ан> П<етрович> плакал, узнав о его смерти,³ и понимаю это, потому <что> более приятного человека найти трудно, да и таких, как он был, мало. Теперь нужно ждать Льва Н<иколаевича>, он, верно, там не останется и, проезжая через Москву, я надеюсь, заглянет к нам. 20-го императрица А<лександра> Федоровна скончалась,⁴ по этому случаю театры и все заперто и немо. Но ты ведь враг всевозможных представлений и желал бы, чтоб это молчание продлилось вечно. Ты поклонник лампы, и ей все твои приветствия, и счастлив, что она зажигается для милой, доброй Marie, и ты, быв теперь очевидцем несчастной жизни Любиньки, не удивишься, если я тебе скажу, что я из Москвы бежала в Петербург, чтоб отдохнуть душой от этих раздражающих домашних сцен. Когда я приезжала от отца к ним, я не вполне видела всей страшной раны и, только поселившись жить у них, ясно

осознала неисправимое зло, в котором они оба сидят. Они должны были уже свыкнуться, и об этом говорить нечего. Изменить этого ни они и никто другой не могут. Об маленьком сказать тоже ничего нельзя; он может еще потерять все барские, т<о> е<сть> дикие инстинкты, которые ему с старанием прививают. Он прежде был великим князем Владимиром,⁵ так его называла Вера Алексеевна Лыкова.⁶

Одно мне кажется непонятным: твое измерение дружбы и достоинств людей по степени аккуратности, которую они проявляют с тобою в расплате долгов; по этой мерке Тургенев — гнусный человек, потому что он забывает платить долги, а Афанасьев (приказный в Мценске) образец совершенства, потому что он долгов даже не делает никогда. Это детство, увлечение, которое бы меня злило, если б я тебя не знала; ты всегда к деньгам приступаешь со страхом, как к врагу, с которым ты не знаешь, что делать, вот почему были люди, которые принимали тебя за скупца, и, если б я не имела случая видеть совершенно противоположное расположение и не знала б, что это постоянная, систематически веденная война с своими капиталами, которых ты не умеешь подчинить, а сам им подчиняешься, я готова была бы думать, что ты самый отвратительный сторож золотых, забывая, что это ничего более, как скопленные труды, а не сверхъестественная благодать, сыплющаяся на некоторых избранных. Впрочем, мы к этому делу никто не умеем стать прямо и разумно, а все нацепляем стразы, чтоб их издали приняли за брильянты. Комфорт, Редерер и хорошие люди — довольно приятные условия жизни. Самые задорные из людей спрашивают: зачем жизнь? Зачем они? Но стоит взглянуть на проезжающих по Кузнецкому мосту и Лубянке, чтоб умилиться, глядя на покорность, с какою они живут, бессознательно убежденные в необходимости их самих и всего их окружающего. Им и в голову не приходит рассердиться на судьбу, что она^a вызвала их к жизни для какой-нибудь своей цели как подставку, чтоб сшить сюртук генералу, созданного <sic!>, в свою очередь, вместе с своим портным для, чтоб азот или, не знаю, какой-то газ превращать в кровь, нужную, может, в форме тел для украшения планиды, а зачем сия? Затем, что могла и должна была быть и бысть. А где понятие «должно было», там все рассуждения умолкают. Прощай, друг мой Афоня, обнимаю тебя крепко. Преданная тебе сестра Н. Борисова. Извини за чепуху.

Добрейшая, милая Marie. До пояса кланяюсь за последнее письмо твое, ты меня перенесла в твою комнатку, и оттуда на меня повеяло по-

^a Далее было: из

Е. П. Боткина (Щукина)

А. П. Боткина (Пикулина)

коем и уютностью. Слава Богу, что это устроилось. В декабре буду ждать тебя с напряженным нетерпением и сделаюсь по утрам и вечерам постоянною гостью твоей сестры.⁷ Вчера подъехала к дому Юлии Богдановны.⁸ Ив<ан> П<етрович> спросил, принимают ли, ответ был: ушли-с. Досадно было поворачивать, не выдавшись. Она по своей обычной любезности обещала нам няню. Об Н<иколае> Н<иколаевиче> мы узнали из ваших писем и душевно пожалели. Нового здесь, конечно, ничего, по крайней мере, такого, чтобы всех затрагивало. Об нас я ничего сказать не могу, приедешь — сама увидишь. Время мне показалось недолгим, а когда вы тут будете, то и муж мой, надеюсь, скучать перестанет. Я не только боюсь, что мы надолго расстанемся с весны, но еще и то, что я Степановки не увижу. Это обидно. Ив<ан> П<етрович> целует твои ручки. Петя⁹ тебя и Афоню беспрестанно вспоминает. Прощай, друг мой Marie. Будь здорова и не забывай нас. Твоя Н. Борисова.

Рукой И. П. Борисова (на полях):

Надо, надо на почту, а я *не могу* писать, поглядывая на часовую стрелку, только и успеваю тебя обнять и только — так как-то все грустно. Когда-то вы приедете, если по снегу, то долго ждать. Марьи Петр<овны> целую ручки. И. Борисов.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 11–12 об.

Датируется по упоминанию смерти императрицы Александры Федоровны (20 октября) и по связи с предыдущим, от 20 октября, и последующим,

от 31 октября, письмами (20 октября Борисова сетует на лаконичность писем Фета и в ответ получает длинное письмо. В настоящем письме Борисов замечает: «Когда-то вы приедете, если по снегу, то долго ждать», — а 31 октября Борисова уже пишет: «Вот и снег, и морозы пришли <...>»).

¹ Это письмо Фета неизвестно.

² Н. Н. Толстой умер в Гиере от скоротечной чахотки 20 сентября (2 октября) 1860 г., о чем Фет узнал из письма Тургенева от 3 (15) октября (см.: *Тургенев. Письма*. Т. 4. С. 246).

³ Месяц спустя, 26 ноября, Борисов писал Тургеневу о Н. Н. Толстом: «Я не могу вспомнить об нем без того, чтобы не воскресить перед собою его доброго, умного, мягкого взгляда, и слышу его голос, всегда спокойный, в самых задорных спорах. <...> Я до сих пор не могу свыкнуться с этой утратой и грущу об нем с безотчетными слезами юноши, и седая голова не помогает» (*Хмелевская*. С. 341).

⁴ Вдовствующая императрица *Александра Федоровна* (1798–1860), урожд. Фредерика-Луиза-Шарлотта Прусская, дочь Прусского короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы. С 1817 г. супруга вел. кн. Николая Павловича (с 1825 г. императора Николая I).

⁵ Имеется в виду сын Л. А. и Ал. Н. Шеншиных — Владимир (см. примеч. 6 к письму 6).

⁶ *Лыковы Константин Гаврилович* и его жена *Вера Алексеевна* — небогатая дворянская семья, проживавшая по соседству от Шеншиных, в селе Подбелевец. Фет ребенком неоднократно принимал участие в крещении их детей (*РГ*. С. 43–45).

⁷ Речь идет об А. П. Пикулиной, в доме которой Феты собирались остановиться во время пребывания в Москве зимой 1860/1861 г. (см. об этом примеч. 3 к письму 24).

⁸ О Ю. Б. Шумахер см. примеч. 10 к письму 19.

⁹ Сын Борисовых.

23

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

31 октября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

31 окт<ября> 60. Москва.

Давно тебе не писал, друг мой, Афоня, и все потому, что *некогда*; хотя ровнехонько ничего не делаю, но, кажется, именно только в таком состоянии для меня и существует это *некогда*. Писать ли, говорить ли — все равно молчишь и только чувствуешь сосредоточие пустоты, и как будто на тебе выросли перья обгрызанные, мокрые, и хочется как-ни-

будь их просушить, никак не согреешься. Скоро ли вы-то в Москву. Зима пришла уже и, кажется, можно надеяться на дорожку первопутку. С хлебом ты, верно, уже управился. О работах в поле теперь пора прошла — копанье невозможно. Пересадка тоже невозможна, если у вас такие же морозы, как тут. Ну, насчет строек да перевозок разве необходимых убиваешься, в таком случае — жаль мне тебя, это сквернейшее время: колеса, ноги лошадиные — все ломается. Не забудь вот чем озаботиться: хотя маленьким запасом дров на *весну*. Тогда это будет *горé*.¹ Мы уже вас ждем. Это просто невыносимо, как только подумаешь о Петруше.² Писал ему — и ни гу-гу. Надеялся, что он переползет хоть к вам, и тут то же. Пожалуйста, не мешкая, уведомя о нем, когда получишь от него весточки, — это камчадал.

Об твоём соседе³ я не спрашиваю — как и о том, не уплатил ли? Хоть бы удалось тебе приполучить к твоему отъезду. Думаешь ли ты брать сюда твоих *серых*, если думаешь, то имей в виду следующие цены: сено — 35, а овес из лавки в 8 мере 4 р<убля>, и это самый дешёвый. — Цены же *все* не упадают, а лезут пока в гору. В ожидании *Золото*го века, кажется, мы пройдем чрез Индейские врата⁴ и Сухарную экспедицию,⁵ как в Дарго.⁶ И я заранее подумываю, как пережить это время.

Приедешь, об всем перетолкуем, а писать об этом пока нечего. Все это будет пустоболтание. Тебя *Ситуация* не может приковать так к Степановке, и у тебя горюшка мало. Но нам предстоит еще много кубырдюг, и главное, чтобы к весне быть готовыми хотя с малыми силами на работу. Общий голос несется, что в январе последует провозглашение. — Вчера была у нас Аграфена Николаевна.⁷ Она только что приехала из Симбирска с детьми Вяземского⁸ и отправляе<тся> с ними в *Дрезден*, где они будут жить и *воспит<ываться>*. Все это делается по расчетам экономическим. Там уже завелась *русская колония*. Вот они, какие штуки. Она вам кланяется. А за меня поцелуй ручки Марье Петровне. Обнимаю тебя крепко, будь здоров, будь приезжай к нам скорей.

Твой брат И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Вот и снег, и морозы пришли — скоро ли в Москву, любезные друзья Marie и Афоня? Как я вас жду, об этом и говорить не стану. Когда-то увидимся; стыдно тебе, Афоня, такие дурные чувства к Москве иметь — ты прошедшие годы так хорошо прожил, что жаловаться грех — не понимаю также Ив<ана> Петр<овича>, впрочем, может, действительно мужчинам нужна деятельность, и жизнь без нее тяжела. Я особенно не

веселюсь, да ведь я не юная девица, выезжающая в свет, — но и не скучаю. Неужели мы уедем из Москвы к месту и я не увижу Степановку с ее молодым садом и новыми прудами, это обидно, а случиться может, что мне нельзя с Петрушей поехать в Новоселки, а во избежание лишних переездов отправляться прямо, куда пошлет судьба, для набирания богатств. Ты, кажется, Афоня, поверил 12 т<ысячам>. К сожалению, это утка, если 4 т<ысячи> в год, то и это больше, нежели ждать можно, ты знаешь, что у нас таких цен нет. Как твое здоровье, Marie, рыбий жир производит ли свое обычное действие? Гуляешь ли ты? Осень была исключительно хороша. Кто заказывает кушанья? Как хозяйство женское? Пиши хоть два словечка, и я тебе сто раз die Hand küssen.^a Петя⁹ перестал кашлять, его выносят на воздух каждый день, и все было б хорошо, если б зубки скорей вышли. Появление новых зубов его изнуряет, и он иногда бывает бледен и с расстроеным желудком.

В настоящую минуту у нас денег осталось 10 р<ублей>, из деревни ждем сегодня, или завтра ждем из Фатьяновой объявление, а то беда, придется занять у кого-нибудь или брать на книгу, что всегда дороже и хуже. В эти два месяца мы истратили 1200 р<ублей>, не делая никаких ненужных издержек. Если Афоня сумеет крутлый год жить одной Степановкой, то ему и книги в руки. Это все равно, если бы <мы> жили одними Новоселками. Передайте, пожалуйста, поклон Любиньке и Александру. Как ты позволяешь мужу вино пить, это ему яд, и ты всегда строго за этим смотрела. Отчего теперь дала ему разрешение, а легкие что скажут? Прощайте, любезные друзья. Обнимаю вас крепко. Преданная вам

Н. Борисова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 21–22 об.

¹ *Горé* (церк.-слав.) — вверх. Здесь — в значении «дороже».

² Имеется в виду П. А. Шеншин.

³ Подразумевается Александр Никитич Шеншин.

⁴ Имеются в виду *Андийские ворота* — перевал в глубине Андийского горного массива (Северный Кавказ), который миновала экспедиция графа Воронцова (см. примеч. 6 к наст. письму) по пути на Дарго.

⁵ *Сухарная экспедиция* — тяжелый эпизод Даргинского похода (см. примеч. 6). Отряд, отправленный из Дарго за провиантом через Ичкерийские леса, в кровопролитных боях с горцами потерял около 600 человек убитыми.

⁶ *Дарго* — аул в верховьях реки Аксай (Северный Дагестан), где некогда находилась резиденция Шамиля. Борисов имеет в виду экспедицию против Шамиля

^a руку целовать (нем.).

1845 г., во главе которой стоял генерал граф М. С. Воронцов. Овладев Дарго и потеснив противника, русский отряд оказался окруженным превосходящими силами горцев и при прорыве понес большие потери.

⁷ *Вяземская Аграфена Николаевна* (ум. 1862) — родственница П. П. Новосильцова, вырастившая его детей (РГ. С. 78).

⁸ Князь *Николай Сергеевич Вяземский* (1814–1881) — генерал-майор, крупный помещик Симбирского уезда Симбирской губернии. Был женат на дочери П. П. Новосильцова Екатерине Петровне (1825–1858), которая умерла от чахотки, оставив после себя двоих детей: Зинаиду (1845–1894; в замуж. Нечаева) и Виктора (1848–1875).

⁹ Имеется в виду сын Борисовых.

24

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

6 ноября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

6-го нояб<ря>. 60.

На вести твои,¹ друг мой Афоня, об землемерстве и не оказавшихся 9 десятинах и о приготовлениях твоих к процессу и пр<очих>, пр<очих> следствиях-судбищах не знаю даже, как и говорить с тобою — для меня это возмутительно. Дай Бог, чтобы это уладилось без процессов, а то ты много по испортишь крови и денег, пока решат твою правоту. 1) Нужно еще увериться, не ошибся ли *твой* землемер, возьмешь другого — тот еще найдет неверности, *все это происходило уже со всеми при межевании*. 2) *В купчей* если не было сказано, сколько именно десятин, то и говорить нечего; если же и было сказано сколько именно, *но* вместе с тем определенно указаны *межи*, то вот тебе новая заковыльдюга — да лучше об этом и не говорить издали, тут, когда и носом уткнешься на место, и то множество откроешь путаницы, а издали и конца нет. А лучше скажу тебе, что вчерашний день я познакомился с таким человеком, какого еще не встречал во всю жизнь — это *Бажанов*, директор здешнего хутора, и если ты хочешь, чтобы у тебя дело хуторское шло как по маслу, то должен будешь часа на два съездить к нему и исповедовать все свои болезни и печали, и он тебе все как рукой снимет.²

Что же это, скоро ли декабрь, скоро ли вы-то будете в Москве, но ты стольк<о> описал работ неконченных, что, пожалуй, и в декабре не развяжешься. Авось-ка.

Поцелуй ручки Марье Петровне за меня. Надя вам собралась писать длинное, а мне и сказать хорошенько пока нечего. Обнимаю тебя, твой брат

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Любезные друзья Marie и Афоня. Теперь я ни о чем другом не могу с большим удовольствием писать, как о вашем будущем приезде. Если путь в конце ноября установится, то я умоляю (хотя знаю, что это ни к чему не поведет) Афоню не откладывать, а ехать скорее сюда. Так как вы будете жить у Пикулиных,³ то ни хлопот, ни забот нет, и ты отдохнешь после трудовой жизни, что до пененсов,⁴ верно, вчетверо дешевле, а зимой в деревне занятий особенных нет — ты всегда это сам говорил. Стало быть, нет задержек, и если ты не будешь сочинять, то вам бы славно через три недели сюда подъехать, к тому времени, я надеюсь, что снегу будет на пол-аршина. Об земле ты пишешь какие-то огромные цифры потери — зачем ты не вымерил прежде, чем покупал, таким образом тебя могли более чем на 750 р<ублей> обмануть, а теперь, если Афанасьев⁵ порядочный человек, он, верно, возвратит тебе лишние деньги. На твоём месте я б процесса не начинала, потому что суд не исполнит твоего прошения, а денег тебе придется заплатить много, ты знаешь, как у нас дорого стоит вести какое бы то ни было дело. — Когда твои сараи, твои кухни и все в порядок придет? Что, бывают у тебя затруднения с рабочими? Слухи все более и более подтверждают предположение, что этот год выйдет манифест об освобождении, и мы скоро останемся с нужными людьми и всем откроем дороги на все четыре стороны. Ты спрашиваешь, почему нам не быть в Степановке. Действительно, если мы будем в тех краях, так нет причины не видеть Степановки, но в том-то и дело, что, может, из Москвы на место попадем и, может быть, в противоположной стороне от нашей. Вот что меня сердит, и, если б случилось иначе, я бы очень рада была. Сейчас я прервана была приездом Юлии Богдановной,⁶ и мы, конечно, об вас долго говорили.

Мы денег проживаем тьму тьмушу, 2280 р<ублей> до ноября проскользнули, и к 1-у числу Ив<ан> П<етрович> из деревни получил 350, из которых 150 уже истрачены. Боюсь, чтоб твое предсказание не сбылось и вместо 2 мы бы не истратили 4. Жизнь недорого, а денег выходит бездна. Москательная и другие книги⁷ ничего страшного не представляют, а в целом беда, по 600 в месяц. Приедешь — сам увидишь, я записываю каждую копейку.

Няня наша отходит после рождества и определяется в богадельню, где ей выхлопотали место. Нам трое обещали искать немку и все люди положительные, на которых надеяться можно. Желая от всего сердца, чтоб этот раз выбор был удачнее первого.

Marie все хворает бедная — не забывай нас, я так боюсь, что, живя врозь, ты потеряешь к нам всякое участие, да и Афоня человек минуты — теперь ты пишешь, что мы нужные тебе люди и не принадлежим к разряду ненужных, но пройдет еще несколько времени и новое знакомство займет наши места. А в философию я пустилась по поводу твоих же писем; до сих пор у тебя подле хорошего всегда как будто что-то тревожащее было, да боюсь распространиться, а то так хочется сказать, что ты от <жизни> либо слишком много, либо слишком мало требуешь, но скоро, Бог даст, увидимся, и тогда по обыкновению нападу на тебя. Это правда, что близкого человека приятно побранить. Поклонись, пожалуйста, Любиньке и Александру.

До свиданья. Будьте здоровы. Marie, притащи своего супруга, тебя все ждут с сильнейшим нетерпением и я не из последних. Обнимаю вас крепко.

Преданная вам сестра
Н. Борисова.

От Петруши⁸ мы ни строчки не получали, писал ли он вам это время и будет ли он в Москве?

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 23–23 об.; № 20271. Л. 13–14 об.

¹ Это письмо Фета неизвестно.

² Об А. М. Бажанове см. примеч. 4 к письму 21.

³ В письме к П. Л. Пикулину от 24 сентября 1860 г. Фет называет квартиру на Малой Полянке (которая оставалась за ним до мая 1861 г.) «отдаленной и холодной» и спрашивает разрешения остановиться у Пикулиных будущей зимой: «...не можете ли Вы уступить нам буквально *одну* комнату со столом для нас двух и двух человек: девушки и лакея? <...> Само собою разумеется, что мы не можем подумать о причинении Вам новых издержек по поводу нашего сожителства и потому, познакомившись в продолжение 3-х лет с московскими ценами, я предполагаю, что взнос с нашей стороны в Вашу экономию по 100 рублей сер. в месяц покроют наши у Вас издержки. Впрочем, у себя в доме Вы лучший в этом судья, чем я» (*РГБ*). Пикулины ответили согласием, и Феты прожили у них, по адресу: Петровский бульвар, дом Стрельцова, зиму 1860/1861 г. См. письмо Фета к П. В. Анненкову от 3 января 1861 г. (*ИРЛИ*). О Пикулиных см. примеч. 2 к письму 7.

⁴ *Пененсы* — деньги.

⁵ *Афанасьев* — сын мещанки Марины Васильевны Афанасьевой, прежней владелицы Степановки; он управлял имением матери и вел с Фетом переговоры о его продаже (МВ. Ч. 1. С. 342).

⁶ О Ю. Б. Шумахер см. примеч. 10 к письму 19.

⁷ Книги расходов. В москательные книги записывались расходы на свечи и другие химические товары.

⁸ Имеется в виду П. А. Шеншин.

25

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

12, 14 ноября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой Н. А. Борисовой:

12 ноября 1860.

Снег! Снег! Уже сегодня извозчик один проехал мимо нас в санях; все небо заволокло снеговыми облаками, нужно ждать окончательного появления зимы на днях, стало быть, вы, друзья, можете скоро в путь. Боже, если б скорей. Были б у меня деньги Солдатенкова¹ или Кокорева,² я б отправила с эстафетом 20 т<ысяч>, чтоб вы сюда поскорей прибыли. Marie, не сердись на меня за шутку, право, я не дождусь, как вы приедете. Пенензы наши плачут кровавыми слезами: рассчитываешь, такая-то сумма достанет на 2 месяца, смотришь — по истечении четырех недель не остается из ней ни копейки. Беда, и все дорожает. Овес здесь 5 р<ублей> с<еребром> и по таким же ценам все остальное. Книг своих я спрятать или неверно весть, я не имею никакой надобности, они налицо и верны, как сама правда.

Недавно у^а Солдатенкова был обед по случаю новоселья,³ великолепная ослепительная, — серебряные сервизы с Лондонской выставки,⁴ совершенства и роскоши удивительных. Кокорев, говорят, в последнее время имел много потерь; вот к чему ведут слишком смелые предприятия. Он хотел бы захватить весь мир и на неудачи не рассчитывает, а это дело слишком близкое: как скоро на гору, так уж скоро и под гору идешь.⁵ А все еще он имеет 7 и<ли> 8 миллионо<в>. Третьего дня вечером я была у Кат<ерины> Петр<овны>, все деточки растут и хорошеют.⁶ Няня большая девочка и на отца очень похожа, а старшая, если не подур-

^а Далее было: Кокор<ева>

неет, обещает быть красавицей. Мой маленький, слава Богу, здоров; в хорошие дни гуляет и всегда капризничает. Он уже много говорит. Мы няню нашли через Сарачевых, не знаю, кончим ли мы благополучно, а нам она довольно нравится. Я боюсь ошибиться, переменять их истинное мучение. Прощайте, до скорого свиданья. Напишите, пожалуйста, поточнее, если возможно, около которого числа вас ждать. Обнимаю вас крепко. Преданная вам

Н. Борисова.

Рукой И. П. Борисова:

14 ноя<бря>. Оттепель, и плохо по Москве странникам. Хозяин возил меня, выпуча глаза от удивления. Какая гадость повсюду, а лучше бы всего сидеть дома и не таскаться, а надо, надо. Звездочку запрягают уже.⁷ — Я писал Ивану Федорову,⁸ чтобы он внес тебе оставшийся мой долг. Теперь вот моя к тебе просьба, любезнейший Афанасий Афанасьевич. Если ты получишь с Ал<ександра> Ник<итича> по векселю сполна, то 300 р<ублей> оставь Ивану, а остальные привози нам.

Про жизнь рассказывать нечего: приедешь — увидишь. Сегодня два года уже Петьке, вот это самое важное событие, доказывающее, что время так летит, что нам пора перестать торопить его, то есть поднимать тебе суету.

Поцелуй ручки Марье Петровне за меня. Дай Бог вам скорей благополучно добираться к нам — потолковать будет много о чем.

Твой брат И. Борисов.

Нянюку нашли и авось будет порядочная. Пруссачка, 35 лет, за 100 в год и на отъезд согласна. По-русски почти ни гу-гу, все это подходящая суть.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 15–16 об.

¹ *Солдатенков Козьма Терентьевич* (1818–1901) — купец-миллионер, издатель, коллекционер; близкий знакомый Боткиных. Состояние нажил на торговле хлопчатобумажной пряжей. С конца 1840 г. собирал картины русских художников (коллекцию из 230 полотен завещал Румянцевскому музею), в 1856 г. учредил собственную издательскую фирму, занимался популяризацией работ выдающихся деятелей общественной мысли и писателей (в 1863 г. издал стихотворения Фета). Известен также как один из крупнейших меценатов и благотворителей.

² *Кокорев Василий Александрович* (1817–1889) — крупный предприниматель, коллекционер, благотворитель, меценат. Автор печатных работ по вопросам экономической политики. Разбогател на винных откупах, затем занимался торгово-промышленной деятельностью. К началу 1860-х гг. его состояние доходило до семи миллионов.

³ В 1857 г. К. Т. Солдатенков купил особняк в ампирном стиле (Мясницкая 37, арх. О. И. Бове, А. Г. Григорьев) и несколько лет занимался его перестройкой. Архитектор А. И. Резанов возвел дополнительный объем для парадного вестибюля, придал новое декоративное оформление фасадам, изменил колоннаду портика. В соответствии с желанием хозяина в доме появились комнаты с пышным декоративным оформлением — «помпейская», «византийская», «античная», «мавританская», «светелка». Дом на Мясницкой со временем получил широкую известность благодаря размещенному там художественному собранию Солдатенкова.

⁴ Имеется в виду *Великая выставка промышленных работ всех народов*, проходившая в Лондоне в 1851 г. Из-за участия многих стран вскоре ее прозвали всемирной. Инициативу проведения всемирных выставок тут же подхватили французы, ответившие на вызов англичан всемирной выставкой 1855 г. С тех пор такие мероприятия стали проводиться регулярно.

⁵ Начиная с 1850-х гг. предприятия В. А. Кокорева отличались размахом и многообразностью. В частности, он учредил Русское общество пароходства и торговли с целью укрепления позиций русского торгового флота на Черном море, основал Закаспийское торговое товарищество, стоял у истоков русской нефтяной промышленности, построив в конце 1850-х под Баку первый в России керосиновый завод, активно участвовал в строительстве железных дорог. При его участии в конце 1860-х гг. был основан Московский купеческий банк, а в 1870 г. — Волжско-Камский банк. Кроме того, в 1862–1865 гг. Кокорев возвел напротив Кремля на Софийской набережной крупный гостинично-складской комплекс («Кокоревское подворье»), вложив в него около 2,5 миллионов рублей. Тем не менее после отмены откупов (1863) дела Кокорева пошатнулись, и в конце 1870-х гг. из-за финансовых трудностей ему пришлось распродать свою коллекцию картин. Совсем он не разорился, но прежних возможностей у него уже не было.

⁶ О детях Е. П. Щукиной см. примеч. 18 к письму 16.

⁷ *Хозяин* и Звездочка — лошади Борисова, упоминаются также в письме 17.

⁸ Об И. Федорове см. примеч. 14 к письму 3.

26

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

19 ноября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

19 ноябр<я> 60. Москва.

Вчера только к тебе написали,¹ и сегодня опять на почту, это потому, что твое письмо пришло об Дульцинее Тобосской² — можно ли давать такие промахи. Ты ужасно разобиде<л> Надиньку: зная ее столько времени и все-таки не мог распознать ее, и с слепым упрямством, потому

только, что она носит юбки и кринолины, заподозрил в ней Прелестную Дульцинею. Нет, поднимай выше. Она действительно олицетворяет передовую женщину нашего времени, т<о> е<сть> Дон-Кихотику. Вот тебе работа: садись и воспой. Это будет песнь вековечная. Я бы сам, кажется, обратился в пламя и огненными буквами по всему небу написал эту поэму, но во мне сидит такая ненависть к этим передовым, что лучше молчать. Но ты любишь сам передовых женщин и, следовательно, сделаешь это дело с любовью, и это будет прелестно. Весь мир прочтет твою песнь.

Сегодня мороз в 20 градусов — а третьего дни была теплынь, и Надя жаловалась на жару в комнатах, поэтому печи топили так только, слегка. Ну, вот зато сегодня и плохо — скорей, скорей топить, да пожарче — а солнышко светит так ясно, как будто в Новоселках в июле. Твои вести о Петруше большом нерадостные, я как-то не могу и представить себе теперь его как распятого на кресте в Гравронской Палестине.³ Видно, сам-то Засимыч оказался не силен в процессе,⁴ а кажись бы, всего приличней было похлопотать ветряной мельнице об водяной. Но, слава Богу, что ты уладился с Афанасьевым⁵ без судьбищ, за что себя отдавать на пропятие⁶ Пилатам орловским.⁷ Как мне ни предста<вляется> собственно ваш уголок степановский милым, но, признаюсь тебе, до сих пор не могу, не могу об вас подумать, не зажав носа, — так близко от Ивановского. Недаром Надинька и в октябре обоняла там духи малиновые. Поцелуй ручки Марьи Петровны. Обнимаю тебя крепко.

И. Борисов.

Рукой Н. А. Борисовой:

Покорно благодарю за посвящение меня в тобосские граждане, как жаль, что я не встречаю Дон-Кихота, а если б я вздумала кого назвать этим именем, то боялась <бы> обидеть, несмотря на то, что этот герой уважается и честь его восстановлена. Что Marie на меня сердится, я очень рада, это лучше всяких слов, а за что ты на меня нападаешь, этого я не понимаю и не прошу несомненных объяснений, потому что нет ничего легче, как неверно понять написанное. Что ты теперь счастлив и покоен, я это предвидела и искренно радовалась и радуюсь этому. Да то, что я тебе написала, не имеет ничего общего с теперешним твоим положением — но я иным тебя не знала, как либо впадающим в сплин от неудовлетворенных требований и жалующимся на судьбу, либо уверяющего всех, что тебе ничего не нужно и отрекающегося от всего. Теперь ты, чего я тогда не договорила, в самом лучшем положении, и я понимаю, что это отозвалось тебе покоем и довольством, и слава Богу. Че-

рез две недели мы, верно, увидимся, я с нетерпением жду вас. Вчера утром у нас были твои сестры,⁸ Marie, и они спрашивали, когда именно вас ждать, я на <это> отвечала по твоим словам: в первых числах декабря, но в какой день именно, не знаю. Путь, судя по здешним дорогам, должно быть, установился, сегодня, верно, до 15-и градусов мороза, и снегу довольно в прошедшие дни выпало, так что почти все уже на санях ездят. До свиданья, будьте здоровы, не предсказывай себе, Афоня, заранее скуку, может, ты останешься доволен Москвой. Забыла тебе объяснить, почему я находила жизнь здесь недорогой. Цены здесь были следующие: хлеб — 1½ к<опейки>, капуста — 5 к<опеек>, крупа, ф<унт>, — 4, говядина лучшая, филе, — 7 к<опеек>, овес, ч<етверть>, — 3 р<убля> 70. Теперь мясо — 9 и 10, овес — 4.99 к<опеек>, капуста — 7 к<опеек>, свечи стеариновые с 28 на 30 к<опеек>, ждут повышения на хлеб. Когда я тебе писала, я была права, потому что во Мценске цены не ниже. Говядину мы покупали 1½ года по 8 к<опеек>, а здесь было по 7 к<опеек>, стало быть, дешевле; а что у меня средств нет жить в Москве, то относительно меня тут дорого жить, а говоря вообще, здесь цены на все были невелики. Прощайте. Поклонитесь, пожалуйста, сестре и Александру Ник<итичу>, ты не пишешь, Marie, часто ли вы видите. Фонари и верховые уже действуют у вас — без этого невозможно. Целую вас крепко.

Преданная вам

Н. Борисова.

19 ноября 1860.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 24–24 об.; № 20271. Л. 17–18.

¹ Это письмо Борисовых неизвестно.

² Это письмо Фета неизвестно.

³ П. А. Шеншин был помещиком деревни Грайворонка (Васильевка) Землянского уезда Воронежской губернии.

⁴ Речь идет о судебной тяжбе П. А. Шеншина с купцом Алексеем Кузьмичем Бондаревым. Брат Фета владел небольшим имением в Ливенском уезде, деревней Слободкой на реке Тим, главную ценность которой составляла водяная крупчатая мельница. Бондарев, хозяин соседней мельницы, находившейся ниже по течению реки, желая увеличить силу собственной крупчатки, построил плотину, подтопившую колеса крупчатки Шеншина. В связи с этим Шеншин начал процесс, длившийся несколько лет и заверченный уже Фетом, следующим владельцем Слободки (*МВ*. Ч. 1. С. 419–420).

⁵ См. об этом письмо 24 и примеч. 5 к нему.

⁶ *Пропятие* (книжн., устар.) — распятие.

⁷ В Орле находилась палата гражданского суда.

⁸ О сестрах М. П. Фет см. примеч. 11 к письму 19.

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

24 ноября 1860 г. Из Москвы в Степановку

Рукой Н. А. Борисовой:

24-е ноября 1860.

Неделю назад я думала, что пишу вам в последний раз, теперь, через 10 дней, вы, Бог даст, наконец, здесь будете,¹ и я становлюсь довольнее, хотя жду с большим нетерпением.

На днях мы переменяли няню, не знаю, как будет новая — она пруссачка, только шесть <недель?>, как в Россию приехала, не говорит по-русски, и Петя начинает быть немцем, что необходимо. Не понимаю, отчего вы не получали наших писем, я каждую неделю отправляла в Орел свои послания, почта исправна, а Ив<ан> П<етрович> всегда почти сам бросает пакет в ящик.

Вчера, 23-го, мы вспоминали о тебе, Афоня,² и заочно желали всего лучшего новорожденному. Ты без Валтасара ни на шаг, впрочем, теперь ты живешь у самого храма балов и пиршеств.³ Вот мы здесь три месяца живем, и дух Валтасара ни разу не был возрадован нами: ни одного дине,⁴ ни вечера, и если б такая мысль и пришла, то флигель Миллера представил из себя бочонок сельдей.

Здесь я нашла старуху (мать фортепианиста, у которого мы взяли напрокат фортепиано), взявшуюся продавать мне все ненужные вещи. Она мне продала все мои старые тарлатановые⁵ платья, которыми я могла с пользой печь топить, на 20 р<ублей>, и другие наряды обещает выгодно сбыть, так что, я думаю, все издержки, которые я должна была сделать для моего туалета, покроются вырученными деньгами за совершенно ненужные вещицы.

Когда ты приедешь сюда, Marie, я надеюсь, что мы всякий день видеться будем, я без зазрения совести буду надоедать Анне П<етровне>,⁶ она так добра, что сама пригласила меня почаще с ней видеться.

Мы выписываем «Моск<овский> вест<ник>» и вот три месяца не получаем его,⁷ не посылают ли его в деревню? Не понимаю. Это только у нас могут быть такие беспорядки.

Ив<ан> Фед<оров> хотел быть к вам, чтоб просить доставить нам деньги и пастилу, которую Мансурову зять Новосильцева⁸ просит послать ему за границу.⁹ Об службе Ив<ана> Петр<овича> нет ничего решенного. Ив<ван> Петр<ович> Новосильцев будет, может, на днях здесь и тогда привезет, может, что-нибудь положительное об этом деле,

которое он обещал устроить. Прощайте, до скорого свиданья. Будьте здоровы. Обнимаю вас крепко.

Преданная вам
Н. Борисова.

Рукой И. П. Борисова:

Время летит быстро — а вас нет так долго, что все это вместе выходит несуразно. Недаром 23 и мне *захотелось* позавтракать колбаской и лимбургским задирательным сыром, это все потому, что у вас в это время начинали достодолжный мамонник.¹⁰ Только шипучкой мы не спрыскивали твой сорок, и это потому единственно, что тебя не было с нами налицо, а когда отыщешься, то учиним этот священный обряд. Не знаю, узнает ли тебя Петька, но часто вспоминает, и ты пользуешься у него благоволением постоянно. Все эти дни мы измучились переменной няни, решительно дело не ладится, и Петруша ей только и говорит, что *не смотри и уйди*, да, кажется, последнее скажу ей и я, какая-то разварная под сладким соусом с цедрой. Как она понравилась Наде на первом свидании, так, напротив, теперь делается противной, я же хоть и мало надеюсь на цедру, но не отчаиваюсь, *авось*. В два дня не узнаешь, особенно, когда видишь, что еще дело и не тронулось с места. Рысак запрягли, но еще не пуцали, авось и побежит, правда, что кучером-то сидит в *очках* Петруша, да авось...

Надеюсь теперь скоро свидеться и умолкаю. Ивану Федорову¹¹ я писал, чтобы уплатил тебе долг и с тобою выслал бы нам малую толику. Пожалуйста, назначь ему, когда выехать к тебе во Мценск или куда, чтобы это порядком исполнить, и если у тебя пойдет *обоз*, то захвати что из нашего. Поцелуй ручки Марьи Петровной, поздравь ее и с 23 и 24, Катерины Петр<овны>¹² сегодня именины и, вероятно, праздникам праздник. Будь здоров,

до свидания, брат И. Борисов.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20271. Л. 19–20 об.

¹ 26 ноября 1860 г. Борисов писал Тургеневу: «Ждем в первых числах декабря Фетов <...>» (*Хмелевская*. С. 341).

² 23 ноября — день рождения Фета.

³ Имеется в виду дом Л. А. и А. Н. Шеншиных в Ивановском.

⁴ От франц. *dîner* — обед. Здесь — в значении «званный обед».

⁵ *Тарлатан* — легкая хлопчатобумажная или шелковая ткань, похожая на кисею, из которой шили женские платья.

⁶ Речь идет об А. П. Пикулиной (см. примеч. 2 к письму 7).

⁷ «Московский вестник» в 1861 г. слился с двухнедельным литературным журналом «Русская речь», но и это издание просуществовало недолго: в 1862 г. вышел только один его номер. 19 декабря 1860 г. Борисов писал Тургеневу: «Я Ивана Ва-

ильевича Павлова <...> расспрашивал об „Мос<ковском> в<естнике>“ по случаю неполучения мною их журнала, который так и пропал для нас. Вот что он мне сказал, что дела их расстроились от безденежья, т. е. *потери подписчиков*, и от *множества хозяев* <...>» (*Хмелевская*. С. 343).

⁸ Зять П. П. Новосильцова — кн. Н. С. Вяземский (см. письмо 23, примеч. 8).

⁹ Возможно, пастила предназначалась *Александру Павловичу Мансурову* (1788–1880), брату покойной первой жены Новосильцова, бывшему в 1857–1866 гг. посланником в Гааге.

¹⁰ От *мамона*, *мамон* (церк.) — брюхо, желудок. *Мамонник* — пир.

¹¹ Об И. Федорове см. примеч. 14 к письму 3.

¹² Имеется в виду сестра М. П. Фет — Е. П. Щукина.

28

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. Фет

Начало февраля 1861 г. Из Новоселок в Москву

Рукой Н. А. Борисовой:

Верно, тебе Афоня описал уже наше несчастное путешествие,¹ он всю дорогу мучился о том, как ты доедешь, и действительно, есть о чем побеспокоиться, ухабов миллионы, раскаты один за другим следуют почти непрерывно, так к вечерам на станциях не было свободной комнаты от ночующих. Мы завязли подле нашего леса (который, слава Богу, стоит цел и невредим и, надеюсь, будет нетронут) и доехали в маленьких санях, проезжавших тут, по счастью, с нашим садовником. Теперь все размещены, и новый флигель должен кряхтеть от груза, наставленного на его пол во всех углах, и даже в середине комнат наставят разной формы и разного дерева мебель, напоминающая <sic!> собой лавки *big-a-bag*.^a С каким наслаждением я рассматривала вчера привезенную часть «Русского вестника». Катков — истинный благодетель деревенских жителей. Здесь только вполне ценишь его. По словам Ив<ана> Петр<овича> я думала, что он, приехавши в деревню, бросится на дела, но мы по-прежнему встаем в 8½ часов, занимаемся чем-нибудь слегка, понемножку и большей частью сидим дома. Хозяйство мое совсем как-то прячется за кулисы, и я его уловить не могу. Жду с нетерпением приезда Афони; в деревне чувствуется потребность поговорить об индейках и т<ому> п<одобном>, и Афоня для этого незаменим. Он скупает, должно быть, и чаще ездит в Ивановское, завидно, да и только. Я его просила привезть Любиньку, а муж готовит ей торжественный прием.

^a старья, подержанных вещей (*франц.*).

Эти дни Петя сильно кашлял, Симон² дает ему порошки, но они мало помогают. М-те Симон все так же свежа и мила, обещала бывать в Новоселках и нас приглашала к себе; ее дочь, очень умная девочка, играла с Петрушей как большая, а тот раскричался, и его принуждены были вынести в пустую комнату. Пиши мне, как твое здоровье и как без Афони поживаешь. Поклонись, пожалуйста, всем своим от меня. Преданная тебе Н. Борисова.

Рукой И. П. Борисова:

Милая Марья Петровна.

Только и могу Вам сказать, что, слава Богу, доехали живыми и кое-как здоровы<ми>. Но зато как у нас тепло — чудо. При выезде из Москвы я чуть было не лишился пальца, прихлопнули дверцей возка.³ Афоня расстался еще во Мценске — здоровым и нетерпеливейшим как обыкновенно.

Дай-то Бог, чтобы Вам дорожка была попокойней. Заезжайте к нам — все-таки выгадаете сокращением пути. Целую Ваши ручки. Всем, всем прошу поклониться. Надинька все еще смотрит в «Моск<овских> вед<омостях>», что в театре. Брат Ваш И. Борисов.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20307. Л. 13–14.

Датируется по содержанию (см. примеч. 1 к наст. письму).

¹ Борисовы и Фет выехали из Москвы, вероятно, 30 января — эту дату предстоящего отъезда «на родину» сообщает Борисов в письме к Тургеневу от 8 января 1861 г. (*Хмелевская*. С. 346). Марья Петровна на некоторое время осталась в Москве у братьев, Фет же отправился в Степановку, чтобы до весенних дождей перекрыть крышу дома (*МВ*. Ч. 1. С. 363).

² Об А. А. Симоне см. примеч. 4 к письму 12.

³ *Возок* — санный экипаж с закрытым кузовом. Он предоставлял ездуку все удобства, кроме отопления: мягкое сидение, теплые покрывала, свет через окошки.

29

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. Фет

24 февраля 1861 г. Из Новоселок в Москву

Рукой Н. А. Борисовой:

Как ты меня обрадовала письмом, милая Marie; муж твой был у нас, когда с почты принесли твое послание, все к лучшему — дом ваш к тво-

ему приезду, по словам Афони, будет совсем готов; как он уладит все, не понимаю, но он торжественно объявляет, что к маю все отделается. Ты пишешь, что жалеешь о большом расстоянии между Степановкой и Новоселками, что я об этом думаю, боясь упреков за преувелич^{ен}ие, я тебе не скажу. Живи не так, <как> хочется, как Бог велит, — вот благо-разумное правило, и хотя иногда Бог велит жить в подворотне покры-тым проказой, как Иову, например, а все будь доволен. В деревне теперь отлично — весна чувствуется во всем: в воздухе, в деревьях, но здесь нет ни Ристори,¹ ни Садовского² и ни одного концерта. Ты напрасно тревожишься об Афоне и ждешь перемен его решений, об этом не бес-покойся, он вдвойне рад, что ты осталась: во-первых дорога, а еще дом. Я от тебя не скрою, что он без тебя очень, очень скучает, но невозмож-ное делает один Бог. На Масляной³ Афоня обещал опять быть у нас — но я ясно вижу, что часто видеться нам нельзя. Я была на днях в Волко-вой⁴ и приехала оттуда. Дома меня спрашивали, не больна ли я, и дей-ствительно, взглянув в зеркала, я сама удивилась своему бледному и исхудалому лицу. Елиз^{вета} Дм^{итриевна}⁵ опять, не дождавшись моего визита, приехала к нам, просидела почти до 11 ч^{асов} и этим за-ставила меня подняться к ней — у них будет вечер, на который они нас приглашают, музыка твоей соседки Мовчиной⁶ увеселяет Мценск и его окрестности, в том числе и Волкову. Поклонись, пожалуйста, всем тво-им, а когда увидишь их — и Сарачевым. Прощай, друг мой, будь здоро-ва, и весела, и покойна, за комиссию и желание исполнить и другие ты-сячу раз благодарю. Преданная тебе

Н. Борисова.

24 февраля 1861.

Рукой И. П. Борисова:

Милая Марья Петровна, я радуюсь за Вас, что вовремя еще успели остановить на пути к нам. Понимаю, что Вам есть лишения и в разлуке с Афоней, но и жить в Ивановском невесело — а с нами тоже не видали бы и Афони, и не пользовались бы хотя маленькими развлечениями Москвы.

Дороги почти уже прекратились, ухабы как-то искривились до без-образия и кувырканы страшное. Надинька попробовала съездить в Вол-ково к Ник^{олаю} Ник^{итичу} и поплатилась страданиями. Я же опять было попался под *головные* мои боли, но *Симон* заговорил скоро гомео-патией.⁷

Пожалуйста, если к Вам явится от Анюты⁸ посланный за *ее* вещами, направьте его к Миллеру.

Я теперь тоже хлопочу с домом, но не с такой быстротой, как Афоня, дай Бог, чтоб к сентябрю уладить все. — В нашей стороне все тихо и спокойно, у Тургеневых еще не мог быть, все некогда и болен, а об других здешних Вас не об ком и уведомить.

Прошу за нас всем, всем Вашим искренно поклониться. Каково-то здоровье Анны Петровной,⁹ что ее глазки — они оттого болят у нее, что она не хочет ими посмотреть в нашу сторону.

Целую Ваши ручки. Желаю поскорей Вас здоровенькою увидеть в Новоселках.

Брат Ваш
И. Борисов.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20307. Л. 7–8 об.

¹ *Аделаида Ристори* (Ristori; 1822–1906) — знаменитая итальянская трагическая актриса, в 1860–1861 гг. с большим успехом гастролировала в Петербурге и в Москве.

² См. письмо 20, примеч. 6.

³ В 1861 г. понедельник Масляной недели пришелся на 27 февраля.

⁴ Подразумевается Ближняя Волкова Н. Н. Шеншина, см. письмо 15, примеч. 6.

⁵ Имеется в виду *Елизавета Дмитриевна Шеншина* (урожд. Карпова), жена Н. Н. Шеншина (см. примеч. 4 к наст. письму).

⁶ Имеется в виду оркестр крепостных музыкантов *Елизаветы Андреевны Мовчан* (ум. ок. 1869), вдовы действительного статского советника, проживавшей в усадьбе при селе Никольском. Фет вывел Мовчан в своих мемуарах под фамилией Горчан (*МВ*. Ч. 2. С. 152–159). «Довольно сносный» оркестр Мовчиной упоминается в письме Фета к В. П. Боткину от 1 ноября 1868 г. (*Переписка с Боткиным*. С. 531).

⁷ Об А. А. Симоне см. примеч. 4 к письму 12.

⁸ Речь идет о сестре Борисова А. П. Казначеевой, см. примеч. 14 к письму 4.

⁹ Имеется в виду А. П. Пикулина (см. примеч. 2 к письму 7).

30

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. Фет

17 марта 1861 г. Из Новоселок в Москву

Рукой Н. А. Борисовой:

Не знаю, любезный друг Marie, когда попадет к тебе это письмо, хочется поболтать с тобой, рассказать, что теперь у нас творится. Более недели мы заперты со всех сторон и, как Авраам сказал богатому, отка-

завшему больному Лазарю в хлебе, что ни от вас к нам и от нас к вам никто перейти не может потому, что между раем и адом бездна,¹ так и мы с Степановкой теперь находимся в таком же положении. Если б хоть к Святой² это изменилось — скучно так долго не видаться. Несколько дней я не выходила — сегодня пять минут погуляла по двору и надыхалась весной. Ив<ан> П<етрович> отправился за письмами и газетами сам пешком в Мценск, я думала, что он шутит и не приготовила писем, но с 9 часов утра он исчез и, нужно полагать, что перешагнул через Зушу и возвратится с добычей. В то время, как я писала предыдущее, возвратился путешественник, нигде не останавливаясь и не отдыхая, принес пакеты журналов и газет. У нас уже всем объявлена свобода и воля. В газете «М<осковские> в<едомости>» мы прочли манифест,³ Ив<ан> П<етрович> сейчас же созвал здешних крестьян и при них, объясняя, все прочел вслух.

Все тихо, мирно, иногда делаются маленькие отступления, но когда же этого не было. Кажется, я не воспользуюсь твоей любезностью и не буду беспокоить тебя комиссиями. В достославном Мценске многое найти можно — подивись, даже носовые платки батистовые, которые сегодня купил Ив<ан> П<етрович> для меня и для Петруши.⁴

Он меняет белье в старом флигеле, а здесь ждет его сельдь и разные съедомости, потому что под глазами от голода образовались синие ямы. Петя спит, он растет, слава Богу, здоров, несмотря на постоянное прорезывание зубов. Нянюшка его бывает больна в известные периоды самым неприятным образом. В последний раз, в самое то время, как мы сели за стол, из ее комнаты послышались звуки Friedrich-heraus⁵ с неимоверным трудом. Она теперь более занимается маленьким, и я ею довольна. Прощай, кланяйся всему лону.⁵ Пиши, пожалуйста,

преданной

Н. Борисовой.

17. Март.

Рукой И. П. Борисова:

Милая Марья Петровна, совсем Вы нас забываете и редко подаете о себе весточки, точно как будто уже попали в Степановку, которую я теперь по опыту считаю отдаленною на неизвестное расстояние. Афоню мы не только совсем не видим, но и писем от него нет и даже слухов никаких, хоть Вы дайте об нем весточку, и так, верно, продлится до мая месяца. Хотя бы Вы поскорей приезжали, тогда, надеюсь, и его бы вы-

⁵ рвоты (нем.).

тащили из страны готтентотов. — Освобождение крестьян не произвело той живой радости, какая должна бы проявиться между людьми, получающ<ими> свободу, ее встретили как-то равнодушно. Причина тому, разумеется, не сожаление о крепостной зависимости, а неисполнившееся ожидание насчет дарового надела земель⁶ и неизвестность о будущих начальниках. Теперь уже оказывается гораздо более исправности в работах, чем было в эти годы, и мне не приходилось ни с кем ссориться. Обещают и вперед жить ладно. У нас начинаются уже стройки и ломки с домом, и дела теперь много, едва успеваю *почитать* Надиньке, ее глаза очень плохи. Но здоровье вообще ничего, слава Богу. Петруша тоже, доделывает уже остальные зубы, только много капризничает; то в дружбе со всеми, то воюет. Дай Бог, чтобы Вы поскорей успокоились добрыми вестями об Василье Петровиче⁷ и чтобы Анна Петровна⁸ на Вас смотрела здоровыми глазками. Пожалуйста, поклонитесь ей за меня, и Павлу Лукичу, и всем, всем Вашим добрым родным. Погода у нас прелесть — прилетели жавронки. Зуша разливалась великолепно, и воды было много, выходила из берегов и оставила громадные льдины на той дорожке вдоль берега, по которой отправлялись на купанье. Все это время мы живем в совершен<ном> уединении, и даже мимо Новоселок никто не проедет, и Надинька порою очень скучает. Только обещанием будущей зимой устроить путешествие в Москву немножко оживляется. Что Вам рассказать хорошенького про нашу страну, богатую только видами. Надо быть самим на месте и жить тихою, мирною жизнью, а описывать невозможно. Авось скоро и Вас увидим, а пока, пожелав Вам здоровья и поцеловав Ваши ручки,

душевно преданный

И. Борисов.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20307. Л. 9–11 об.

¹ Н. А. Борисова имеет в виду Евангелие от Луки (16: 19–31).

² В 1861 г. Пасхальное воскресенье пришлось на 23 апреля.

³ 19 февраля 1861 г. Александр II подписал Высочайший манифест, где возвестил, «что крепостные люди получают в свое время полные права свободных сельских обывателей». Наряду с Манифестом было подписано «Положение 19 февраля о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», которое включало в себя 17 законодательных актов. В «Московских ведомостях» эти документы не публиковались. Манифест зачитывался в храмах Петербурга и Москвы 5 марта 1861 г., в других же местах Российской империи позднее, в Орле — 9 марта. Кроме того, экземпляры Манифеста и Положения рассылались всем помещикам, а также в крестьянские общества. В заметке, посвященной этому событию, знакомый Фету и Борисову А. Карпов писал из Орла: «9-го марта происходило в здешнем соборе и

во всех церквах чтение Высочайшего манифеста; <...> в ночь 7-го марта, на первой неделе поста, он был привезен в наш город присланным сюда по высочайшему повелению свиты его величества генерал-майором графом Толем. Немедленно приняты были меры для наивозможно скорейшей рассылки Манифеста во все уезда и по всем приходам, и в конце этой недели все народонаселение Орловской губернии уже извещено о великом событии в жизни русского народа» (Орл. губ. вед. 1861. Ч. неоф. 11 марта. № 10. С. 147).

⁴ Сын Борисовых.

⁵ См. примеч. 19 к письму 16.

⁶ По «Положению 19 февраля» крестьяне получали личную свободу и право распоряжаться своим имуществом. Помещики сохраняли право собственности на всю принадлежащую им землю, включая ту, что находилась в пользовании крестьян. За пользование своими усадьбами и наделами крестьяне должны были по-прежнему отбывать барщину или платить оброк. Закон признавал такое состояние временным, поэтому лично свободные крестьяне, несущие повинности в пользу помещика, назывались «временнообязанными». Приобрести свои наделы в собственность, освободившись тем самым от повинностей, бывшие крепостные могли по заключении выкупной сделки с помещиком. По закону крестьяне должны были одновременно уплатить помещику около пятой части обусловленной суммы, остальную же часть уплачивало государство. Но крестьяне обязывались возвращать государству полученную ссуду (с процентами) ежегодными платежами в течение 49 лет.

⁷ В. П. Боткина внезапно поразила болезнь, вследствие которой он почти утратил зрение (*Переписка с Боткиным*. С. 295).

⁸ Имеется в виду А. П. Пикулина (см. примеч. 2 к письму 7).

31

Н. А. и И. П. Борисовы — М. П. и А. А. Фетам

29 сентября, 2 октября 1861 г. Из Новоселок в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

29 сент<ября>.

Милостивый государь, сиречь
Его высокоблагородие батюшка
Афанасий Афанасьевич,
Чем!
Мы Вас, о сударь, прогневали,
Чем!

Мы Вам, о сударь, опостылили... Ил-л-ли! не боится Бога,
Ил-л-л-л-ли не почитаеши, о сударь.

Нет от Вас ни духу, ни слуху. Нет об Вас и весточки.¹
Не сиди с Марьей Петровной в Степановке — не журился.
Приезжай в Козюлькину — подивися
Ил-л-ли
На мое послание отзовися.

Все у нас, слава Богу, благополучно. Все здоровы, и Надя, и Петька, и я. Пустились бы к вам, но до сих пор еще не оконпачу и не замажу щелочек — то там окажется, то в другом месте, а зевать нельзя, а то зимой замерзнем. — Молотьбы еще не начинал — веялка не готова. Потом, столько делов по мелочи, что господи помилуй, а время прелестное. Если бы вам бы, да к нам бы, было бы хорошо зазимок встречать. А то Надинька уже и сама собирается, хотела тоже написать, но, видно, не дождусь ее, еще спит, и в город пора, нужно оттуда говядины, а то пить-есть нечего.

Вчера в «Современнике» за август напали на комедию «Старая школа»² и до слез читали, поплачешь и ты, хотя совершенно в некрасовском духе.

Марья Петровна, неужели и Вы не хотите к нам — вспомните, что приближается зима, т<о> е<сть> вы в Москву и Бог весть, сколько времени пройдет, пока опять свидимся. На днях к нам заезжал С. М. Сухотин³ по пути в Москву, и Вам и Афоне свидетельствует свое наиглубочайшее. Теперь, Афоня, взываю к твоему мировому посредничеству. Что же, когда же, наконец? Если ты не усматриваешь о уплате нам Алекс<андром> Никит<ичем>, то остается два средства покончить с ним (2). Попытаться, не купит ли кто этого векселя, а уж если никто не найдется, так ничего более не остается, как представить ко взысканию. Он все с своей стороны сделал уже, чтобы потерять всякую снисходительность. Поэтому захвати с собою вексель, когда пустишься в нашу сторону. Деликатничать с подобными господами нечего. Надеюсь, что наконец он разочтется с нами, я сам остался без копейки и должен занимать.

Не получал весточек от Ивана Сергеевича,⁴ нет ли у него марьяжа. Как часто вспоминается Николай Толстой, сегодня хочу проехать в его сторону с собаками. Охотишься ли на вальдшнепов? Я ни разу не выходил — без собаки скучно, а Принц⁵ от рук отбил, хоть на осину. Зайчиков мало. Обнимаю тебя, моя милая, крепко. Твой друг и брат И. Борисов.

На полях:

Письмо-таки опоздал отправить. 2 окт<ября>.

Рукой Н. А. Борисовой (на полях):

Жаль другой листик брать, поэтому пишу в тесном пространстве. Переезжайте — в Калашниково⁶ я сама впрягусь в воз, на котором повезут козу.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 25–26 об.

¹ Феты совсем недавно гостили у Борисовых: домой они вернулись около 25 сентября (*Переписка с Боткин*. С. 302, 306). В сентябре в Новоселках отмечались именины Надежды Афанасьевны, в связи с чем Борисов писал к Тургеневу 12 октября 1861 г.: «17 справляли торжество из торжеств. <...> Юный фермер был в отличном расположении и очаровывал всех» (*Хмелевская*. С. 351).

² Комедия М. Г. Стопановского «Старая школа (Из воспоминаний сороковых годов)» опубликована в журнале «Современник»: 1861. № 8. С. 281–324.

³ О С. М. Сухотине см. письмо 12, примеч. 6.

⁴ Имеется в виду И. С. Тургенев.

⁵ *Принц* — легавая собака, подаренная Борисову П. А. Шеншиным, упоминается в письме к Тургеневу от 27 февраля 1861 г. (*Хмелевская*. С. 349).

⁶ *Калашниково* (Чахино, Тулино) — деревня в 10 верстах от Мценска; некогда принадлежала полковнику Платону Гавриловичу Туленинову, крестному отцу Борисова (*ОГ*. С. 161. № 3351.; *РГ*. С. 182–183.).

32

Н. А. Борисова — М. П. Фет

22 ноября 1861 г. Из Новоселок в Степановку

Любезный друг Marie. Ты меня упрекала в лени, а в то самое время у Ив<ана> П<етровича> на столе лежало письмо к тебе от нескольких дней. Прочитай то, что пишет муж, узнаешь о новосельском столпотворении: аллеи рубят,¹ баранов собаки рвут, с работами гистории, это там, в доме;² няня опять больна, и мы ее, хотя с большим сожалением, отправляем завтра;³ паром ходить не может, и мы с великим трудом добыли муки, без чего существовать нельзя. Афоню поздравляю с днем Ангела,⁴ если б снег, увидев сильное мое желание быть в Степановке, сошел завтра в глубину на ½ арш<ина>, я б 23⁵ к 3 пополудни имела б блезир⁶ подкатить к вам, так хочется послушать успокаивающую твою речь с выразительными жестами. Приезжай, пожалуйста, хоть по пути в Москву. Целую тебя и Афоню. Н. Борисова

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20307. Л. 12.

Датируется по содержанию и по связи с письмами 31 и 33.

¹ 25 декабря 1861 г. Борисов писал Тургеневу: «Воровство по-старому, *тихонечко полегонечку*, как выразился недавно старик Яков Мосин, когда его поймали, что вырубил наши березы из аллей» (*Хмелевская*. С. 354).

² В 1861 г. Борисов перестраивал новосельский дом, внутренние работы затянулись до осени (см. письмо 31).

³ О найме новой няни см. письмо 33.

⁴ Судя по упоминанию предстоящего отъезда Фетов в Москву, письмо было написано поздней осенью. Очевидно, Борисова имела в виду не именины Фета (22 февраля), а его день рождения — 23 ноября.

⁵ «Завтра» и «23» дают основание для точной датировки письма — 22 ноября, накануне дня рождения Фета.

⁶ *Блезир* (шутл.) — от франц. *plaisir* — удовольствие.

33

Н. А. и И. П. Борисовы — А. А. Фету

2 декабря 1861 г. Из Новоселок в Степановку

Рукой И. П. Борисова:

(21 ноября). Как тут очутилось, не знаю, а сегодня 2 дек<абря>, день антихриста Буонапарта.¹ — Ожидаем! Ожидаем! Мы приезда твоего и сердцами восклицаем: «Он дороже нам всего» (все это из гимна Михаилу Павловичу,² но хорошее все кстати). Вези поскорей хотя Марью Петровну к нам, все будете ближе на две станции к Москве, а пока на *сосе*³ нет ни снежинки. Почта опаздывает по трое суток, а там, как дорожка, то вас уже не удержишь никакими прелестями. О Господи! Когда же можно будет вздохнуть от бурь и житейских непогод. Трудно. У меня еще ничего и готового нет к продаже, не знаю, право, как и чем оборачиваться. Только и остается стонать, да за волосы приподниматься.⁴

Нянюшки нет еще, и поэтому все минуты дня и ночи мы с Надей делим в няньчании, и дела не делаешь, и много что нужно. Нянюшку нашли в Орле и в четверг за ней посылаем. Разыскивал Ив<ан> Федор<ов>⁵ и говорит, что, кажется, ничего немка, только толстоты непомерной, авось эта будет здоровяк. Тебе хорошо подсме<иваться> над моими отчаянными подъемами, я бы тебя посадил на *денек* в мою кожу, и если бы выдержал, то уж вернулся бы в Степановку Диогеном. Ты баловень, и чем судьба к тебе милостивей, тем ты задорней. Я не шутя запасуюсь волчьей шкурой. Зимой надо будет непременно выть, других средств не знаю. — Пшеницы приняли *две*, а не три ч<етверти>, за остальную теперь послать невозможно, у нас нет снега, только колчуги⁶

торчат. Ящики приберем. Возок твой снарядим. Не лучше ли тебе будет ехать в нашем Ковчеге?⁷ А? Ну да это увидим.

На полях:

У нас такая поднялась метель, что, если не уймется, задержу твоего посланного, зги божией не видно.

Рукой Н. А. Борисовой:

Открывая Афони письма, знаешь заранее, что в них кулачный бой с невидимыми силами и стихийный разлад, как перед светопреставлением, да уж не народился ли где антихрист, который коварно запутывает все нити степановского ткача. Там в беспредельность улетит соха, там какой-то дух толкает жеребенка в колодезь, там Тит набирает вольнодумства и, занося ногу на равенство, объявляет, что круг, начертанный ему, узок и жмет его, что он жить может, но не дышать.⁸ Но ведь молотилка в порядке, матки на свет Божий тебе в вечное пользование, наплодят себе подобных прекрасных созданий, пшеницы наполняют житницы твои, и, яко действительное чудо вместо коробочки, купленной тобою у вальсера Ельна или Голицына, из Степановки набралось видимо-невидимо, да Степановка истинная чародейка, а ты все воплями оглашаешь ее и заражаешь воздух желчными испареньями. Умилишь душой и возблаговари Бога за все неисчислимые дары Его. Как бы мне хотелось поскорей увидеться с вами и настроить тебя согласно требованию Господа Бога. Коли мои слабые труды не исчерпают из души твоя все козни дьявольские и не ощутишь ты покоя и сладкого довольства, якобы в преддверии райском находишься, тогда обращу смиренные мольбы мои к преподобному отцу Дмитрию, пастырю доброму.⁹ Он произведет нужный переворот в внутренности твоей, и будет ти благо, и долголетен будешь на земли. Мы вкушаем мир, каковой и вам желаем по-родственному. С великим нетерпением чаем узрети вас в обителище нашем.

Целую вас крепко.

Н. Борисова.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*. № 20272. Л. 27–28 об.

¹ День 2 декабря (по грегорианскому календарю) отмечен важными событиями, связанными с именем Наполеона: 2 декабря 1804 г. состоялась его коронация, а год спустя, 2 декабря 1805 г., он одержал блестящую победу при Аустерлице.

² Возможно, имеется в виду вел. кн. *Михаил Павлович* (1798–1849) — четвертый сын Павла I, бывший с 1831 г. главным начальником военно-сухопутных кадетских корпусов (Борисов воспитывался в 1-м московском кадетском корпусе).

³ См. примеч. 19 к письму 4.

⁴ Борисов имеет в виду мистера Покета, героя романа Диккенса «Большие надежды», который, когда был чем-либо обеспокоен, запускал «обе руки в свои растрепанные волосы и, казалось, делал самые странные усилия, чтобы приподнять себя». Перевод этого романа печатал в 1861 г. «Русский вестник» (№ 2–8). В письме к Тургеневу 12 октября 1861 г. Борисов, восторженно отозвавшись о «Больших надеждах», замечает: «Вспомните мистера Покета — это я. Так и поднимаю себя за волосы» (*Хмелевская*. С. 352; 353, примеч. 13).

⁵ Об И. Федорове см. примеч. 14 к письму 3.

⁶ *Колчуги* — видимо, то же, что *колчушки* (*колчужки*) — замерзшие или засохшие комья земли (Словарь орловских говоров. «К». Орел, 1992. С. 67). В повести Л. Н. Толстого «Поликушка» читаем: «Дутлов пошел домой, задумчиво постукивая лутюшкой по колчужкам дороги» (*Толстой Л. Н. Собр. соч.*: В 20 т. Т. 3. С. 344).

⁷ *Ковчег* — возок, купленный Борисовым для переселения из Москвы в Новоселки. В письме к Тургеневу от 8 января 1861 г. он писал, что собирается выехать в деревню Ноем: со всеми домочадцами, включая собаку и воробья (*Хмелевская*. С. 346).

⁸ Очевидно, Борисов перефразирует заключительную строку стихотворения Ф. И. Тютчева «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» (1850–1851): «Могу дышать, но жить уж не могу».

⁹ Шеншины, а затем Борисовы являлись прихожанами Успенской церкви соседнего села Ядрино, расположенного в 3-х верстах от Новоселок (здание этой церкви, перестроенное в сельский дом культуры, существовало до недавнего времени). Фет вспоминает: «Каменная, далеко не казенной архитектуры, Ядринская церковь была и нашим Новосельским приходом» (*ПГ*. С. 23–24). Имя священника Успенской церкви — *Дмитрий Руденский* — значится в свидетельстве о рождении и крещении сына Борисовых Петра (*РГИА*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. А. Борисова — В. А. Шеншину

Июнь (?) 1850 г. Из Новоселок в Пятигорск

C'est avec le plus grand plaisir que j'ai lu tes deux lettres, mon cher ami, seulement tu as bien tort croyant qu'en présence de Lubinka ton souvenir s'efface de ma mémoire, tout au contraire, chaque jour nous avons parlé de l'attention et de l'amitié que <tu> nous a démontré et je ne désire rien autant, que les sentiments que nous nous portons mutuellement (y compris music,^a Lubinka et Pierre) restent toujours les mêmes. Depuis hier je suis

^a music — *вписано над строкой*.

fine seule avec le père et les nouvelles de ton voyage que j'ai reçue l'un de ces jours ne font qu'augmenter à ma tristesse et à ma mauvaise humeur. J'aurais plutôt contenti de rester quelques mois de plus seule avec le père que de te savoir tracassé et abattu comme tu l'es maintenant. Mais il n'y a pas de remède à cela; il faut seulement prendre, s'armer de la patience pour supporter tous ces énormes inconvenients avec plus de sang-froid. Le terme de cette épreuve n'est pas aussi éloigné que tu l'imagines, rien que trois mois et tu nous reviendras bien portant, fort et avec une grande provision d'une belle qualité qui n'est jamais de trop même pour les hommes: <1 нрзб> la patience.⁶ J'écris de la sorte qu'on pourrait croire que toutes les bonnes qualités sont de trop pour les hommes, mais je veux dire qu'en général vous ne jugez pas à propos d'en avoir la plus minime partie disant: que c'est une qualité qui appartient exclusivement aux femmes. Il faut savoir tirer de tout le bon côté, ou du moins tolérer que les autres le fasse pour n<ou>s.

Comptant m-me Soukhanoff pour une femme d'esprit je suis très contente que tu l'as rencontré car vraisemblablement tu a passé bien ton soirée avec elle. Je voudrais que tu rencontre en route^b encore quelqu'un de tes bonnes connaissances, cela te divertira n'est-ce pas?

Que te dirais-je de ma personne? — rien ne me réussit: devant toi encore le père en revenant d'Orel m'a averti que Wolf ne pourra me donner leçons vu qu'il part pour la campagne des Skariatine, à présent il vient d'apprendre par m-me Saken¹ que Krivtsoff ne permet pas au maître de musique de s'absenter, donc tous mes plans, toutes mes belles espérances se sont évaporées comme la fumée; je reste comme je l'étais ignorante sous tous les rapports, sachant que le père a dépensé des milliers de roubles pour me faire musicienne et ne pouvant pas compenser le pauvre vieillard pour toutes ses peines en lui jouant une pièce quelconque sans fautes. Misérable que je suis, j'ose encore avoir la hardiesse de penser à Schiller, à Lamartine, à tous ces grands hommes! il me faut une grammaire que les enfants savent par cœur, pour me faire écrire correctement et quand je porte mes regards sur cette lettre je rougis pour^r ma nonchalance, car je t'assure si je donnais la peine je pourrais mieux écrire mais il me manque de la patience de me donner un peu de peine pour fabriquer une lettre mieux que ne l'aurait fait une fille de commun. Vraiment je suis à plaindre; le pire est dans ce que je comprends, je vois clairement ce que je suis et ce que serais toujours. Si tu pouvais comprendre l'état triste où se trouve mon esprit, mon âme, tu aurais pitié pour moi. Pourquoi te fatiguer avec une conversation qui est aussi trop pénible pour

⁶ Далее вставка на полях до слов: Il faut...

^b en route — вписано над строкой.

^r pour — вписано вместо зачеркнутого: de

moi, je veux plutôt te dire que le père était très surpris en lisant tes projets pour le retour du Caucase² mais à ce qu'il paraît il a compris l'ennui, je dirais la punition qu'il t'a infligé. Je te supplie une chose, s'il t'écrit quelques impertinences, sois raisonnable ne les prendre pas tellement à cœur, et pense que nous tous nous aurons notre tour d'en recevoir de bien meilleurs encore. Je te prie donc si tu m'aimes un tant soit peu de ne faire¹ aucune attention à ce qu'il dira dans sa lettre.

Je viens de recevoir ton troisième billet; merci mon bon frère, cent fois merci, fais cela, écris-moi aussi souvent qu'il est possible, tu me fais un bien immense, cela fait passer les rides qui se forment déjà sur mon front. Je ne sais ce qui se fait dans mon intérieur, il me paraît que bientôt je serais ternée, je veux entreprendre tout à la fois et je ne fais rien, je ne m'avance pas d'un pouce, je ne peux rien faire, cette idée me tracasse, me poursuit, ne me donne du repos ni jour ni nuit, me brûle le cerveau.

Si quelqu'un venait pour me guider, pour me montrer le chemin que je dois suivre. Dans l'état où je suis depuis quelque temps j'ai eu la sottise de croire aux promesses de m-me Ozéus <?>, je l'attendais comme mon ange tutélaire, je croyais qu'elle s'occuperait de moi, m'éclaircissait autant qu'il le faut pour une personne de ma condition, hélas! Elle ne songe même pas à venir dans nos contrées. Trêve de plaintes! apparemment que c'est mon sort, que je serais plus heureuse restant comme je suis. Merci infiniment pour le livre, je ne le tiens pas encore de Pierre, mais j'espère que l'un de ces jours il me l'envoyera.

Jusqu'à la prochaine poste — à présent j'achève ma belle épître en t'envoyant mille baisers. A toi de cœur

N. Schenchin.

P. S. Je t'annonce une nouvelle très agréable pour toi. Jean Borissoff en passant à Taguanrog³ a l'intention de te faire une visite à Piatigorsk — si tu le vois fais lui mes compléments.

С французского:

С огромнейшим удовольствием прочитала я два твоих письма, мой милый друг, только ты очень ошибаешься, полагая, что в присутствии Любиньки воспоминание о тебе стирается из моей памяти, каждый день мы говорим о внимании и дружбе, которые <ты> нам выказывал, и ничего более я не желаю, как только чтобы чувства, которые мы испытываем друг к другу (включая музыку, Любиньку и Петра), оставались неизменными. Со вчерашнего дня я почти одна с отцом, и новости твоего

¹Далее зачеркнуто: pas

путешествия, которые я получила от тебя на днях, лишь увеличили мою грусть и дурное настроение. Я бы скорее согласилась провести в одиночестве с отцом еще несколько месяцев, чем знать, что ты обеспокоен и подавлен, как сейчас. Но против этого нет лекарства; надо только набраться, вооружиться терпением, чтобы вынести все эти ужасные неурядицы с большим хладнокровием. Конец этого испытания не так далек, как ты себе представляешь, всего три месяца и ты вернешься к нам здоровым, сильным и с большим запасом прекрасного качества, никогда не лишнего даже для мужчин: <1 нрзб> терпения.^с Я пишу таким образом, будто все хорошие качества излишни для мужчин, но хочу сказать, что в целом вы судите о нем некстати по малейшей его части, говоря, что это качество свойственно исключительно женщинам. Надо во всем находить хорошие стороны или, по крайней мере, терпеть, когда другие это делают для нас.

Зная г-жу Суханову за умную женщину, я рада, что ты встретил ее, поскольку, по правде говоря, ты провел с нею хороший вечер. Мне бы хотелось, чтобы в дороге ты встретил еще несколько добрых знакомых, ведь это тебя развлечет, не так ли?

Что тебе сказать о себе? ничто мне не удастся: еще при тебе отец, вернувшись из Орла, сказал, что Вольф более не сможет давать мне уроки, поскольку уезжает в деревню к Скарятиним, после этого он узнал от г-жи Сакен,¹ что Кривцов не разрешает учителю музыки отлучаться, так что все мои планы, все мои прекрасные надежды испарились как дым; я остаюсь, как и была, невеждой во всех отношениях, зная только, что отец потратил тысячи рублей, чтобы выучить меня музыке и что я не могу возместить затраты бедного старика, сыграв без ошибок какую-нибудь пьесу. А еще я, презренная, имею дерзость мечтать о Шиллере, о Ламартине, об этих великих людях! мне нужна грамматика, которую дети знают наизусть, чтобы научиться писать без ошибок, и, когда я бросаю взгляд на это письмо, я краснею за свое нерадение, поскольку, уверяю тебя, если бы сделала усилия, то могла бы писать лучше, но мне не хватает терпения немного постараться и сочинить письмо лучше, чем это делают обыкновенные девушки. Я в самом деле достойна жалости; и самое худшее в этом, что я сознаю, я ясно вижу, кем являюсь и кем буду всегда. Если бы ты мог понять печальное состояние, в котором находится мой разум, моя душа, ты бы пожалел меня. Зачем утомлять тебя разговором, который для меня столь же тягостен; лучше скажу тебе, что отец был очень удивлен, читая о твоих планах возвра-

^с Далее вставка на полях до слов: Надо во всем...

щения с Кавказа,² но, кажется, он понял огорчение, я бы сказала, наказание, которое он на тебя наложил. Умоляю тебя об одном, если он тебе напишет какие-нибудь грубости, будь благоразумным и не принимай их близко к сердцу и подумай, что настанет и наш черед извлечь из этого благо. Итак, я прошу тебя, если ты меня хоть немного любишь, не обращай никакого внимания на то, что он скажет тебе в своем письме.

Я только что получила твою третью записку; спасибо, мой добрый брат, сто раз спасибо, так и делай, пиши мне как можно чаще, ты приносишь тем самым мне великое благо, это разглаживает морщины, которые уже появляются на моем лбу. Не знаю, что происходит внутри меня, мне кажется, что скоро я тронусь умом, я хочу сделать сразу все и не делаю ничего, я не продвигаюсь ни на пядь, я не делаю ничего, эта мысль беспокоит меня, преследует, не дает покоя ни днем ни ночью, прожигает мне мозг. Если бы появился кто-то, кто руководил бы мною, кто показал бы мне путь, по которому идти. Будучи уже некоторое время в таком состоянии, я имела глупость поверить обещаниям г-жи Озеюс <?>, я ждала ее как своего ангела хранителя, я верила, что она займется мной и просветит меня, насколько это возможно по отношению к человеку в моем положении, увы! она даже не собирается в наши края. Довольно жалоб! кажется, это моя судьба быть более счастливой в том положении, что я есть. Бесконечно благодарю за книгу, я еще не получила ее от Пьера, но надеюсь, что на днях он мне ее перешлет. До следующей почты — теперь заканчиваю мое прекрасное послание, посылая тебе тысячу поцелуев. Сердечно твоя

Н. Шеншина.

P. S. Сообщаю тебе очень приятную новость. Иван Борисов проездом в Таганрог намерен посетить тебя в Пятигорске³ — если ты увидишь его, кланяйся ему от меня.

Печатается по автографу: РГБ. Ф. 315. К. 6. № 23. Л. 5–6 об.

Текст письма переведен и подготовлен к печати Н. П. Генераловой. Датируется предположительно, на основании постскриптума, см. примеч. 3.

¹ Баронесса *Евдокия Петровна Остен-Сакен*, урожд. Солнцева (ок. 1818–1860) — жена отставного гвардии полковника барона Николая Петровича Остен-Сакена (р. 1801), богатого помещика, соседа А. Н. Шеншина по Клейменову.

² В. А. Шеншин находился в Пятигорске, где, видимо, проходил курс лечения минеральными водами.

³ Борисов, зачисленный 9 июня 1850 г. в Куринский полк, для приобретения познаний фронтальной службы был прикомандирован в Таганрог, к Резервной дивизии Отдельного кавказского корпуса, и прибыл к месту назначения 1 июля 1850 г. Путь в Таганрог лежал мимо Пятигорска.